

COVID-19: THE GREAT RESET

KLAUS SCHWAB
THIERRY MALLERET

FORUM PUBLISHING

COVID-19: Великая перезагрузка

Тьерри Маллере

Клаус Шваб, Тьерри Маллере COVID-19: Великая перезагрузка

COVID-19: **БОЛЬШОЙ СБРОС**

Великая перезагрузка

ФОРУМ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Выпуск 1.0

© Всемирный экономический форум 2020

Все права защищены Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в любой форме и любыми средствами, включая фотокопирование или записи, или любой системой хранения и поиска информации.

Всемирный Экономический Форум

91-93 route de la Capite

CH-1223 Колоньи / Женева

Швейцария

Тел .: +41 (0) 22 869 1212

Факс +41 (0) 22 786 2744

почта: contact@weforum.org

www.weforum.org

ISBN 978-2-940631-11-7

О книге

С тех пор, как COVID-19 вышел на мировую арену, он резко разрушил существующий сценарий управления странами, жизни с другими и участия в мировой экономике. Написано основателем Всемирного

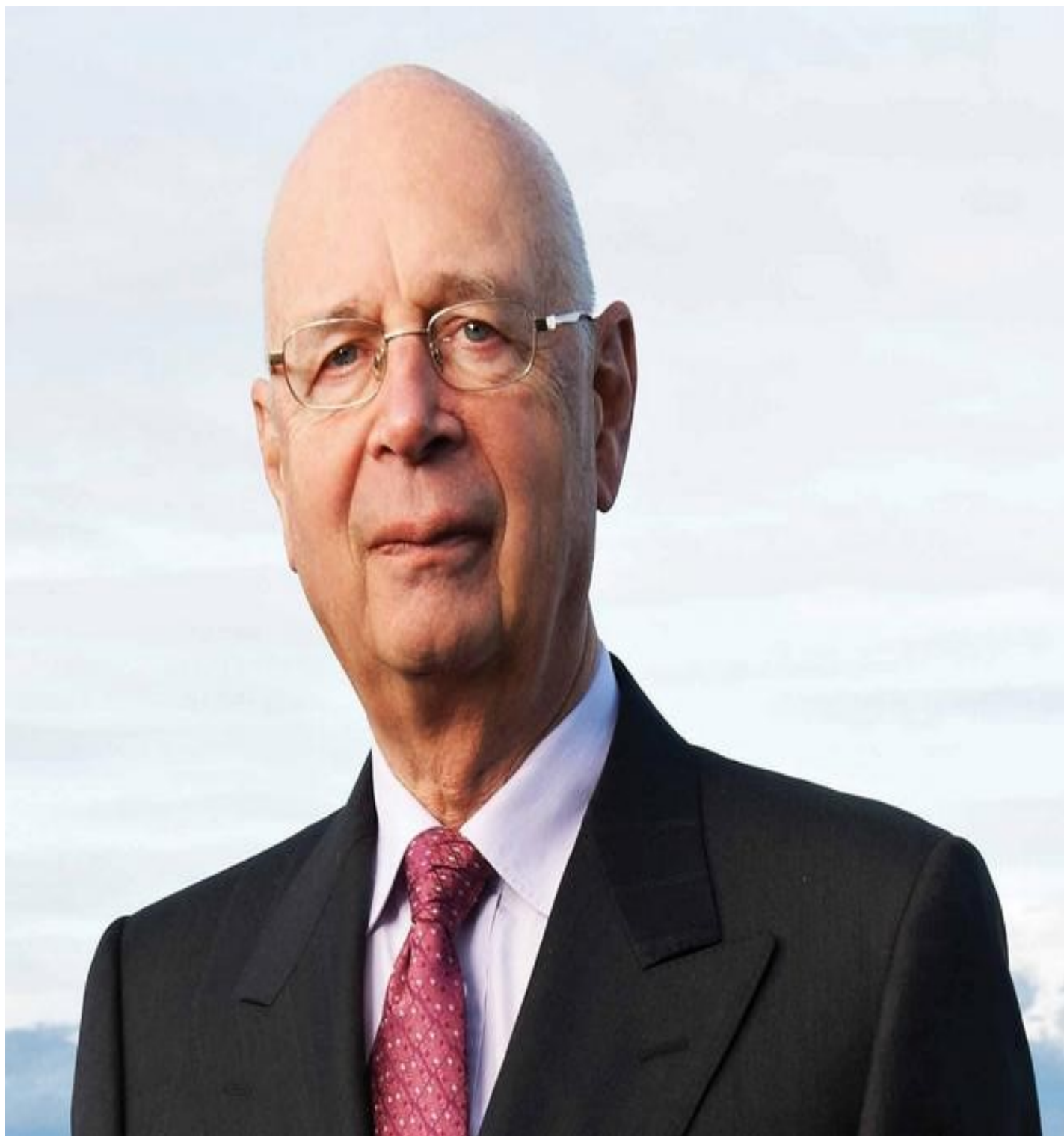
экономического форума Клаусом Швабом и автором Ежемесячного барометра Тьерри Маллере, «COVID-19: The Great Reset» рассматривает его далеко идущие и драматические последствия для завтрашнего мира.

Основная цель книги - помочь понять, что происходит во множестве областей. Опубликованный в июле 2020 года в разгар кризиса и когда новые волны заражения все еще могут возникать, он представляет собой гибрид между современным эссе и академическим снимком критического момента в истории. Он включает теорию и практические примеры, но в основном носит пояснительный характер, содержащий множество предположений и идей о том, как может и, возможно, должен выглядеть постпандемический мир.

Книга состоит из трех основных глав, предлагающих панорамный обзор будущего ландшафта. В первом оценивается влияние пандемии на пять ключевых макрокатегорий: экономические, социальные, геополитические, экологические и технологические факторы. Во втором рассматривается воздействие на микроуровне для конкретных отраслей и компаний. Третья гипотеза предполагает характер возможных последствий на индивидуальном уровне.

В начале июля 2020 года мы находимся на перепутье, утверждают авторы «COVID-19: Спор о Великой перезагрузке». Один путь приведет нас к лучшему миру: более инклюзивному, более справедливому и более уважительному к Матери-природе. Другой перенесет нас в мир, похожий на тот, который мы только что оставили, но еще хуже и постоянно преследуемый неприятными сюрпризами. Поэтому мы должны сделать это правильно. Надвигающиеся вызовы могут иметь более серьезные последствия, чем мы до сих пор представляли, но наша способность к перезагрузке также может быть больше, чем мы ранее осмеливались надеяться.

Об авторах

Профессор **Клаус Шваб** (1938, Равенсбург, Германия) - основатель и исполнительный председатель Всемирного экономического форума. В 1971 году он опубликовал «Современное управление предприятием в машиностроении». В этой книге он утверждает, что компания должна служить не только акционерам, но и всем заинтересованным сторонам, чтобы достичь долгосрочного роста и процветания. Для продвижения концепции заинтересованных сторон в том же году он основал Всемирный экономический форум.

Профессор Шваб имеет докторскую степень по экономике (Фрибургский университет) и инженерии (Швейцарский федеральный технологический институт) и получил степень магистра государственного управления (МРА) в Школе государственного управления Кеннеди Гарвардского университета. В 1972 году, помимо своей руководящей роли на Форуме, он стал профессором Женевского университета. С тех пор он получил множество международных и национальных наград, в том числе 17 почетных степеней. Его последние книги Четвертая индустриальная революция (2016), мировой бестселлер, переведенный на 30 языков и Формируя будущее четвертой индустриальной Революции (2018).

Тьерри Маллерет (1961, Париж, Франция) - управляющий партнер «Ежемесячного барометра», краткого прогнозного анализа, предоставляемого частным инвесторам, глобальным генеральным директорам, лицам, принимающим общественное мнение и принимающим решения. Его профессиональный опыт включает создание Глобальной сети рисков на Всемирном экономическом форуме и руководство ее программной командой.

Маллере получил образование в Сорбонне и Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales в Париже, а также в колледже Святого Антония в Оксфорде. Имеет степень магистра экономики и истории и докторскую степень по экономике. Его карьера охватывает инвестиционный банкинг, аналитические центры, академические круги и правительство (три года проработал в кабинете премьер-министра в Париже). Он написал несколько деловых и академических книг и опубликовал четыре романа. Он живет в Шамони, Франция, со своей женой Мэри Энн.

Введение

Мировой кризис, спровоцированный пандемией коронавируса, не имеет аналогов в современной истории. Нас нельзя обвинить в преувеличении, когда мы говорим, что они погружают наш мир в целом и каждого из нас индивидуально в самые сложные времена, с которыми мы сталкивались на протяжении поколений. Это наш определяющий момент - мы будем иметь дело с его последствиями в течение многих лет, и многое изменится навсегда. Это приводит к экономическому разрушению монументальных масштабов, создавая опасный и нестабильный период на нескольких фронтах - политическом, социальном, геополитическом - вызывая глубокую озабоченность по поводу окружающей среды, а также расширяя охват (пагубные или иные) технологий в нашей жизни. Ни одна отрасль или бизнес не будут защищены от воздействия этих изменений. Миллионы компаний рискуют исчезнуть, а будущее многих отраслей остается неопределенным; некоторые будут процветать. На индивидуальной основе для многих жизнь, которую они всегда знали, рухнет с пугающей скоростью. Но глубокие экзистенциальные кризисы также способствуют самоанализу и могут таить в себе потенциал для трансформации. Линии разломов в мире - в первую очередь социальное разделение, отсутствие справедливости, отсутствие сотрудничества, провал глобального управления и лидерства - теперь обнажены как никогда раньше, и люди чувствуют, что пришло время для переосмысления. Возникнет новый мир, контуры которого мы можем представить и нарисовать. провал глобального управления и лидерства - теперь они как никогда разоблачены, и люди чувствуют, что пришло время для переосмысления. Возникнет новый мир, контуры которого мы можем представить и нарисовать. провал глобального управления и лидерства - теперь они как никогда разоблачены, и люди чувствуют, что пришло время для переосмысления. Возникнет новый мир, контуры которого мы можем представить и нарисовать.

На момент написания (июнь 2020 г.) пандемия продолжает ухудшаться во всем мире. Многие из нас задумываются, когда все вернется на круги своя. Короткий ответ: никогда. Ничто никогда не вернется к «нарушенному» чувству нормальной жизни, которое преобладало до кризиса, потому что пандемия коронавируса знаменует собой фундаментальный переломный момент в нашей глобальной траектории. Некоторые аналитики называют это серьезной бифуркацией, другие - глубоким кризисом «библейских» масштабов, но суть остается той же: мир, каким мы его знали в первые месяцы 2020 года, больше не существует, растворенный в контексте пандемии. . Грядут радикальные изменения таких последствий, что некоторые эксперты называют эру «до коронавируса» (BC) и «после коронавируса» (AC). Мы продолжим удивляться как скорости, так и неожиданному характеру этих изменений - поскольку они объединяются друг с другом, они вызывают последствия второго, третьего, четвертого и более порядка, каскадные эффекты и непредвиденные последствия. Поступая таким образом, они сформируют «новую нормальность», радикально отличающуюся от той, которую мы постепенно оставим позади. Многие наши убеждения и предположения о том, как может или должен выглядеть мир, будут разбиты в процессе.

Однако широкие и радикальные заявления (например, «все изменится») и черно-белый анализ по принципу «все или ничего» следует применять с большой осторожностью. Конечно, в реальности будет гораздо больше нюансов. Сама по себе пандемия может не полностью изменить мир, но, вероятно, ускорит многие изменения, которые уже имели место до ее вспышки, что, в свою очередь, приведет в движение другие изменения. Единственная уверенность: изменения не будут линейными, будут преобладать резкие скачки. COVID-19: The Great Reset - это попытка определить и пролить свет на предстоящие изменения, а также внести скромный вклад в определение того, на что может напоминать их более желательная и устойчивая форма.

Давайте начнем с рассмотрения вещей в перспективе: люди существуют около 200000 лет, самые старые бактерии - миллиарды лет, а вирусы - по крайней мере, 300 миллионов лет. Это означает, что, скорее всего, пандемии существовали всегда и были неотъемлемой частью истории человечества с тех пор, как люди начали путешествовать; за последние 2000 лет они были правилом, а не исключением. Из-за своей изначально разрушительной природы эпидемии на протяжении всей истории доказывали, что они являются силой для длительных и часто радикальных изменений: разжигая беспорядки, вызывая столкновения населения и военные поражения, но также вызывая инновации, меняя национальные границы и часто прокладывая путь революциям. Вспышки вынудили империи изменить курс - например, Византийскую империю, когда она поражена чумой Юстиниана в 541-542 годах - а некоторые даже исчезли совсем - когда императоры ацтеков и инков умерли вместе с большинством своих подданных от европейских микробов. Кроме того, авторитетные меры по их сдерживанию всегда были частью политического арсенала. Таким образом, нет ничего нового в ограничениях и ограничениях, наложенных на большую часть мира для борьбы с COVID-19. Это была обычная практика на протяжении веков. Самые ранние формы заключения пришли с карантином, установленным в попытке сдержать Черную смерть, которая между 1347 и 1351 годами убила около трети всех европейцев. Исходя из слова quaranta (что по-итальянски означает «сорок»), идея заключения людей на 40 дней возникла без реального понимания властями того, что они

хотят сдерживать, но эти меры были одной из первых форм «институционального общественного здравоохранения». Это помогло узаконить «наращивание власти» со стороны современного государства.^[1] Срок 40 дней не имеет под собой медицинских оснований; оно было выбрано по символическим и религиозным причинам: и Ветхий, и Новый Заветы часто ссылаются на число 40 в контексте очищения - в частности, 40 дней Великого поста и 40 дней потопа в Бытии.

Распространение инфекционных заболеваний обладает уникальной способностью подпитывать страх, беспокойство и массовую истерию. При этом, как мы видели, это также бросает вызов нашей социальной сплоченности и коллективной способности справляться с кризисом. Эпидемии по своей природе вызывают разногласия и травмируют. То, против чего мы боремся, невидимо; наша семья, друзья и соседи могут стать источниками инфекции; те повседневные ритуалы, которыми мы дорожим, например встреча с другом в общественном месте, могут стать средством передачи; и власти, которые пытаются защитить нас, применяя меры лишения свободы, часто воспринимаются как агенты угнетения. На протяжении всей истории важным и повторяющимся образцом был поиск козлов отпущения и твердое возложение вины на постороннего. В средневековой Европе евреи почти всегда были среди жертв самых громких погромов, спровоцированных чумой. Один трагический пример иллюстрирует это: в 1349 году, через два года после того, как Черная смерть начала бродить по континенту, в Страсбурге в день святого Валентина евреи, которых обвиняли в распространении чумы, загрязняя городские колодцы попросил преобразовать. Около 1000 человек отказались и были заживо сожжены. В том же году еврейские общины в других европейских городах были уничтожены, что вынудило их массово мигрировать в восточную часть Европы (в 000 отказались и были сожжены заживо. В том же году еврейские общины в других европейских городах были уничтожены, что вынудило их массово мигрировать в восточную часть Европы (в Польшу и Россию), постоянно меняя демографию континента. То, что верно для европейского антисемитизма, также применимо к подъему абсолютистского государства, постепенному отступлению церкви и многим другим историческим событиям, которые в немалой степени можно отнести к пандемиям. Изменения были настолько разнообразными и распространенными, что привели к «концу эпохи подчинения», положив конец феодализму и крепостному праву и положив начало эпохе Просвещения. Проще говоря: «Черная смерть могла быть непризнанным началом современного человека».^[2] Если такие глубокие социальные, политические и экономические изменения могут быть спровоцированы чумой в средневековом мире, может ли пандемия COVID-19 ознаменовать начало аналогичного поворотного момента с долгосрочными и драматическими последствиями для современного мира? В отличие от некоторых прошлых эпидемий, COVID-19 не представляет новой экзистенциальной угрозы. Это не приведет к непредвиденным массовым голодам, крупным военным поражениям и смене режима. Целые группы населения не будут ни истреблены, ни перемещены в результате пандемии. Однако это не означает обнадеживающего анализа. На самом деле пандемия резко обостряет уже существующие опасности, которым мы не могли адекватно противостоять слишком долго. Это также ускорит тревожные тенденции, которые накапливались в течение длительного периода времени.

Чтобы начать разработку значимого ответа, нам нужна концептуальная основа (или простая мысленная карта), которая поможет нам задуматься о том, что происходит, и направить нас в осмыслении этого. Идеи, предлагаемые историей, могут быть особенно полезны. Вот почему мы так часто ищем обнадеживающий «мысленный якорь», который может служить ориентиром, когда мы вынуждены задавать себе сложные вопросы о том, что изменится и в какой степени. При этом мы ищем прецеденты с такими вопросами, как: Похожа ли пандемия на испанский грипп 1918 года (который, по оценкам, унес жизни более 50 миллионов человек во всем мире тремя последовательными волнами)? Может ли это быть похоже на Великую депрессию, начавшуюся в 1929 году? Есть ли какое-то сходство с психологическим шоком, нанесенным 11 сентября? Есть ли сходства с тем, что произошло с SARS в 2003 году и H1N1 в 2009 году (хотя и в другом масштабе)? Может ли это быть похоже на великий финансовый кризис 2008 года, но намного масштабнее? Правильный, хоть и нежелательный, ответ на все эти вопросы: нет! Ни один из них не соответствует масштабам и характеру человеческих страданий и экономических разрушений, вызванных нынешней пандемией. В частности, экономические последствия не похожи ни на один кризис в современной истории. Как отмечали многие главы государств и правительств в разгар пандемии, мы находимся в состоянии войны, но с врагом, который невидим, и, конечно, метафорически: «Если то, что мы переживаем, действительно можно назвать войной, это конечно нетипичный. Ведь сегодняшнего врага разделяет все человечество».^[3]

Тем не менее, Вторая мировая война может даже стать одним из самых важных ментальных якорей в попытках оценить, что будет дальше. Вторая мировая война была типичной трансформационной войной, вызвавшей не только фундаментальные изменения в мировом порядке и мировой экономике, но и

повлекшая за собой радикальные сдвиги в социальных установках и убеждениях, которые в конечном итоге проложили путь для радикально новой политики и положений социального договора (например, присоединение женщин к рабочей силе до того, как стать избирателями). Очевидно, что между пандемией и войной есть фундаментальные различия (которые мы рассмотрим более подробно на следующих страницах), но величина их преобразующей силы сопоставима. Оба могут стать трансформирующим кризисом ранее невообразимых масштабов. Однако следует остерегаться поверхностных аналогий. Даже при наихудшем ужасном сценарии COVID-19 убьет гораздо меньше людей, чем Великие чумы, включая черные смерти, или Вторая мировая война. Более того, сегодняшняя экономика не похожа на экономику прошлых веков, основанную на ручном труде, сельскохозяйственных угодьях или тяжелой промышленности. Однако в сегодняшнем в высшей степени взаимосвязанном и взаимозависимом мире влияние пандемии выйдет далеко за рамки (уже ошеломляющей) статистики, относящейся «просто» к смерти, безработице и банкротствам.

COVID-19: Великая перезагрузка написана и опубликована в разгар кризиса, последствия которого будут разворачиваться в ближайшие годы. Неудивительно, что все мы чувствуем себя несколько сбитыми с толку - чувство, столь понятное, когда случается сильный шок, приносящий с собой тревожную уверенность в том, что его результаты будут одновременно неожиданными и необычными. Эта странность хорошо уловлена

Альбер Камю в его романе 1947 года «Чума»: «Однако все эти изменения были, в определенном смысле, настолько фантастическими и происходили так стремительно, что было непросто рассматривать их как постоянные».^[4] Теперь, когда над нами происходит немыслимое, что будет дальше, сразу после пандемии, а затем в обозримом будущем?

Конечно, еще слишком рано говорить с какой-либо разумной точностью, что повлечет за собой COVID-19 с точки зрения «важных» изменений, но цель этой книги - предложить некоторые последовательные и концептуально обоснованные рекомендации о том, что может быть впереди, и сделайте это как можно более полно. Наша цель - помочь читателям осознать многогранность грядущих изменений. По крайней мере, как мы будем утверждать, пандемия ускорит системные изменения, которые уже были очевидны до кризиса: частичный отход от глобализации, растущее разъединение между США и Китаем, ускорение автоматизации, опасения по поводу усиленного наблюдения, растущая привлекательность политики обеспечения благополучия, рост национализма и последующий страх перед иммиграцией, растущая мощь технологий, необходимость для фирм иметь еще более сильное присутствие в Интернете, среди многих других. Но он мог выйти за рамки простого ускорения, изменив вещи, которые раньше казались неизменными. Таким образом, это может спровоцировать изменения, которые до пандемии казались немыслимыми, такие как новые формы денежно-кредитной политики, такие как деньги на вертолеты (уже само собой разумеющееся), пересмотр / корректировка некоторых из наших социальных приоритетов и расширенный поиск общего блага как политическая цель, понятие справедливости, обретающее политическую силу, радикальные меры социального обеспечения и налогообложения, а также радикальные геополитические преобразования.

Более широкая идея заключается в следующем: возможности для изменений и результирующий новый порядок теперь безграничны и ограничены только нашим воображением, к лучшему или к худшему. Общества могут стать либо более эгалитарными, либо более авторитарными, либо ориентированными на большую солидарность или больший индивидуализм, благоприятствуя интересам немногих или многих; экономики, когда они выздоравливают, могут встать на путь большей инклюзивности и быть более приспособленными к потребностям нашего глобального достояния, или они могли бы вернуться к нормальной работе, как раньше. Вы уловили суть: мы должны воспользоваться этой беспрецедентной возможностью, чтобы переосмыслить наш мир, чтобы сделать его лучше и устойчивее, когда он возникает по другую сторону этого кризиса.

Мы осознаем, что попытка охватить объем и широту всех вопросов, рассматриваемых в этой книге, - огромная задача, которая может быть даже невозможна. Тема и все связанные с ней неопределенности колоссальны и могли бы заполнить страницы публикации в пять раз больше этой. Но нашей целью было написать относительно краткую и простую книгу, чтобы помочь читателю понять, что происходит во множестве областей. Чтобы как можно меньше прерывать поток текста, справочная информация появляется в конце книги, а прямые ссылки на авторство сведены к минимуму. Публикуется в разгар кризиса и когда ожидаются новые волны заражения, он будет постоянно развиваться с учетом меняющейся природы предмета. Будущие издания будут обновляться с учетом новых результатов, последних исследований,

Этот том представляет собой гибрид легкой академической книги и эссе. Он включает теорию и практические примеры, но в основном носит пояснительный характер, содержащий множество предположений и идей о том, как может и, возможно, должен выглядеть постпандемический мир. Он не

предлагает ни простых обобщений, ни рекомендаций для мира, движущегося к новой нормальной жизни, но мы надеемся, что это будет полезно.

Эта книга состоит из трех основных глав, предлагающих панорамный обзор будущего ландшафта. В первом оценивается влияние пандемии на пять ключевых макрокатегорий: экономические, социальные, геополитические, экологические и технологические факторы. Во втором рассматривается воздействие на микроуровне для конкретных отраслей и компаний. Третья гипотеза предполагает характер возможных последствий на индивидуальном уровне.

1. Макросброс

Первый этап нашего пути проходит через пять макро-категорий, которые предлагают исчерпывающую аналитическую основу для понимания того, что происходит в современном мире и как это может развиваться. Для удобства чтения мы тематически путешествуем по каждому в отдельности. На самом деле они взаимозависимы, с чего мы и начинаем: наш мозг заставляет нас мыслить линейно, но мир, который нас окружает, нелинейный, то есть сложный, адаптивный, динамичный и неоднозначный.

1.1. Концептуальная основа - три определяющих характеристики современного мира

Макро-перезагрузка произойдет в контексте трех преобладающих светских сил, которые формируют наш мир сегодня: взаимозависимости, скорости и сложности. Это трио оказывает в большей или меньшей степени свою силу на всех нас, кем бы и где бы мы ни были.

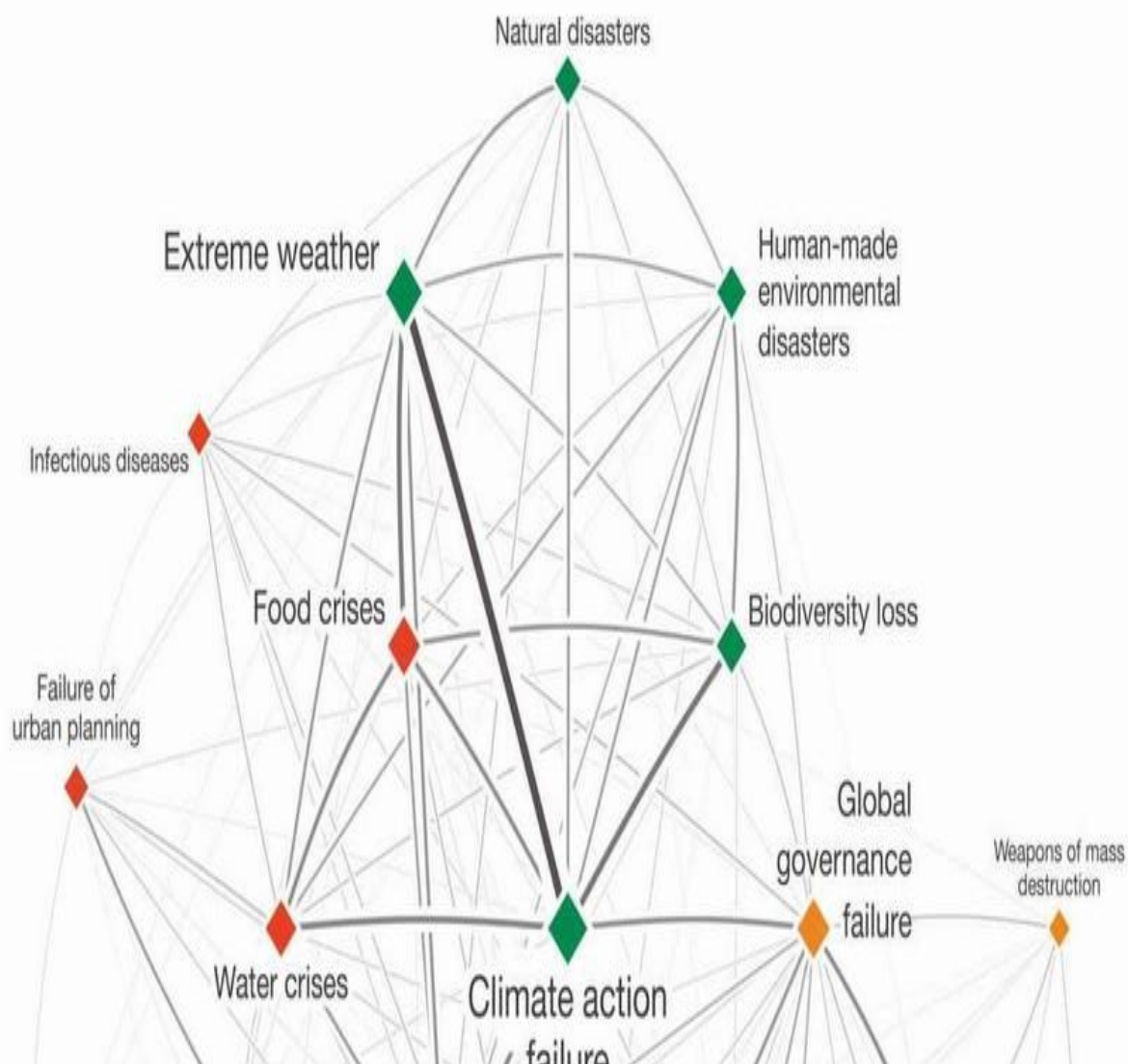
1.1.1. Взаимозависимость

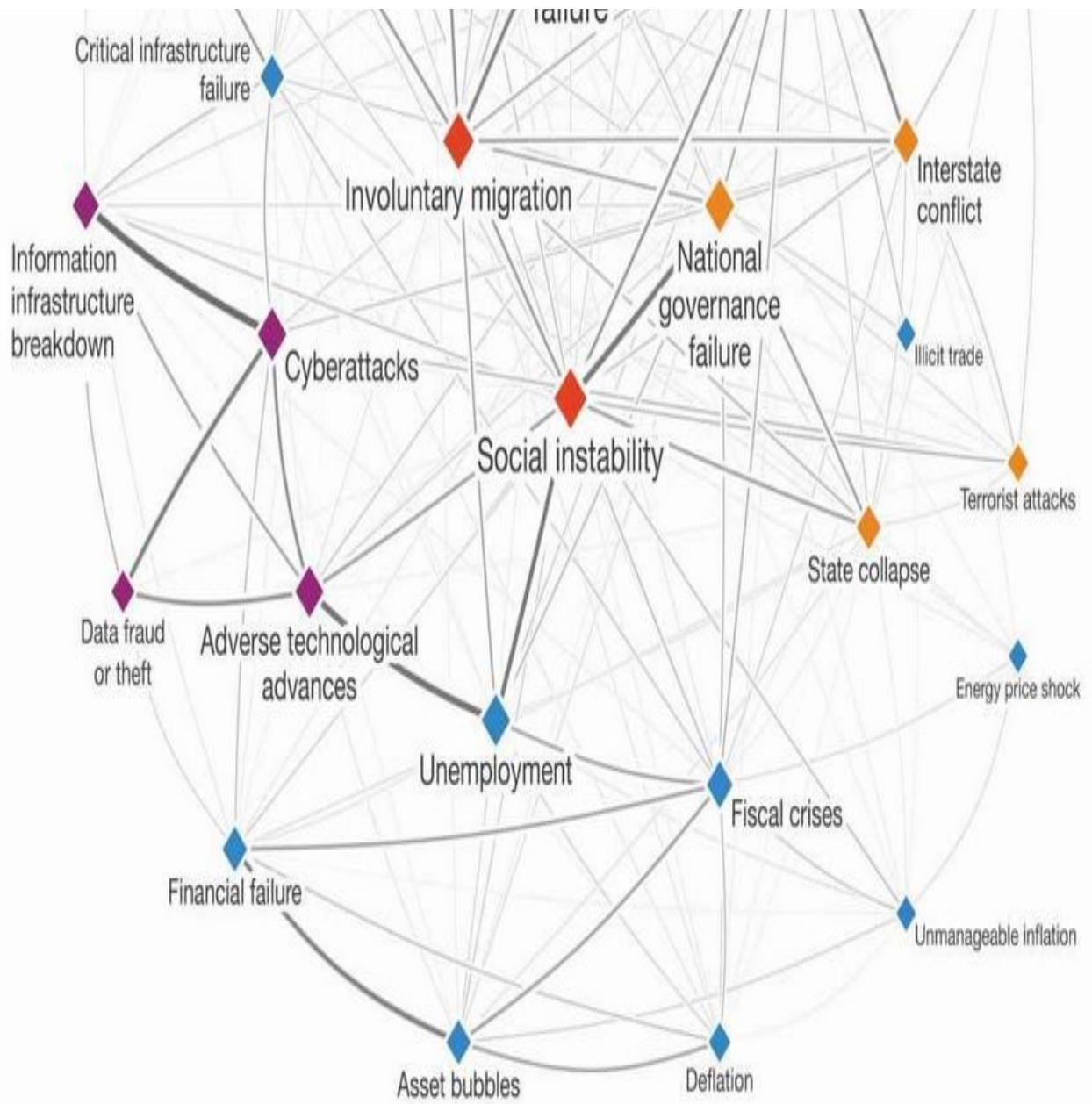
Если бы только одно слово могло раскрыть суть 21 века, это было бы «взаимозависимость». Побочный продукт глобализации и технического прогресса, его можно по существу определить как динамику взаимной зависимости между элементами, составляющими систему. Тот факт, что глобализация и технический прогресс так сильно продвинулись вперед за последние несколько десятилетий, побудил некоторых ученых мужей заявить, что мир теперь «гиперсвязан» - вариант взаимозависимости от стероидов! Что означает эта взаимозависимость на практике? Просто мир «сцеплен»: связан вместе. В начале 2010-х Кишор Махбубани, академик и бывший дипломат из Сингапура, запечатлел эту реальность с помощью метафоры лодки: «7 миллиардов человек, населяющих планету Земля, больше не живут в более чем сотне отдельных лодок [стран]. Вместо, все они живут в 193 отдельных каютах на одной лодке». По его собственным словам, это одно из величайших преобразований в истории. В 2020 году он продолжил эту метафору в контексте пандемии, написав: «Если мы, 7,5 миллиарда человек, теперь застряли вместе на зараженном вирусом круизном лайнере, имеет ли смысл чистить и мыть только наши личные каюты, игнорируя коридоры и вентиляционные колодцы снаружи, по которым распространяется вирус? Ответ однозначный: нет. Тем не менее, это то, что мы делаем. ... Поскольку мы сейчас находимся в одной лодке, человечество должно заботиться о глобальной лодке в целом». 5 миллиардов человек теперь застряли вместе на зараженном вирусом круизном лайнере, имеет ли смысл чистить и чистить только наши личные каюты, игнорируя коридоры и вентиляционные колодцы снаружи, по которым распространяется вирус? Ответ однозначный: нет. Тем не менее, это то, что мы делаем. ... Поскольку мы сейчас находимся в одной лодке, человечество должно заботиться о глобальной лодке в целом». [5]

Взаимозависимый мир - это мир глубокой системной взаимосвязи, в котором все риски влияют друг на

друга через сеть сложных взаимодействий. В таких условиях утверждение, что экономический риск будет ограничен экономической сферой или то, что экологический риск не будет иметь последствий для рисков иного характера (экономических, геополитических и т. д.), больше не приемлемо. Мы все можем думать об экономических рисках, которые превращаются в политические (например, резкий рост безработицы, ведущей к очагам социальных волнений), или о технологических рисках, трансформирующихся в социальные (например, проблема отслеживания пандемии с помощью мобильных телефонов, вызывающая негативную реакцию общества.). При изолированном рассмотрении индивидуальные риски - экономического, геополитического, социального или экологического характера - создают ложное впечатление, что их можно сдерживать или смягчать; в реальной жизни системная связь показывает, что это искусственная конструкция. Во взаимозависимом мире риски усиливают друг друга и при этом имеют каскадные эффекты.

На диаграмме ниже, взятой из Доклада о глобальных рисках Всемирного экономического форума за 2020 год,^[6] делает это очевидным. Это иллюстрирует взаимосвязанный характер рисков, с которыми мы все вместе сталкиваемся; каждый индивидуальный риск всегда объединяется с рисками из его собственной макрокатегории, но также и с индивидуальными рисками из других макрокатегорий (экономические риски показаны синим, геополитические - оранжевым, социальные - красным, экологические - зеленым, а технологические - фиолетовым). Таким образом, каждый отдельный риск таит в себе возможность вызвать эффекты рикошета, провоцируя другие риски. Как видно из диаграммы, риск «инфекционных заболеваний» обязательно будет иметь прямое влияние на «провал глобального управления», «социальную нестабильность», «безработицу», «финансовые кризисы» и «вынужденную миграцию» (и это лишь некоторые из них.). Каждый из них, в свою очередь, будет влиять на другие индивидуальные риски, это означает, что индивидуальный риск, с которого началась цепочка эффектов (в данном конкретном случае «инфекционные заболевания»), в конечном итоге усиливает многие другие риски не только в своей собственной макрокатегории (социальные риски), но и в других четырех макрокатегориях. Это демонстрирует явление заражения через системную связь. В следующих подразделах мы исследуем, что может повлечь за собой риск пандемии с экономической, социальной, геополитической, экологической и технологической точек зрения.

Источник: Всемирный экономический форум, Отчет о глобальных рисках 2020 г., Рисунок IV: Карта взаимосвязей глобальных рисков 2020 г., Обзор восприятия глобальных рисков Всемирного экономического форума за 2019-2020 гг.

Взаимозависимость имеет важный концептуальный эффект: она сводит на нет «разрозненное мышление». Поскольку в конечном итоге имеет значение смешение и системная взаимосвязь, решение проблемы или оценка проблемы или риска в отрыве от других бессмысленно и бесполезно. В прошлом такое «разрозненное мышление» отчасти объясняет, почему так много экономистов не смогли предсказать кредитный кризис (в 2008 году) и почему так мало политологов предвидели приближение арабской весны (в 2011 году). Сегодня такая же проблема с пандемией. Эпидемиологам, специалистам в области общественного здравоохранения, экономистам, социологам и всем другим ученым и специалистам, которые помогают лицам, принимающим решения, понять, что их ждет впереди, трудно (а иногда и невозможно) пересечь границы своей собственной дисциплины. Вот почему, решая сложные компромиссы, такие как сдерживание развития пандемии по сравнению с возобновлением экономики, - это чертовски сложно. Понятно, что большинство экспертов в конечном итоге разбиваются на все более узкие области. Поэтому им не хватает увеличенного изображения, необходимого для соединения множества различных точек, которые обеспечивают более полную картину, в которой отчаянно нуждаются лица, принимающие решения.

1.1.2. Скорость

Сказанное выше четко указывает на технический прогресс и глобализацию как на главных «виновников» большей взаимозависимости. Кроме того, они создали такую культуру непосредственности, что не будет преувеличением сказать, что в сегодняшнем мире все движется намного быстрее, чем раньше. Если бы было выделено что-то одно, чтобы объяснить это поразительное увеличение скорости, то это, несомненно, был бы Интернет. Более половины (52%) населения мира сейчас подключено к Интернету, по сравнению с менее чем 8% 20 лет назад; в 2019 году более 1,5 млрд смартфонов - символ и вектор скорости, позволяющий достичь нас в любом месте и в любое время - были проданы по всему миру. Интернет вещей (IoT) теперь соединяет 22 миллиарда устройств в режиме реального времени, начиная от автомобилей и заканчивая больничными койками, электрическими сетями и насосами для водяных станций, кухонными печами и системами сельскохозяйственного орошения. Ожидается, что к 2030 году это число достигнет 50 миллиардов или больше. Другие объяснения роста скорости указывают на элемент «дефицита»: по мере того, как общество становится богаче, время становится более ценным и поэтому воспринимается как все более дефицитный. Это может объяснить исследования, показывающие, что люди в богатых городах всегда ходят быстрее, чем в бедных - у них нет времени терять! Независимо от причинного объяснения, конец всего этого очевиден: как потребители и производители, супруги и родители, лидеры и последователи, все мы подвергаемся постоянным, хотя и прерывистым, быстрым изменениям.

Мы можем видеть скорость везде; будь то кризис, социальное недовольство, технологические разработки и внедрение, геополитические потрясения, финансовые рынки и, конечно же, проявление инфекционных заболеваний - все сейчас идет быстро вперед. В результате мы работаем в обществе реального времени, и мы чувствуем, что темп жизни постоянно увеличивается. Эта новая культура немедленности, одержимая скоростью, проявляется во всех аспектах нашей жизни, от цепочек поставок «точно в срок» до «высокочастотной» торговли, от скоростных знакомств до быстрого питания. Он настолько распространен, что некоторые эксперты называют это новое явление «диктатурой срочности». Это действительно может принимать крайние формы. Исследования, проведенные учеными Microsoft, показывают, например, что того, что веб-сайта медленнее, чем на 250 миллисекунд (четверть секунды), достаточно, чтобы потерять хиты своим «более быстрым» конкурентам! Всеобъемлющий результат заключается в том, что срок хранения политики, продукта или идеи, а также жизненный цикл лица, принимающего решения, или проекта резко сокращаются и часто непредсказуемо.

Ничто не проиллюстрировало это более наглядно, чем головокружительная скорость, с которой COVID-19 прогрессировал в марте 2020 года. Менее чем через месяц из водоворота, вызванного ошеломляющей скоростью, с которой пандемия охватила большую часть мира, казалось, наступила целая новая эра. Предполагалось, что начало вспышки произошло в Китае раньше, но экспоненциальное глобальное развитие пандемии застало многих лиц, принимающих решения, и большую часть общественности врасплох, потому что мы обычно считаем когнитивно трудным осознать значение экспоненциального роста. Рассмотрим следующее в терминах «дней для удвоения»: если пандемия растет на 30% в день (как COVID-19 примерно в середине марта для некоторых из наиболее пострадавших стран), зарегистрированные случаи (или количество смертей) удвоятся чуть более чем за два дня. Если он вырастет на 20%, это займет от четырех до пяти дней; а если вырастет на 10%, это займет чуть больше

недели. Другими словами: на глобальном уровне COVID-19 потребовалось три месяца, чтобы охватить 100000 случаев, 12 дней, чтобы удвоить до 200000 случаев, четыре дня, чтобы достичь 300000 случаев, а затем 400000 и 500000 случаев были охвачены за два дня каждый. От этих чисел кружится голова - невероятная скорость в действии! Экспоненциальный рост настолько затрудняет наши когнитивные функции, что мы часто сталкиваемся с ним, развивая экспоненциальную «близорукость»,^[7] думая об этом как о не более чем «очень быстро». В известном эксперименте, проведенном в 1975 году, два психолога обнаружили, что, когда нам нужно предсказать экспоненциальный процесс, мы часто недооцениваем его в 10 раз.^[8] Понимание этой динамики роста и силы экспонент проясняет, почему скорость является такой проблемой и почему скорость вмешательства для сдерживания скорости роста так важна. Эрнест Хемингуэй это понимал. В его романе «И солнце восходит» два персонажа ведут следующий разговор: «Как ты стал банкротом?» - спросил Билл. «Двумя способами, - сказал Майк. - Постепенно, а затем внезапно». То же самое обычно происходит с большими системными сдвигами и сбоями в целом: вещи имеют тенденцию меняться сначала постепенно, а затем все сразу. Ожидайте того же от сброса макросов.

Мало того, что скорость принимает крайние формы, она также может порождать обратные эффекты. Например, «нетерпеливость» - это то, последствия которого аналогичным образом можно увидеть в поведении участников финансовых рынков (новое исследование показывает, что импульсная торговля, основанная на скорости, приводит к тому, что цены на акции постоянно отклоняются от их фундаментальной стоимости. или «правильная» цена) и в цене избирателей на выборах. Последнее будет иметь решающее значение в постпандемическую эпоху. Правительствам, по необходимости, требуется время, чтобы принять решения и реализовать их: они обязаны учитывать множество различных групп избирателей и конкурирующие интересы, уравнивать внутренние проблемы с внешними соображениями и получать одобрение законодательных органов, прежде чем привести в действие бюрократический аппарат для решения всех этих проблем. решения. Напротив, почти мгновенное разочарование. Эта проблема асинхронности между двумя разными группами (политиками и общественностью), временной горизонт которых так сильно различается, будет острой, и с ней будет очень трудно справиться в контексте пандемии. Скорость шока и (глубина) причиненной им боли не может и не может быть сопоставлена с одинаковой скоростью со стороны политики.

Скорость также заставила многих наблюдателей установить ложную эквивалентность, сравнив сезонный грипп с COVID-19. Это сравнение, проводимое снова и снова в первые месяцы пандемии, вводило в заблуждение и концептуально ошибочно. Давайте возьмем пример США, чтобы сформулировать суть и лучше понять роль, которую играет скорость во всем этом. По данным Центров по контролю за заболеваниями (CDC), от 39 до 56 миллионов американцев заразились гриппом в течение зимнего сезона 2019-2020 годов, и от 24 000 до 62 000 умерли.^[9] Напротив, по данным Университета Джона Хопкинса, 24 июня 2020 года более 2,3 миллиона человек были диагностированы с COVID-19 и почти 121000 человек умерли.^[10] Но на этом сравнение заканчивается; это бессмысленно по двум причинам: 1) цифры гриппа соответствуют предполагаемому общему бремени гриппа, в то время как цифры COVID-19 являются подтвержденными случаями; и 2) сезонные каскады гриппа «мягкими» волнами в течение периода (до шести) месяцев равномерно, в то время как вирус COVID-19 распространяется как цунами в горячих точках (в нескольких городах и регионах, где он концентрируется), и тем самым может подавить и заблокировать возможности здравоохранения, монополизируя больницы в ущерб пациентам, не инфицированным COVID-19. Вторая причина - скорость, с которой нарастает пандемия COVID-19, и внезапность появления кластеров - имеет решающее значение и делает сравнение с гриппом несущественным.

Скорость лежит в основе первой и второй причин: в подавляющем большинстве стран скорость, с которой развивалась эпидемия, сделала невозможным наличие достаточных возможностей тестирования, и затем она перегрузила многие национальные системы здравоохранения, оснащенные для борьбы с предсказуемой ситуацией. рецидивирующий и довольно медленный сезонный грипп, но не со «сверхбыстрой» пандемией.

Еще одно важное и далеко идущее последствие скорости состоит в том, что лица, принимающие решения, имеют больше информации и больше анализа, чем когда-либо прежде, но меньше времени для принятия решения. Для политиков и руководителей бизнеса потребность в стратегической перспективе все чаще сталкивается с повседневным давлением немедленных решений, что особенно очевидно в контексте пандемии и усиливается сложностью, как мы увидим в следующем разделе.

1.1.3. Сложность

В своей простейшей форме сложность можно определить как то, что мы не понимаем или что нам трудно понять. Что касается сложной системы, психолог Герберт Саймон определил ее как «систему, состоящую

из большого количества частей, которые взаимодействуют непросто образом».^[11] Сложные системы часто характеризуются отсутствием видимых причинно-следственных связей между их элементами, что делает их практически невозможными для предсказания. В глубине души мы чувствуем, что чем сложнее система, тем больше вероятность того, что что-то может пойти не так, что авария или отклонение от нормы могут произойти и распространиться.

Сложность можно приблизительно измерить тремя факторами: «1) объемом информационного содержания или количеством компонентов в системе; 2) взаимосвязанность - определяемая как динамика взаимной отзывчивости - между этими частями информации или компонентами; и 3) эффект нелинейности (нелинейные элементы часто называют «переломными моментами»). Нелинейность - ключевая особенность сложности, потому что это означает, что изменение только одного компонента системы может привести к неожиданному и непропорциональному эффекту в другом месте».^[12] Именно по этой причине модели пандемии так часто дают широкий диапазон результатов: различие в предположениях относительно одного компонента модели может резко повлиять на конечный результат. Когда кто-то слышит о «черных лебедях», «известных неизвестных» или «эффектах бабочек», здесь проявляется нелинейность; Поэтому неудивительно, что мы часто ассоциируем сложность мира с «сюрпризами», «турбулентностью» и «неопределенностью». Например, в 2008 году сколько «экспертов» ожидали, что ценные бумаги, обеспеченные ипотекой, происходящие из Соединенных Штатов, нанесут вред банкам по всему миру и в конечном итоге довести мировую финансовую систему до грани краха? И в первые недели 2020 года, сколько лиц, принимающих решения, предвидели степень, в которой возможная пандемия нанесет ущерб некоторым из самых сложных систем здравоохранения в мире и нанесет такой серьезный ущерб мировой экономике?

Пандемия - это сложная адаптивная система, состоящая из множества различных компонентов или фрагментов информации (столь же разнообразных, как биология или психология), на поведение которых влияют такие переменные, как роль компаний, экономическая политика, вмешательство правительства, политика здравоохранения или национальное управление. По этой причине его можно и нужно рассматривать как «живую сеть», которая приспосабливается к изменяющимся условиям - не что-то высеченное в камне, а систему взаимодействий, которая одновременно сложна и адаптируется. Он сложен, потому что представляет собой «кошачью колыбель» взаимозависимости и взаимосвязей, из которых он проистекает, и адаптивен в том смысле, что его «поведение» определяется взаимодействиями между узлами (организациями, людьми - нами!), которые могут сбиться с толку и стать «непослушными» во время стресса (приспособимся ли мы к нормам заключения? Будем ли большинство из нас соблюдать правила или нет? и т. д.). Управление (сдерживание, в данном конкретном случае) сложной адаптивной системой требует непрерывного взаимодействия в режиме реального времени, но постоянно меняющегося, между широким спектром дисциплин и между различными областями внутри этих дисциплин. Чтобы представить широкий и упрощенный пример, сдерживание пандемии коронавируса потребует глобальной сети эпиднадзора, способной выявлять новые вспышки, как только они возникают, лабораторий во многих местах по всему миру, которые могут быстро анализировать новые штаммы вирусов и разрабатывать эффективные методы лечения. , большие ИТ-инфраструктуры, чтобы сообщества могли подготовиться и эффективно реагировать, соответствующие и скоординированные механизмы политики для эффективной реализации решений после их принятия и так далее. Важный момент заключается в следующем: каждое отдельное мероприятие само по себе необходимо для борьбы с пандемией, но его недостаточно, если оно не рассматривается в сочетании с другими. Отсюда следует, что эта сложная адаптивная система больше, чем сумма ее частей. Его эффективность зависит от того, насколько хорошо он работает в целом, и насколько сильным является его самое слабое звено.

Многие эксперты неправильно охарактеризовали пандемию COVID-19 как событие черного лебедя просто потому, что оно демонстрирует все характеристики сложной адаптивной системы. Но на самом деле это событие белого лебедя, явно представленное Нассимом Талебом в «Черном лебедь», опубликованном в 2007 году: то, что в конечном итоге произойдет с большой долей уверенности.^[13] Конечно! В течение многих лет международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), такие учреждения, как Всемирный экономический форум и Коалиция за инновации в области обеспечения готовности к эпидемиям (СЕРИ - представленный на Ежегодном совещании 2017 года в Давосе), и такие люди, как Билл Гейтс, предупреждали нас о риск следующей пандемии, даже если указать, что он: 1) возникнет в густонаселенном месте, где экономическое развитие объединяет людей и диких животных; 2) будет распространяться быстро и бесшумно, используя сети человеческих путешествий и торговли; и 3) достигнет нескольких стран, нарушив условия сдерживания. Как мы увидим в следующих главах, правильная характеристика пандемии и понимание ее характеристик имеют жизненно важное значение, поскольку именно они лежат в основе различий в плане готовности. Многие азиатские страны отреагировали быстро, потому что они были подготовлены логистически и организационно (из-за

атипичной пневмонии) и, таким образом, смогли уменьшить воздействие пандемии. Напротив, многие западные страны оказались неподготовленными и пострадали от пандемии - неслучайно именно в них больше всего распространялось ложное представление о происшествии с черным лебедем. Однако мы можем с уверенностью утверждать, что пандемия (событие белого лебедя с высокой вероятностью и высокими последствиями) спровоцирует множество событий черного лебедя через эффекты второго, третьего, четвертого и более порядков. Трудно, если не невозможно, предвидеть, что может произойти в конце цепочки, когда эффекты множественного порядка и последовавшие за ними каскады последствий возникнут после скачков безработицы, банкротства компаний и некоторых стран, находящихся на грани краха. Ничто из этого не является непредсказуемым само по себе, но именно их склонность создавать идеальные штормы, когда они объединяются с другими рисками, застают нас врасплох. Подводя итог, можно сказать, что пандемия - это не случай черного лебедя, но некоторые из ее последствий будут.

Фундаментальный момент здесь заключается в следующем: сложность ограничивает наше знание и понимание вещей; Таким образом, возможно, что сегодняшняя возрастающая сложность буквально подавляет возможности политиков в частности - и лиц, принимающих решения, в целом - принимать хорошо обоснованные решения. Физик-теоретик, ставший главой государства (президент Армении Армен Саркисян), указал на это, когда придумал выражение «квантовая политика», описывая, как классический мир постньютоновской физики - линейный, предсказуемый и в некоторой степени даже детерминированный - дал Путь в квантовый мир: сильно взаимосвязанный и неопределенный, невероятно сложный и также меняющийся в зависимости от положения наблюдателя. Это выражение напоминает квантовую физику,^[14] Пандемия COVID-19 обнажила этот квантовый мир.

1.2. Экономическая перезагрузка

1.2.1. Экономика COVID-19

Наша современная экономика радикально отличается от экономики предыдущих веков. По сравнению с прошлым он бесконечно более взаимосвязан, запутан и сложен. Он характеризуется экспоненциальным ростом мирового населения, самолетами, которые соединяют любую точку в любом месте с другим местом всего за несколько часов, в результате чего более миллиарда из нас пересекают границу каждый год из-за посягательств людей на природу и среды обитания диких животных - вездесущие, разросшиеся мегаполисы, в которых проживают миллионы людей, живущих щека за щекой (часто без надлежащей санитарии и медицинской помощи). По сравнению с ситуацией, существовавшей всего несколько десятилетий назад, не говоря уже о столетиях назад, сегодняшняя экономика просто неузнаваема. Несмотря на это, Некоторые экономические уроки, которые следует извлечь из исторических пандемий, актуальны и сегодня, чтобы помочь понять, что их ждет впереди. Глобальная экономическая катастрофа, с которой мы сейчас сталкиваемся, является самой серьезной из зарегистрированных с 1945 года; с точки зрения своей скорости он не имеет аналогов в истории. Хотя он не может сравниться с бедствиями и абсолютным экономическим отчаянием, которые общества пережили в прошлом, есть некоторые характерные черты, которые навязчиво похожи. Когда в 1665 году, за 18 месяцев, последняя бубонная чума уничтожила четверть населения Лондона, писал Даниэль Дефо в «Журнале года чумы».^[15] (опубликовано в 1722 г.): «Прекращаются все промыслы, прекращаются занятия; прекращается труд и тем самым хлеб бедняков; и поначалу было очень прискорбно слышать крики бедняков ... тысячи из них оставались в Лондоне, пока ничего, кроме отчаяния, их не прогнала, смерть настигла их на дороге, и они служили не лучше, чем посланникам смерти». Книга Дефо полна анекдотов, которые переключаются с сегодняшней ситуацией, рассказывая нам, как богатые сбегали в страну, «забирая с собой смерть», и наблюдая, как бедные были намного больше подвержены вспышке, или описывая, как «шарлатаны и шарлатаны» Продавались ложные лекарства.^[16]

История предыдущих эпидемий снова и снова показывает, как пандемии используют торговые пути и противоречие, которое существует между интересами общественного здравоохранения и интересами экономики (что представляет собой экономическую «аберрацию», как мы увидим всего на нескольких страницах) . Как описывает историк Саймон Шама:

В разгар бедствий экономика всегда противоречила интересам общественного здравоохранения. Несмотря на то, что до тех пор, пока не было понимания болезней, передаваемых через микробные бактерии, чума в основном приписывалась `` грязному воздуху '' и ядовитым парам, которые, как

утверждалось, возникали из застойных или загрязненных болот, тем не менее существовало ощущение, что те самые коммерческие артерии, которые привели к процветанию теперь превратились в переносчиков яда. Но когда были предложены или введены карантинные (...), те, кто больше всего рисковал потерять, торговцы, а в некоторых местах ремесленники и рабочие, от остановки рынков, ярмарок и торговли, оказали жесткое сопротивление. Должна ли экономика умереть, чтобы ее можно было воскресить с крепким здоровьем? Да, сказали хранители общественного здоровья, которые стали частью городской жизни в Европе с 15 века.[17]

История показывает, что эпидемии сильно изменили экономику и социальную ткань страны. Почему с COVID-19 должно быть иначе? Основополагающий документ о долгосрочных экономических последствиях крупных пандемий на протяжении всей истории показывает, что значительные макроэкономические последствия могут сохраняться в течение 40 лет, существенно снижая реальную доходность.^[18] Это контрастирует с войнами, которые имеют противоположный эффект: они уничтожают капитал, а пандемии - нет - войны вызывают более высокие реальные процентные ставки, что означает большую экономическую активность, в то время как пандемии вызывают более низкие реальные ставки, что означает вялую экономическую активность. Кроме того, потребители, как правило, реагируют на шок увеличением своих сбережений либо из-за новых мер предосторожности, либо просто для возмещения богатства, утраченного во время эпидемии. Что касается рабочей силы, то прибыль будет достигнута за счет капитала, поскольку после пандемий реальная заработная плата имеет тенденцию расти. Еще во времена Черной смерти, разорившей Европу с 1347 по 1351 год (и подавившей 40% населения Европы всего за несколько лет), рабочие обнаружили впервые в их жизни, что сила изменить ситуацию была в их руках. Менее чем через год после того, как эпидемия утихла, текстильщики из Сен-Омера (небольшой город на севере Франции) потребовали и получили последовательное повышение заработной платы. Два года спустя многие рабочие гильдии договорились о сокращении рабочего времени и более высокой заработной плате, иногда на треть больше, чем их уровень до чумы. Подобные, но менее экстремальные примеры других пандемий указывают на тот же вывод: рабочая сила набирает силу в ущерб капиталу. В настоящее время это явление может усугубляться старением большей части населения во всем мире (заметными исключениями являются Африка и Индия), но такой сценарий сегодня рискует радикально изменить в связи с ростом автоматизации, к которой мы еще вернемся. раздел 1.6. В отличие от предыдущих пандемий, нет уверенности, что кризис COVID-19 склонит чашу весов в пользу рабочей силы и против капитала. По политическим и социальным причинам это возможно, но технологии меняют это сочетание.

1.2.1.1. Неопределенность

Высокая степень постоянной неопределенности в отношении COVID-19 чрезвычайно затрудняет точную оценку риска, который он представляет. Как и в случае со всеми новыми рисками, являющимися агентами страха, это создает сильную социальную тревогу, которая влияет на экономическое поведение. В мировом научном сообществе сложился всеобщий консенсус в отношении того, что Цзинь Ци (один из ведущих ученых Китая) был прав, когда он сказал в апреле 2020 года: «Вероятно, это будет эпидемия, которая сосуществует с людьми в течение длительного времени, становится сезонным и поддерживается в человеческих телах».[19]

С момента начала пандемии нас ежедневно засыпали непрерывным потоком данных, но в июне 2020 года, примерно через полгода после начала вспышки, наши знания все еще очень неоднородны, и в результате мы все еще не совсем знаем, насколько опасен COVID-19. Несмотря на поток научных статей, опубликованных о коронавирусе, уровень смертности от инфекции (то есть количество случаев COVID-19, измеренных или нет, которые привели к смерти) остается предметом споров (около 0,4% -0,5% и, возможно, до 1%). Соотношение невыявленных и подтвержденных случаев, частота передачи от бессимптомных лиц, сезонность, влияние, продолжительность инкубационного периода, национальные уровни инфицирования - прогресс в понимании каждого из них уже есть, но они и многие другие элементы остаются в значительной степени «известными неизвестными». Для политиков и государственных чиновников такой преобладающий уровень неопределенности очень затрудняет разработку правильной стратегии общественного здравоохранения и соответствующей экономической стратегии.

Это не должно вызывать удивления. Энн Римоан, профессор эпидемиологии Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, признается: «Это новый вирус, новый для человечества, и никто не знает, что произойдет».[20] Такие обстоятельства требуют хорошей дозы смирения, потому что, по словам Питера Пиота (одного из ведущих вирусологов мира): «Чем больше мы узнаем о коронавирусе, тем больше вопросов возникает».[21] COVID-19 - мастер маскировки, проявляющийся в разнообразных симптомах, которые сбивают с толку медицинское сообщество. Это в первую очередь респираторное заболевание, но

у небольшого, но значительного числа пациентов симптомы варьируются от воспаления сердца и проблем с пищеварением до инфекции почек, тромбов и менингита. Кроме того, у многих выздоравливающих людей остаются хронические проблемы с почками и сердцем, а также стойкие неврологические последствия.

Перед лицом неопределенности имеет смысл прибегнуть к сценариям, чтобы лучше понять, что ждет впереди. В связи с пандемией хорошо известно, что возможен широкий спектр потенциальных результатов в зависимости от непредвиденных событий и случайных событий, но выделяются три вероятных сценария. Каждый из них может помочь очертить контуры того, какими могут быть следующие два года.

Эти три вероятных сценария^[22] все они основаны на основном предположении, что пандемия может продолжаться до 2022 года; таким образом, они могут помочь нам задуматься о том, что нас ждет впереди. В первом сценарии первоначальная волна, начавшаяся в марте 2020 года, сопровождается серией более мелких волн, которые происходят до середины 2020 года, а затем в течение периода от одного до двух лет, постепенно уменьшаясь в 2021 году, как «пики и спады». Возникновение и амплитуда этих пиков и спадов варьируется географически и зависит от конкретных мер по смягчению, которые применяются. В секунду, согласно сценарию, за первой волной следует большая волна, которая произойдет в третьем или четвертом квартале 2020 года, и одна или несколько более мелких последующих волн в 2021 году (например, во время пандемии испанского гриппа 1918-1919 годов). Этот сценарий требует повторной реализации мер по смягчению последствий примерно в четвертом квартале 2020 года для сдерживания распространения инфекции и предотвращения перегрузки систем здравоохранения. В третьем сценарии, который не наблюдался в случае прошлых пандемий гриппа, но возможен для COVID-19, за первой волной 2020 г. последует «медленное сокращение» продолжающейся передачи и возникновения случаев заболевания, но без четкой картины волн, только с небольшими подъемами и спадами. Как и в случае других сценариев, эта модель варьируется географически и в определенной степени определяется характером ранее принятых мер по смягчению последствий в каждой конкретной стране или регионе.

Похоже, что большое количество ученых согласны с концепцией, предлагаемой этими тремя сценариями. За какой бы из трех ни последовала пандемия, все они означают, как прямо заявляют авторы, что лица, определяющие политику, должны быть готовы иметь дело с «по крайней мере еще 18–24 месяцами значительной активности COVID-19, причем горячие точки периодически появляются в различных географических районах». Как мы поспорим дальше, полноценное восстановление экономики не может произойти, пока вирус не будет побежден или не останется позади нас.

1.2.1.2. Экономическая ошибка жертвовать несколькими жизнями ради сохранения роста

На протяжении всей пандемии велись постоянные дебаты о «спасении жизней против спасения экономики» - жизней против средств к существованию. Это ложный компромисс. С экономической точки зрения миф о необходимости выбора между общественным здравоохранением и ударом по росту ВВП может быть легко развенчан. Если оставить в стороне (немаловажный) этический вопрос о том, является ли принесение некоторых жизней в жертву для спасения экономики социальным дарвиновским предложением (или нет), решение не спасать жизни не улучшит экономическое благосостояние. Причины двоякие: что касается предложения, то, если преждевременное ослабление различных ограничений и правил социального дистанцирования приведет к ускорению заражения (что, по мнению почти всех ученых, так и будет), больше сотрудников и рабочих будут инфицированы, и больше предприятий просто перестанут функционировать. После начала пандемии в 2020 году справедливость этого аргумента была доказана несколько раз. Они варьировались от фабрик, которые были вынуждены прекратить работу из-за того, что слишком много рабочих заболели (в первую очередь, это касается рабочей среды, которая вынуждала физически сблизиться между рабочими, например, на предприятиях по переработке мяса), до военно-морских кораблей, застрявших из-за заражения слишком большого количества членов экипажа тем самым препятствуя нормальной работе судна. Дополнительным фактором, отрицательно влияющим на предложение рабочей силы, является то, что во всем мире были неоднократные случаи, когда рабочие отказывались вернуться на работу из-за страха заразиться. Во многих крупных компаниях сотрудники, которые чувствовали себя уязвимыми перед болезнью, вызвали волну активности, включая прекращение работы.

Что касается спроса, аргумент сводится к самому основному, но все же фундаментальному определителю экономической активности: настроениям. Поскольку потребительские настроения - это то, что действительно движет экономикой, возврат к любому виду «нормальности» произойдет только тогда, а не до того, как вернется уверенность. Представления людей о безопасности определяют решения

потребителей и бизнеса, а это означает, что устойчивое экономическое улучшение зависит от двух вещей: уверенности в том, что пандемия уже позади, без которой люди не будут потреблять и инвестировать, и доказательства того, что вирус побежден во всем мире. - без которых люди не смогут чувствовать себя в безопасности сначала на месте, а затем и за пределами страны.

Логический вывод из этих двух пунктов заключается в следующем: правительства должны делать все, что нужно, и тратить все, что это стоит, в интересах нашего здоровья и нашего коллективного богатства для устойчивого восстановления экономики. Как сказал экономист и специалист в области общественного здравоохранения: «Только спасение жизней спасет средства к существованию»,^[23] разъясняя, что только меры политики, которые ставят здоровье людей на первый план, будут способствовать восстановлению экономики, добавив: «Если правительствам не удастся спасти жизни, люди, опасаясь вируса, не будут возобновлять покупки, путешествовать или обедать вне дома. Это будет препятствовать экономическому восстановлению, изоляции или отсутствию изоляции».

Только будущие данные и последующий анализ предоставят неопровержимые доказательства того, что компромисса между здоровьем и экономикой не существует. Тем не менее, некоторые данные из США, собранные на ранних этапах повторного открытия в некоторых штатах, показали снижение расходов и работоспособности даже до блокировки.^[24] Как только люди начали беспокоиться о пандемии, они фактически начали «отключать» экономику, даже до того, как правительство официально попросило их сделать это. Аналогичное явление произошло после того, как некоторые американские штаты решили (частично) возобновить свою деятельность: потребление оставалось на низком уровне. Это доказывает, что экономическая жизнь не может быть активирована указом, но также иллюстрирует затруднительное положение, с которым сталкивается большинство лиц, принимающих решения, когда им приходится решать, открывать или нет. Экономический и социальный ущерб от изолирования очевиден для всех, в то время как успех с точки зрения сдерживания вспышки и предотвращения смертей - необходимое условие успешного открытия - более или менее невидим. Когда не происходит случая коронавируса или смерти, не проводится публичного празднования, что приводит к парадоксу политики общественного здравоохранения: «Если вы все сделаете правильно, Ничего не произошло». Вот почему отсрочка блокировки или слишком раннего открытия всегда была сильным соблазном. Однако с тех пор несколько исследований показали, что такое искушение несет в себе значительный риск. Двое, в частности, приходя к аналогичным выводам с использованием разных методологий, смоделировали то, что могло бы произойти без изоляции. Согласно исследованию, проведенному Имперским колледжем Лондона, широкомасштабные строгие ограничения, введенные в марте 2020 года, предотвратили 3,1 миллиона смертей в 11 европейских странах (включая Великобританию, Испанию, Италию, Францию и Германию). смоделировал то, что могло бы произойти без блокировки. Согласно исследованию, проведенному Имперским колледжем Лондона, широкомасштабные строгие ограничения, введенные в марте 2020 года, предотвратили 3,1 миллиона смертей в 11 европейских странах (включая Великобританию, Испанию, Италию, Францию и Германию). смоделировал то, что могло бы произойти без блокировки. Согласно исследованию, проведенному Имперским колледжем Лондона, широкомасштабные строгие ограничения, введенные в марте 2020 года, предотвратили 3,1 миллиона смертей в 11 европейских странах (включая Великобританию, Испанию, Италию, Францию и Германию).^[25] Другой, проведенный под руководством Калифорнийского университета в Беркли, пришел к выводу, что 530 миллионов инфекций, что соответствует 62 миллионам подтвержденных случаев, были предотвращены в шести странах (Китае, Южной Корее, Италии, Иране, Франции и США) с помощью локальных мер. что каждый поставил на место.^[26] Вывод простой: в странах, где зарегистрированы случаи COVID-19, которые на пике примерно удваивались каждые два дня, у правительств не было разумной альтернативы, кроме как ввести строгие ограничения. Притворяться обратным - значит игнорировать силу экспоненциального роста и значительный ущерб, который он может нанести пандемией. Из-за чрезвычайной скорости распространения COVID-19 время и сила вмешательства имели решающее значение.

1.2.2. Рост и занятость

До марта 2020 года мировая экономика никогда не останавливалась так резко и жестоко; Никогда прежде ни один из живущих не испытал такого драматического и резкого экономического коллапса как по своему характеру, так и по темпам.

Шок, который пандемия нанесла мировой экономике, был более серьезным и произошел намного быстрее, чем что-либо другое в зарегистрированной экономической истории. Даже во время Великой депрессии в начале 1930-х годов и мирового финансового кризиса в 2008 году потребовалось несколько лет, чтобы ВВП сократился на 10% и более, а безработица поднялась выше 10%. В условиях пандемии макроэкономические

последствия, похожие на катастрофу, в частности резкий рост безработицы и резкое падение роста ВВП, произошли в марте 2020 года всего за три недели. COVID-19 вызвал кризис как спроса, так и предложения, который привел к самому глубокому падению за всю историю мировой экономики за более чем 100 лет. Как предупредил экономист Кеннет Рогофф: «Все зависит от того, как долго это продлится, но если так будет продолжаться долго, то определенно станет причиной всех финансовых кризисов».[27]

Продолжительность и острота спада и его последующее воздействие на рост и занятость зависят от трех факторов: 1) продолжительности и серьезности вспышки; 2) успех каждой страны в сдерживании пандемии и смягчении ее последствий; и 3) сплоченность каждого общества в отношении мер после заключения и различных стратегий открытия. На момент написания (конец июня 2020 года) все три аспекта остаются неизвестными. Наблюдаются новые волны вспышек (больших и малых), успехи стран в сдерживании вспышки могут длиться или внезапно будут обращены вспять новыми волнами, и сплоченность обществ может быть поставлена под сомнение из-за новой экономической и социальной боли.

1.2.2.1. Экономический рост

В разные моменты между февралем и маем 2020 года, стремясь сдержать пандемию, правительства всего мира приняли сознательное решение о закрытии большей части своих экономик. Этот беспрецедентный ход событий принес с собой фундаментальный сдвиг в способах функционирования мировой экономики, отмеченный резким и нежелательным возвращением к относительной автаркии, когда каждая нация пытается двигаться к определенным формам самодостаточности, и сокращение национального и мирового производства. Последствия этих решений казались тем более драматичными, потому что они касались, прежде всего, сферы услуг, сектора, который традиционно более защищен, чем другие отрасли (например, строительство или производство), от циклических колебаний экономического роста. Следовательно, сектор услуг, который представляет собой самый крупный компонент экономической деятельности в любой развитой экономике (около 70% ВВП и более 80% занятости в США), больше всего пострадал от пандемии. Он также страдал от других отличительных характеристик: в отличие от обрабатывающей промышленности или сельского хозяйства, упущенная выгода от услуг исчезла навсегда. Их нельзя отложить, потому что сервисные компании не хранят товарно-материальные запасы или сырье.

Спустя несколько месяцев после начала пандемии кажется, что даже подобие возвращения к «обычной работе» для большинства сервисных компаний невысказано, пока COVID-19 остается угрозой нашему здоровью. Это, в свою очередь, говорит о том, что нельзя ожидать полного возврата к «нормальному» состоянию до появления вакцины. Когда это может быть? По мнению большинства экспертов, это вряд ли произойдет раньше первого квартала 2021 года. В середине июня 2020 года уже проводилось более 135 испытаний, и они проходили с поразительной скоростью, учитывая, что в прошлом на разработку вакцины могло уйти до 10 лет (пять в случае Эболы), поэтому причина не в науке, но в производстве. Производство миллиардов доз представляет собой реальную проблему, которая потребует масштабного расширения и перенаправления существующих мощностей. Следующим препятствием является политическая проблема вакцинации достаточного количества людей во всем мире (мы вместе сильны, как самое слабое звено) с достаточно высоким уровнем соблюдения, несмотря на рост числа антиваксов. В последующие месяцы экономика не будет работать на полную мощность: это зависящее от страны явление, получившее название «80%-ная экономика». Компании в столь разных секторах, как туризм, гостиничный бизнес, розничная торговля, спорт и мероприятия, столкнутся со следующим тройным ударом: 1) меньшее количество клиентов (которые отреагируют на неопределенность тем, что станут более склонными к риску); 2) те, кто потребляет, в среднем будут тратить меньше (из-за предупредительной экономии); и 3) транзакционные издержки будут выше (обслуживание одного клиента будет стоить дороже из-за физического дистанцирования и санитарных мер).

Принимая во внимание важность услуг для роста ВВП (чем богаче страна, тем больше значение услуг для роста), эта новая реальность 80-процентной экономики ставит вопрос о том, будут ли последовательные возможные остановки деловой активности в секторе услуг. имеют длительные последствия для экономики в целом в виде банкротств и потери рабочих мест, что, в свою очередь, вызывает вопрос о том, может ли за этими возможными длительными последствиями последовать коллапс спроса, поскольку люди теряют свой доход и уверенность в будущем. Такой сценарий почти неизбежно приведет к коллапсу инвестиций среди бизнеса и резкому увеличению превентивных сбережений среди потребителей, что отразится на всей мировой экономике в виде бегства капитала, быстрого и неуверенного перемещения больших сумм денег из страны,

По данным ОЭСР, непосредственным ежегодным воздействием «выключения» экономики могло бы стать сокращение ВВП в странах G7 на 20–30%.^[28] Но опять же, эта оценка зависит от продолжительности и

серьезности вспышки в каждой стране: чем дольше длится карантин, тем больший структурный ущерб они наносят, оставляя необратимые шрамы в экономике в результате потери рабочих мест, банкротств и отмены капитальных расходов. Как показывает практика, каждый месяц, когда крупные части экономики остаются закрытыми, годовой рост может снизиться еще на 2 процентных пункта. Но, как и следовало ожидать, связь между продолжительностью ограничительных мер и сроком действия соответствующее влияние на ВВП не является линейным. Центральное бюро планирования Нидерландов обнаружило, что каждый дополнительный месяц сдерживания приводит к еще большему, непропорциональному ухудшению экономической активности. Согласно модели, полный месяц экономической «спячки» приведет к потере 1,2% роста в Нидерландах в 2020 году, а три месяца - 5%. [29]

Для регионов и стран, которые уже вышли из режима карантина, еще слишком рано говорить о том, как будет развиваться рост ВВП. В конце июня 2020 года некоторые данные в форме буквы V (например, производственные индексы закупок еврозоны - PMI) и немного анекдотических свидетельств вызвали более сильный, чем ожидалось, рассказ о восстановлении, но мы не должны увлекаться по двум причинам:

Заметное улучшение PMI в еврозоне и США не означает, что эти страны повернули за угол. Это просто указывает на то, что деловая активность улучшилась по сравнению с предыдущими месяцами, что естественно, поскольку значительный подъем активности должен последовать за периодом бездействия, вызванного строгими блокировками.

С точки зрения будущего роста одним из наиболее важных индикаторов, за которыми следует следить, является уровень сбережений. В апреле (правда, во время блокировки) норма личных сбережений в США выросла до 33%, в то время как в еврозоне норма сбережений домохозяйств (рассчитываемая иначе, чем норма личных сбережений в США) выросла до 19%. Они оба значительно упадут по мере открытия экономики, но, вероятно, этого будет недостаточно, чтобы предотвратить сохранение этих ставок на исторически высоком уровне.

В своем «Обновлении перспектив развития мировой экономики», опубликованном в июне 2020 года, Международный валютный фонд (МВФ) предупредил о «кризисе, как никто другой» и «неопределенном восстановлении». [30] По сравнению с апрелем, он пересмотрел свои прогнозы глобального роста в сторону понижения, ожидая, что мировой ВВП составит -4,9% в 2020 году, что почти на два процентных пункта ниже его предыдущей оценки.

1.2.2.2. Занятость

Пандемия сталкивает экономику с кризисом рынка труда гигантских размеров. Опустошение настолько внезапно, что даже самые опытные политики почти лишены дара речи (и, что еще хуже, почти «лишены политики»). Выступая перед комитетом Сената США по банковскому делу 19 мая, председатель Федеральной резервной системы - Джером «Джей» Пауэлл - признался: «Это резкое падение экономической активности вызвало боль, которую трудно описать словами. перевернуты из-за большой неуверенности в будущем». [31] Всего за два месяца, март и апрель 2020 года, более 36 миллионов американцев потеряли работу, что перечеркнуло десятилетний прирост рабочих мест. В США, как и везде, временные увольнения, вызванные первоначальными блокировками, могут стать постоянными, причиняя сильную социальную боль (которую могут облегчить только надежные системы социальной защиты) и серьезный структурный ущерб экономике стран.

Уровень глобальной безработицы в конечном итоге будет зависеть от глубины спада экономической активности, но колебание или превышение двузначного уровня по всему миру является само собой разумеющимся. В США, которые являются предвестником трудностей, которые придут в другие страны, по оценкам, официальный уровень безработицы может достичь пика в 25% в 2020 году - уровня, эквивалентного уровню Великой депрессии, - который был бы даже выше, если бы скрытая безработица была следует принимать во внимание (например, работники, которые не учитываются в официальной статистике, потому что они настолько отговаривают, что бросили рабочую силу и перестали искать работу, или работники, занятые неполный рабочий день, которые ищут работу на полную ставку). Положение сотрудников в сфере услуг будет особенно тяжелым. Еще хуже будет положение рабочих, официально не трудоустроенных.

Что касается роста ВВП, масштабы и серьезность ситуации с безработицей зависят от страны. Каждая страна будет затронута по-разному, в зависимости от ее экономической структуры и характера ее социального договора, но США и Европа предлагают две радикально разные модели того, как эта проблема решается политиками и что ждет впереди.

По состоянию на июнь 2020 года рост уровня безработицы в США (до пандемии составлял всего 3,5%) был намного выше, чем где-либо еще. В апреле 2020 года уровень безработицы в США вырос на 11,2

процентных пункта по сравнению с февралем, тогда как за тот же период в Германии он увеличился менее чем на один процентный пункт. Это разительное различие объясняется двумя причинами: 1) на рынке труда США существует культура «найма и увольнения», которой не существует и которая часто запрещена законом в Европе; и 2) с самого начала кризиса Европа приняла фискальные меры, направленные на поддержку занятости.

В США государственная поддержка пока (июнь 2020 г.) была больше, чем в Европе, но принципиально иного характера. Он обеспечивает поддержку дохода для тех, кто потерял работу, и в некоторых случаях вынужденные переселенцы живут лучше, чем они работали полный рабочий день до кризиса. В Европе, напротив, правительства решили напрямую поддерживать те предприятия, которые оставляли работников формально «занятыми» на их первоначальной работе, даже когда они больше не работали полный рабочий день или не работали вообще.

В Германии схема краткосрочной работы (так называемая Kurzarbeit - модель, имитированная в другом месте) заменила до 60% заработка для 10 миллионов сотрудников, которые в противном случае потеряли бы работу, в то время как во Франции аналогичная схема также компенсировала такое же количество рабочих, предоставляя им до 80% от их предыдущей зарплаты. Многие другие европейские страны предложили аналогичные решения, без которых увольнения и увольнения были бы гораздо более значимыми. Эти меры поддержки рынка труда сопровождаются другими чрезвычайными государственными мерами, такими как те, которые дают неплатежеспособным компаниям возможность выиграть время. Во многих европейских странах, если фирмы смогут доказать, что их проблемы с ликвидностью были вызваны пандемией, им не придется подавать заявление о банкротстве позже (возможно, не позднее марта 2021 года в некоторых странах). Это имеет большой смысл, если восстановление продолжится, но может случиться так, что эта политика только откладывает проблему. В глобальном масштабе для полного восстановления рынка труда могут потребоваться десятилетия, и в Европе, как и везде, опасаются массовые банкротства, за которыми последует массовая безработица.

В ближайшие месяцы ситуация с безработицей будет еще больше ухудшаться по той простой причине, что она не может существенно улучшиться, пока не начнется устойчивое восстановление экономики. Этого не произойдет до того, как будет найдена вакцина или лечение, а это означает, что многие люди будут беспокоиться вдвойне - о потере работы и о том, что не найдут другую, если потеряют ее (что приведет к резкому увеличению нормы сбережений). В несколько более отдаленное время (от нескольких месяцев до нескольких лет) две категории людей столкнутся с особенно мрачной ситуацией с занятостью: молодые люди, впервые выходящие на рынок труда, опустошенный пандемией, и работники, которые могут быть заменены роботами. Это фундаментальные проблемы на пересечении экономики, общества и технологий с определяющими последствиями для будущего сферы труда. Автоматизация, в частности, будет источником острой озабоченности. Экономическое обоснование того, что технологии всегда оказывают положительный экономический эффект в долгосрочной перспективе, хорошо известно. Суть аргумента заключается в следующем: автоматизация разрушительна, но она повышает производительность и увеличивает благосостояние, что, в свою очередь, ведет к повышению спроса на товары и услуги и, следовательно, к новым типам рабочих мест для удовлетворения этих требований. Это правильно, но что произойдет между настоящим моментом и в долгосрочной перспективе?

По всей вероятности, спад, вызванный пандемией, вызовет резкое увеличение замещения рабочей силы, а это означает, что физический труд будет заменен роботами и «умными» машинами, что, в свою очередь, спровоцирует устойчивые структурные изменения на рынке труда. В главе, посвященной технологиям, мы более подробно анализируем влияние пандемии на автоматизацию, но уже есть достаточно доказательств того, что она ускоряет темпы преобразований. Сектор колл-центра олицетворяет эту ситуацию.

В предпандемическую эпоху постепенно внедрялись новые технологии на основе искусственного интеллекта (ИИ) для автоматизации некоторых задач, выполняемых людьми. Кризис COVID-19 и сопровождающие его меры социального дистанцирования внезапно ускорили этот процесс инноваций и технологических изменений. Чат-боты, которые часто используют ту же технологию распознавания голоса, что и Amazon Alexa, и другое программное обеспечение, которое может заменить задачи, которые обычно выполняются людьми, быстро внедряются. Эти нововведения, вызванные необходимостью (например, санитарными мерами), вскоре приведут к потере сотен тысяч, а потенциально и миллионов рабочих мест.

Поскольку в течение некоторого времени потребители могут предпочитать автоматизированные услуги личному общению, то, что сейчас происходит с центрами обработки вызовов, неизбежно произойдет и в других секторах. Таким образом, «беспокойство по поводу автоматизации» возрождается,^[32] который усугубит экономический спад. Процесс автоматизации никогда не бывает линейным; это обычно происходит волнообразно и часто в тяжелые экономические времена, когда снижение доходов компаний делает затраты на рабочую силу относительно более дорогими. Это когда работодатели заменяют менее

квалифицированных рабочих автоматизацией, чтобы повысить производительность труда.^[33] Скорее всего, пострадают малообеспеченные работники, выполняющие рутинную работу (на производстве и в сфере услуг, таких как продукты питания и транспорт). Рынок труда будет становиться все более поляризованным между высокооплачиваемой работой и множеством рабочих мест, которые исчезли или плохо оплачиваются и не очень интересны. В странах с формирующимся рынком и развивающихся странах (особенно в странах с «молодежным бугром») технологии рискуют превратить «демографический дивиденд» в «демографический кошмар», потому что автоматизация значительно затруднит поднятие на эскалатор экономического роста.

Легко уступить место чрезмерному пессимизму, потому что нам, людям, намного легче визуализировать то, что исчезает, чем то, что будет дальше. Мы знаем и понимаем, что в обозримом будущем уровень безработицы во всем мире обязательно вырастет, но в ближайшие годы и десятилетия мы можем быть удивлены. Мы стали свидетелями беспрецедентной волны инноваций и творчества, движимой новыми методами и инструментами производства. Также может произойти глобальный взрыв сотен тысяч новых микроотраслей, в которых, как мы надеемся, будут работать сотни миллионов людей. Конечно, мы не можем знать, что нас ждет в будущем, за исключением того, что многое будет зависеть от траектории будущего экономического роста.

1.2.2.3. Как может выглядеть будущий рост

В постпандемическую эпоху, согласно текущим прогнозам, новая экономическая «норма» может характеризоваться гораздо более низкими темпами роста, чем в прошлые десятилетия. В начале восстановления рост ВВП от квартала к кварталу может выглядеть впечатляющим (поскольку он начнется с очень низкого уровня), но могут пройти годы, прежде чем общий размер экономики большинства стран вернется к своему допандемическому уровню. Это также связано с тем, что серьезность экономического шока, вызванного коронавирусом, будет сочетаться с долгосрочной тенденцией: сокращение численности населения во многих странах и старение (демография - это «судьба» и важнейший фактор роста ВВП). В таких условиях, когда более низкий экономический рост кажется почти неизбежным, многие люди могут задаться вопросом, полезна ли «одержжимость» ростом, придя к выводу, что нет смысла преследовать цель все более высокого роста ВВП.

Глубокие потрясения, вызванные COVID-19 во всем мире, дали обществу вынужденную паузу для размышлений о том, что действительно имеет ценность. При наличии чрезвычайных экономических мер реагирования на пандемию можно воспользоваться возможностью, чтобы внести такие институциональные изменения и выбор политики, которые выведут экономики на новый путь к более справедливому и зеленому будущему. История радикального переосмысления в годы после Второй мировой войны, которая включала создание бреттон-вудских институтов, Организации Объединенных Наций, ЕС и расширение государств всеобщего благосостояния, показывает масштабы возможных сдвигов.

Возникает два вопроса: 1) Каким должен быть новый компас для отслеживания прогресса? и 2) Какими будут новые движущие силы инклюзивной и устойчивой экономики?

Что касается первого вопроса, изменение курса потребует изменения мировоззрения мировых лидеров, с тем чтобы уделять больше внимания и уделять больше внимания благополучию всех граждан и планеты. Исторически сложилось так, что национальная статистика собиралась в основном для того, чтобы правительства лучше понимали имеющиеся ресурсы для налогообложения и ведения войны. По мере того как демократии становились сильнее, в 1930-х годах сфера национальной статистики была расширена, чтобы отражать экономическое благосостояние населения,^[34] пока что перевели в форму ВВП. Экономическое благосостояние стало эквивалентом текущего производства и потребления без учета доступности ресурсов в будущем. Чрезмерная зависимость политиков от ВВП как показателя экономического процветания привела к нынешнему состоянию истощения природных и социальных ресурсов.

Какие еще элементы должна включать улучшенная панель мониторинга прогресса? Во-первых, необходимо обновить сам ВВП, чтобы отразить ценность, создаваемую в цифровой экономике, ценность, созданную за счет неоплачиваемого труда, а также ценность, потенциально уничтоженную в результате определенных видов экономической деятельности. Отсутствие ценности, созданной в результате работы, выполняемой в домашнем хозяйстве, было давней проблемой, и исследовательские усилия по созданию системы измерения потребуют нового импульса. Кроме того, по мере расширения цифровой экономики разрыв между измеряемой и реальной экономической активностью увеличивается. Более того, определенные типы финансовых продуктов, которые благодаря их включению в ВВП учитываются как создание стоимости, просто перемещают стоимость из одного места в другое или иногда даже приводят к

ее разрушению.

Во-вторых, имеет значение не только общий размер экономики, но и распределение выгод и постепенное развитие доступа к возможностям. В условиях, когда во многих странах неравенство доходов стало более заметным, чем когда-либо, а технологические разработки способствуют дальнейшей поляризации, общий ВВП или средние показатели, такие как ВВП на душу населения, становятся все менее и менее полезными в качестве истинных показателей качества жизни людей. Неравенство богатства является важным аспектом сегодняшней динамики неравенства, и его следует отслеживать более систематически.

В-третьих, необходимо будет лучше измерять и контролировать устойчивость, чтобы оценить истинное состояние экономики, включая детерминанты производительности, такие как институты, инфраструктура, человеческий капитал и инновационные экосистемы, которые имеют решающее значение для общей прочности системы. Кроме того, необходимо систематически отслеживать резервы капитала, которые страна может использовать во время кризиса, включая финансовый, физический, природный и социальный капитал. Хотя природный и социальный капитал, в частности, трудно измерить, они имеют решающее значение для социальной сплоченности и экологической устойчивости страны, которые нельзя недооценивать. Недавние научные усилия начинают решать проблему измерения путем объединения источников данных из государственного и частного секторов.

Появляются реальные примеры смещения акцентов политиков. Неслучайно в 2019 году страна, входящая в топ-10 рейтинга World Happiness Report, обнародовала «бюджет благополучия». Решение премьер-министра Новой Зеландии выделить деньги на решение социальных проблем, таких как психическое здоровье, детская бедность и насилие в семье, сделало благополучие явной целью государственной политики. Поступая таким образом, премьер-министр Ардерн превратил в политику то, что всем было известно годами, что увеличение ВВП не гарантирует улучшения уровня жизни и социального благополучия.

Кроме того, несколько учреждений и организаций, от городов до Европейской комиссии, размышляют над вариантами, которые позволили бы поддерживать будущую экономическую активность на уровне, который соответствует удовлетворению наших материальных потребностей с соблюдением наших планетарных границ. Муниципалитет Амстердама является первым в мире, кто официально принял эти рамки в качестве отправной точки для принятия решений в области государственной политики в постпандемическом мире. Структура напоминает «бублик», в котором внутреннее кольцо представляет минимум, который нам необходим для хорошей жизни (как провозглашается Целями устойчивого развития ООН), а внешнее кольцо - экологический потолок, определенный учеными земной системы (который подчеркивает границы не подвергаться антропогенной деятельности во избежание экологически негативного воздействия на климат, почву, океаны, озоновый слой, пресная вода и биоразнообразии). Между двумя кольцами находится золотая середина (или «тесто»), где удовлетворяются наши человеческие потребности и потребности планеты.[35]

Мы еще не знаем, прекратится ли «тирания роста ВВП», но разные сигналы предполагают, что пандемия может ускорить изменения во многих наших прочно укоренившихся социальных нормах. Если мы коллективно признаем, что помимо определенного уровня благосостояния, определяемого ВВП на душу населения, счастье в большей степени зависит от нематериальных факторов, таких как доступное и надежное здравоохранение, социальные блага, чем материальное потребление, тогда такие разные ценности, как уважение к окружающей среде, ответственное питание, сочувствие или щедрость, могут получить распространение и постепенно стать характеристикой новых социальных норм.

Помимо текущего кризиса, в последние годы роль экономического роста в повышении уровня жизни менялась в зависимости от контекста. В странах с высоким уровнем доходов рост производительности неуклонно снижается с 1970-х годов, и утверждалось, что в настоящее время нет четких политических путей для возобновления долгосрочного роста.^[36] Кроме того, рост, который действительно материализовался, непропорционально достался людям, находящимся на верхнем уровне распределения доходов. Более эффективный подход может заключаться в том, чтобы лица, определяющие политику, могли более прямо нацелить меры по повышению благосостояния.^[37] В странах с низким и средним уровнем доходов выгоды экономического роста помогли миллионам людей выбраться из нищеты на крупных развивающихся рынках. Варианты политики для ускорения роста лучше известны (например, устранение основных искажений), однако необходимо будет найти новые подходы, поскольку модель развития, ориентированная на производство, быстро теряет свою силу с наступлением Четвертой промышленной революции.[38]

Это подводит ко второму ключевому вопросу о будущем росте. Если направление и качество экономического роста имеют такое же значение, как и его скорость, а может быть, даже больше, чем, вероятно, будут новые движущие силы этого качества в постпандемической экономике? Некоторые области могут предложить среду, способную повысить инклюзивный и устойчивый динамизм.

Зеленая экономика охватывает целый ряд возможностей - от более зеленой энергетики до экотуризма и экономики замкнутого цикла. Например, переход от подхода «взять-изготовить-утилизировать» к производству и потреблению к модели, которая является «восстановительной и регенерирующей по замыслу»^[39] может сберечь ресурсы и минимизировать отходы за счет повторного использования продукта по истечении срока его полезного использования, создавая таким образом дополнительную ценность, которая, в свою очередь, может приносить экономические выгоды, способствуя инновациям, созданию рабочих мест и, в конечном итоге, росту. Компании и стратегии, которые отдают предпочтение ремонтируемым изделиям с более длительным сроком службы (от телефонов и автомобилей до модной одежды), которые даже предлагают бесплатный ремонт (например, верхнюю одежду Patagonia) и платформы для продажи бывших в употреблении товаров, быстро расширяются.^[40]

Социальная экономика охватывает другие быстрорастущие и создающие рабочие места области в области ухода и личных услуг, образования и здравоохранения. Инвестиции в уход за детьми, уход за пожилыми людьми и другие элементы экономики ухода создадут 13 миллионов рабочих мест только в США и 21 миллион рабочих мест в семи странах, а также приведут к увеличению роста ВВП на 2% в исследованных странах.^[41] Образование также является областью массового создания рабочих мест, особенно если рассматривать начальное и среднее образование, техническое и профессиональное образование и обучение, университетское образование и обучение взрослых вместе. Здоровье, как показала пандемия, требует гораздо больших инвестиций как с точки зрения инфраструктуры и инноваций, так и с точки зрения человеческого капитала. Эти три области создают мультипликативный эффект как за счет собственного потенциала занятости, так и за счет долгосрочных выгод, которые они приносят в разных обществах в виде равенства, социальной мобильности и инклюзивного роста.

Инновации в производстве, распределении и бизнес-моделях могут способствовать повышению эффективности и созданию новых или более совершенных продуктов, которые создают более высокую добавленную стоимость, что ведет к созданию новых рабочих мест и экономическому процветанию. Таким образом, правительства имеют в своем распоряжении инструменты, позволяющие перейти к более инклюзивному и устойчивому процветанию, сочетая определение направлений деятельности и стимулы государственного сектора с коммерческим инновационным потенциалом путем фундаментального переосмысления рынков и их роли в нашей экономике и обществе. Это требует иного и сознательного инвестирования в приграничные рынки, описанные выше, в те области, где рыночные силы могут иметь преобразующий эффект на экономику и общество, но где некоторые из необходимых предпосылок для функционирования все еще отсутствуют (например, технические возможности для устойчивого производства продукта или масштабных активов все еще недостаточно, стандарты не определены должным образом или правовая база еще не разработана). Формирование правил и механизмов этих новых рынков может оказать трансформирующее воздействие на экономику. Если правительства хотят перехода к новому и лучшему виду роста, у них есть возможность действовать прямо сейчас, чтобы создать стимулы для инноваций и творчества в областях, обозначенных выше.

Некоторые призывают к «замедлению роста» - движению, которое предполагает нулевой или даже отрицательный рост ВВП, которое набирает обороты (по крайней мере, в самых богатых странах). По мере того, как критика экономического роста переходит на центральное место, финансовое и культурное доминирование консьюмеризма в общественной и частной жизни будет пересмотрено.^[42] Это становится очевидным в ориентированной на потребителя активности по снижению роста в некоторых нишевых сегментах - например, в пропаганде меньшего количества мяса или меньшего количества рейсов. Вызвав период вынужденного замедления роста, пандемия вызвала возобновление интереса к этому движению, стремящемуся повернуть вспять темпы экономического роста, что побудило более 1100 экспертов со всего мира опубликовать в мае 2020 года манифест, предлагающий стратегию сокращения роста для решения этой проблемы. экономический и гуманитарный кризис, вызванный COVID-19.^[43] В их открытом письме содержится призыв к принятию демократически «спланированного, но адаптивного, устойчивого и справедливого масштабирования экономики, ведущего к будущему, в котором мы сможем жить лучше с меньшими затратами».

Однако остерегайтесь того, что стремление к уменьшению роста оказывается столь же безнадежным, как и стремление к росту! Вместо этого наиболее дальновидные страны и их правительства будут отдавать приоритет более инклюзивному и устойчивому подходу к управлению и оценке своей экономики, который также способствует росту рабочих мест, повышению уровня жизни и защите планеты. Технология, позволяющая делать больше с меньшими затратами, уже существует.^[44] Не будет принципиального компромисса между экономическими, социальными и экологическими факторами, если мы примем этот более целостный и долгосрочный подход к определению прогресса и стимулированию инвестиций в экологически чистые и социальные пограничные рынки.

1.2.3. Фискальная и денежно-кредитная политика

Ответные меры налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики на пандемию были решительными, масштабными и быстрыми.

В странах, имеющих системное значение, центральные банки почти сразу после начала эпидемии решили снизить процентные ставки, запустив при этом крупные программы количественного смягчения, взяв на себя обязательство печатать деньги, необходимые для снижения стоимости государственных заимствований. ФРС США обязалось покупать казначейские облигации и ценные бумаги, обеспеченные ипотекой, в то время как Европейский центральный банк пообещал купить любой инструмент, который выпустят правительства (шаг, который позволил сократить разрыв в стоимости заимствований между более слабыми и более сильными членами еврозоны).

Одновременно большинство правительств предприняли амбициозные и беспрецедентные меры налогово-бюджетной политики. Срочные и масштабные меры были приняты очень рано во время кризиса с тремя конкретными целями: 1) бороться с пандемией, расходуя столько средств, сколько требуется, чтобы как можно быстрее взять ее под контроль (посредством проведения тестов, возможностей больниц, исследований в лекарства и вакцины и др.); 2) предоставлять экстренные средства домохозяйствам и фирмам, находящимся на грани банкротства и катастрофы; и 3) поддерживать совокупный спрос, чтобы экономика могла работать максимально близко к потенциалу.^[45]

Эти меры приведут к очень большому бюджетному дефициту с вероятным увеличением отношения долга к ВВП на 30% ВВП в богатых странах. На глобальном уровне совокупный стимул со стороны государственных расходов, вероятно, превысит 20% мирового ВВП в 2020 году со значительными колебаниями по странам: от 33% в Германии до более 12% в США.

Это расширение фискальных возможностей имеет совершенно разные последствия в зависимости от того, является ли страна развитой или развивающейся. Страны с высоким уровнем доходов имеют больше фискального пространства, потому что более высокий уровень долга должен быть устойчивым и влечет за собой жизнеспособный уровень затрат на благосостояние будущих поколений по двум причинам: 1) обязательство центральных банков приобрести любое количество облигаций, необходимое для поддержания низких процентных ставок; и 2) уверенность в том, что процентные ставки, вероятно, останутся низкими в обозримом будущем, потому что неопределенность будет и дальше препятствовать частным инвестициям и оправдывает высокие уровни предупредительной экономии. Напротив, в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах ситуация не может быть более резкой. У большинства из них нет финансового пространства, необходимого для реагирования на пандемический шок; они уже страдают от значительного оттока капитала и падения цен на сырьевые товары, а это означает, что их обменный курс будет подорван, если они решат начать экспансионистскую фискальную политику. Эти обстоятельства, помощь в виде грантов и списания долгов и, возможно, полного моратория,^[46] не только понадобятся, но и будут иметь решающее значение.

Это беспрецедентные программы для беспрецедентной ситуации, что-то настолько новое, что экономист Кармен Рейнхарт назвала это «моментом, который может потребоваться для широкомасштабной нестандартной фискальной и денежно-кредитной политики».^[47] Меры, которые до пандемии казались немыслимыми, вполне могут стать стандартом во всем мире, поскольку правительства пытаются предотвратить превращение экономической рецессии в катастрофическую депрессию. Все чаще будут звучать призывы к правительству действовать как «плательщик последней инстанции».^[48] чтобы предотвратить или остановить волну массовых увольнений и разрушения бизнеса, вызванных пандемией.

Все эти изменения меняют правила «игры» экономической и денежно-кредитной политики. Искусственный барьер, делающий денежно-кредитные и фискальные органы независимыми друг от друга, теперь демонтирован, и центральные банкиры стали (в относительной степени) подчиняться избранным политикам. Теперь можно предположить, что в будущем правительство будет пытаться использовать свое влияние на центральные банки для финансирования крупных государственных проектов, таких как создание инфраструктуры или фонд зеленых инвестиций. Точно так же предписание о том, что правительство может вмешиваться, чтобы сохранить рабочие места или доходы работников и защитить компании от банкротства, может сохраниться после того, как эта политика прекратится. Вполне вероятно, что общественное и политическое давление с целью сохранения таких схем сохранится, даже когда ситуация улучшится. Одна из самых серьезных проблем заключается в том, что это неявное взаимодействие между налогово-бюджетной и денежно-кредитной политикой приводит к

неконтролируемой инфляции. Он исходит из идеи, что политики развернут массивные бюджетные стимулы, которые будут полностью монетизированы, то есть не будут финансироваться за счет стандартного государственного долга.

Именно здесь на помощь приходят современная денежная теория (ММТ) и вертолетные деньги: с процентными ставками, колеблющимися около нуля, центральные банки не могут стимулировать экономику классическими монетарными инструментами; то есть снижение процентных ставок - если они не решат пойти на глубоко отрицательные процентные ставки, это проблемный шаг, которому сопротивлялось большинство центральных банков. Именно здесь на помощь приходят современная денежная теория (ММТ) и вертолетные деньги: с процентными ставками, колеблющимися около нуля, центральные банки не могут стимулировать экономику классическими монетарными инструментами; то есть снижение процентных ставок - если они не решат пойти на глубоко отрицательные процентные ставки, это проблемный шаг, которому сопротивлялось большинство центральных банков. [49]

Следовательно, стимул должен исходить от увеличения бюджетного дефицита (это означает, что государственные расходы будут расти одновременно с сокращением налоговых поступлений). Выражаясь в простейших возможных (и в данном случае упрощенных) терминах, ММТ работает следующим образом: правительства выпускают некоторый долг, который выкупает центральный банк. Если он никогда не продаст их обратно, это приравнивается к денежному финансированию: дефицит монетизируется (центральный банк покупает облигации, которые выпускает правительство), и правительство может использовать деньги по своему усмотрению. Он может, например, метафорически сбросить его с вертолетов нуждающимся людям. Идея привлекательна и реализуема, но в ней содержится серьезная проблема социальных ожиданий и политического контроля: как только граждане поймут, что деньги можно найти на «волшебном денежном дереве», избранные политики окажутся под жестким и безжалостным общественным давлением с целью создания большего и больше, и тогда возникает проблема инфляции.

1.2.3.1. Дефляция или инфляция?

Два технических элемента, встроенных в проблему денежно-кредитного финансирования, связаны с риском инфляции. Во-первых, решение о постоянном количественном смягчении (например, в денежно-кредитном финансировании) не обязательно должно приниматься, когда центральный банк покупает долг, выпущенный правительством; можно оставить на усмотрение будущего, чтобы скрыть или обойти идею о том, что деньги «растут на деревьях». Во-вторых, инфляционное влияние вертолетных денег не связано с тем, финансируется ли дефицит или нет, а прямо пропорционально сумме денег. Нет номинальных ограничений на то, сколько денег может создать центральный банк, но есть разумные пределы тому, сколько они хотели бы создать, чтобы добиться рефляции, не рискуя слишком большой инфляцией. Возникающее в результате увеличение номинального ВВП будет разделено между эффектом реального объема производства и эффектом увеличения уровня цен - этот баланс и его инфляционный характер будут зависеть от того, насколько жесткими будут ограничения предложения, и, в конечном итоге, от количества созданных денег. Центробанки могут решить, что не о чем беспокоиться, если инфляция составляет 2% или 3%, и что 4–5% тоже хорошо, но им придется определить верхний предел, при котором инфляция становится разрушительной и вызывает реальную озабоченность. Задача будет заключаться в том, чтобы определить, на каком уровне им придется определить верхний предел, при котором инфляция становится разрушительной и вызывает реальную озабоченность. Задача будет заключаться в том, чтобы определить, на каком уровне им придется определить верхний предел, при котором инфляция становится разрушительной и вызывает реальную озабоченность. Задача будет заключаться в том, чтобы определить, на каком уровне инфляция становится разъедающим и источником навязчивой озабоченности потребителей.

На данный момент одни опасаются дефляции, другие опасаются инфляции. Что скрывается за этими расходящимися опасениями по поводу будущего? Опасения, вызывающие дефляцию, указывают на коллапс рынка труда и падение цен на сырьевые товары и задаются вопросом, как инфляция может вырасти в ближайшее время в этих условиях. Обеспокоенные инфляцией наблюдают за существенным увеличением балансов центральных банков и бюджетного дефицита и задаются вопросом, как это однажды не приведет к инфляции и, возможно, к высокой инфляции, и даже к гиперинфляции. Они указывают на пример Германии после Первой мировой войны, которая раздула свой внутренний военный

долг в результате гиперинфляции 1923 года, или Великобритании, которая немного размыла инфляцией огромную сумму долга (250%), унаследованную ею от мировой войны. II. Эти обеспокоенные люди признают, что в краткосрочной перспективе дефляция может быть более серьезным риском,

На данном этапе трудно представить, как инфляция может ускориться в ближайшее время. Перенос производственной деятельности может привести к периодическим очагам инфляции, но они, вероятно, останутся ограниченными. Сочетание сильных долгосрочных структурных тенденций, таких как старение и технологии (оба дефляционные по своей природе), и исключительно высокий уровень безработицы, который будет сдерживать рост заработной платы в течение многих лет, оказывает сильное понижающее давление на инфляцию. В постпандемическую эпоху высокий потребительский спрос маловероятен. Боль, причиняемая повсеместной безработицей, низкими доходами больших слоев населения и неуверенностью в будущем, вероятно, приведет к увеличению предупредительных сбережений. Когда социальное дистанцирование в конечном итоге ослабнет, сдерживаемый спрос может спровоцировать небольшую инфляцию, но это, вероятно, будет временным и поэтому не повлияет на инфляционные ожидания. Оливье Бланшар, бывший главный экономист МВФ, считает, что только сочетание следующих трех элементов может вызвать инфляцию: 1) очень большой рост отношения долга к ВВП, превышающий текущий прогноз на 20-30%; 2) очень большое увеличение нейтральной ставки (т. е. Безопасной реальной ставки, необходимой для сохранения потенциала экономики); и 3) фискальное преобладание денежной безопасный реальный курс, необходимый для поддержания потенциала экономики); и 3) фискальное преобладание денежной политики.^[50] Вероятность каждого из них в отдельности уже мала, поэтому вероятность того, что все три встречаются вместе друг с другом, чрезвычайно мала (но не равна нулю). Инвесторы в облигации думают одинаково. Это, конечно, может измениться, но на данный момент низкая разница ставок между номинальными и индексированными на инфляцию облигациями в лучшем случае рисует картину продолжающейся очень низкой инфляции.

В ближайшие годы страны с высоким уровнем дохода вполне могут столкнуться с ситуацией, аналогичной той, что была в Японии в последние несколько десятилетий: структурно слабый спрос, очень низкая инфляция и сверхнизкие процентные ставки. Возможная «японизация» (богатого) мира часто изображается как безнадежное сочетание отсутствия роста, инфляции и невыносимого уровня долга. Это заблуждение. Когда данные скорректированы с учетом демографии, у Японии получается лучше, чем у большинства. Ее ВВП на душу населения высок и продолжает расти, а с 2007 года ее реальный ВВП на члена трудоспособного возраста рос быстрее, чем в любой другой стране Большой семерки. Естественно, для этого есть много идиосинкразических причин (очень высокий уровень социального капитала и доверия, но также и рост производительности труда, превышающий средний показатель, и успешное включение пожилых рабочих в рабочую силу), но это показывает, что сокращение населения не обязательно должно вести к экономическому забвению. Высокие показатели уровня жизни и благополучия Японии служат полезным уроком о том, что есть надежда перед лицом экономических трудностей.

1.2.3.2. Судьба доллара США

На протяжении десятилетий США пользовались «непомерной привилегией» сохранения глобального валютного резерва, статусом, который долгое время был «привилегией имперской мощи и экономическим эликсиром».^[51] В значительной степени американская мощь и процветание были построены и подкреплены глобальным доверием к доллару и готовностью клиентов за рубежом держать его, чаще всего в форме государственных облигаций США. Тот факт, что так много стран и иностранных организаций хотя бы использовать доллары как средство сбережения и как инструмент обмена (для торговли), закрепил его статус в качестве глобальной резервной валюты. Это позволило США получить дешевые займы за границей и получить выгоду от низких процентных ставок у себя дома, что, в свою очередь, позволило американцам потреблять не по средствам. Это также сделало возможным в последнее время крупный дефицит правительства США, позволил США иметь существенный торговый дефицит, снизил риск обменного курса и сделал финансовые рынки США более ликвидными. В основе статуса доллара США как резервной валюты лежит критический вопрос доверия: неамериканцы, которые держат доллары, верят, что Соединенные Штаты будут защищать как свои собственные интересы (путем разумного управления своей экономикой), так и остальной мир в качестве что касается доллара США (разумно управляя своей валютой, например, эффективно и быстро предоставляя долларовую ликвидность глобальной финансовой системе).

В течение некоторого времени некоторые аналитики и политики рассматривали возможность постепенного прекращения господства доллара. Теперь они думают, что пандемия может быть

катализатором, подтверждающим их правоту. Их аргумент двоякий и касается обеих сторон вопроса доверия.

С одной стороны (разумное управление экономикой) сомневающиеся в доминировании доллара США указывают на неизбежное и резкое ухудшение финансового положения США. По их мнению, неприемлемый уровень долга в конечном итоге подорвет доверие к доллару США. Незадолго до пандемии расходы на оборону США, а также проценты по федеральному долгу, а также ежегодные выплаты - Medicare, Medicaid и социальное обеспечение - составляли 112% поступлений федерального налога (против 95% в 2017 году). Этот неустойчивый путь ухудшится в постпандемическую эпоху после спасения. Этот аргумент предполагает, что что-то важное, следовательно, должно измениться либо за счет значительного снижения геополитической роли, либо за счет повышения налогообложения, либо за счет того и другого, иначе растущий дефицит достигнет порога, за которым неамериканские инвесторы не захотят его финансировать. С другой стороны (разумно управляя долларом США для остального мира), сомневающиеся в господстве доллара указывают на несовместимость его статуса в качестве глобальной резервной валюты с растущим экономическим национализмом внутри страны. Несмотря на то, что ФРС и Казначейство США эффективно управляют долларом и его влиятельной сетью во всем мире, скептики подчеркивают, что готовность администрации США, направленная на использование доллара США в качестве оружия в геополитических целях (например, наказание стран и компаний, торгующих с Ираном или Северной Кореей), неизбежно будет стимулировать держателей долларов искать альтернативы.

Есть ли жизнеспособные альтернативы? США остаются грозным мировым финансовым гегемоном (роль доллара в международных финансовых транзакциях гораздо выше, хотя и менее заметна, чем в международной торговле), но это также верно, что многие страны хотели бы бросить вызов мировому господству доллара. В краткосрочной перспективе альтернатив нет. Китайский юань (RMB) может быть вариантом, но только после того, как будет отменен строгий контроль за движением капитала и юань не станет валютой, определяемой рынком, что вряд ли произойдет в обозримом будущем. То же самое и с евро; это мог бы быть вариант, но только после того, как сомнения относительно возможного распада еврозоны исчезнут навсегда, что снова маловероятно в ближайшие несколько лет. Что касается глобальной виртуальной валюты, то ее пока нет, но есть попытки запустить национальные цифровые валюты, которые могут в конечном итоге свергнуть превосходство доллара США. Самый значительный из них прошел в Китае в конце апреля 2020 года с тестированием национальной цифровой валюты в четырех крупных городах.^[52] Страна на годы опережает остальной мир в разработке цифровой валюты в сочетании с мощными платформами электронных платежей; Этот эксперимент ясно показывает, что существуют денежные системы, которые пытаются стать независимыми от американских посредников, продвигаясь к большей цифровизации.

В конечном итоге возможное прекращение господства доллара США будет зависеть от того, что произойдет в США. Как сказал Генри Полсон, бывший министр финансов США: «Известность доллара США начинается дома (...). Соединенные Штаты должны поддерживать экономику, вызывающую доверие и доверие во всем мире. Неспособность сделать это со временем подвергнет опасности позицию доллара США».^[53] В значительной степени авторитет США в мире также зависит от геополитики и привлекательности их социальной модели. «Непомерная привилегия» неразрывно связана с глобальной властью, восприятием США как надежного партнера и их ролью в работе многосторонних институтов. «Если бы эту роль считали менее уверенной, а безопасность гарантия как менее железная, поскольку США отказывались от глобальной геополитики в пользу более автономной, ориентированной на внутренний рынок политики, надбавка за безопасность, которую дает доллар США, может уменьшиться», - предупреждают Барри Эйхенгрин и представители Европейского центрального банка.^[54]

Вопросы и сомнения относительно будущего статуса доллара как глобального валютного резерва являются уместным напоминанием о том, что экономика не существует изолированно. Эта реальность особенно сурова в странах с формирующимся рынком и бедных странах с чрезмерной задолженностью, которые сейчас не в состоянии выплатить свои долги, часто выраженные в долларах. По их мнению, этот кризис займет огромные масштабы и годы, чтобы преодолеть его, со значительным экономическим ущербом, который быстро перерастет в социальную и гуманитарную боль. Во всех этих странах кризис COVID вполне может положить конец постепенному процессу конвергенции, который должен был привести высокоразвитые и развивающиеся страны к более тесному взаимодействию. Это приведет к увеличению социальных и геополитических рисков - яркое напоминание о том, в какой степени экономические риски пересекаются с социальными проблемами и геополитикой.

1.3. Социальная перезагрузка

Исторически пандемии подвергали общества серьезным испытаниям; кризис COVID-19 2020 года не станет исключением. По сравнению с экономикой, как мы только что видели, и геополитикой, как мы увидим в следующей главе, социальные потрясения, вызванные COVID-19, будут длиться годами, а возможно, и поколениями. Наиболее непосредственным и заметным воздействием станет то, что многие правительства будут привлечены к ответственности, и будет много гнева, направленного на тех политиков и политических деятелей, которые оказались неадекватными или плохо подготовленными с точки зрения их реакции на борьбу с COVID-19. Как заметил Генри Киссинджер: «Нации сплочены и процветают, полагаясь на то, что их институты могут предвидеть бедствия, остановить их воздействие и восстановить стабильность. Когда пандемия COVID-19 закончится, учреждения многих стран будут сочтены провалившимися».^[55] Это будет особенно актуально для некоторых богатых стран, наделенных сложными системами здравоохранения и сильными активами в области исследований, науки и инноваций, где граждане будут спрашивать, почему их власти сделали так плохо по сравнению с другими. В них может проявиться сама суть их социальной структуры и социально-экономической системы, которые будут осуждены как «настоящие» виновники, виновные в неспособности гарантировать экономическое и социальное благополучие для большинства граждан. В более бедных странах пандемия приведет к огромным социальным потерям. Это усугубит социальные проблемы, которые уже преследуют их, в частности бедность, неравенство и коррупцию. В некоторых случаях это могло

Можно ли извлечь какие-либо системные уроки относительно того, что сработало, а что не сработало с точки зрения борьбы с пандемией? В какой степени реакция различных наций раскрывает некоторые внутренние сильные и слабые стороны конкретных обществ или систем управления? Некоторые из них, такие как Сингапур, Южная Корея и Дания (среди прочих), похоже, преуспели и, безусловно, лучше, чем большинство. Другие, такие как Италия, Испания, США или Великобритания, похоже, отстали по разным показателям, будь то с точки зрения подготовки, кризисного управления, связи с общественностью, количества подтвержденных случаев и смертей, а также различных других показателей. В соседних странах, которые имеют много структурных сходств, таких как Франция и Германия, было примерно эквивалентное количество подтвержденных случаев, но разительно разное количество смертей от COVID-19. Чем объясняются эти очевидные аномалии, помимо различий в инфраструктуре здравоохранения? В настоящее время (июнь 2020 г.) мы все еще сталкиваемся с множеством «неизвестных» причин, по которым COVID-19 поразил и распространился с особой вирулентностью в одних странах и регионах, а не в других. Однако в совокупности страны с лучшими показателями обладают следующими общими и общими характеристиками:

1. Они были «подготовлены» к предстоящему (логистически и организационно).
2. Они приняли быстрые и решительные решения.
3. У них рентабельная и инклюзивная система здравоохранения.
4. Это общества с высоким уровнем доверия, в которых граждане доверяют как руководству, так и информации, которую они предоставляют.
5. Похоже, что они под принуждением проявили настоящее чувство солидарности, отдавая предпочтение общему благу над индивидуальными чаяниями и потребностями.

За частичным исключением первого и второго атрибутов, которые носят более технический характер (хотя техническая специфика включает в себя культурные элементы), все остальные могут быть отнесены к категории «благоприятных» социальных характеристик, доказывающих, что основные ценности инклюзивности, солидарности и доверия сильны определяющие элементы и важные факторы успеха в сдерживании эпидемии.

Конечно, еще слишком рано описывать с какой-либо степенью точности форму, которую социальная перезагрузка примет в разных странах, но некоторые из ее широких глобальных контуров уже можно очертить. Прежде всего, постпандемическая эра откроет период массового перераспределения богатства от богатых к бедным и от капитала к труду. Во-вторых, COVID-19, вероятно, станет похоронным звоном неолиберализма, совокупности идей и политик, которые можно условно определить как предпочтение конкуренции вместо солидарности, созидательное разрушение над вмешательством правительства и экономический рост над социальным благосостоянием. В течение ряда лет неолиберальная доктрина шла на убыль, многие комментаторы, бизнес-лидеры и политики все чаще осуждали ее «рыночный фетишизм», но COVID-19 привел к решающему удару. Неслучайно две страны, которые в последние несколько лет с наибольшим рвением придерживались политики неолиберализма, - США и Великобритания, - относятся к числу тех, кто пострадал во время пандемии больше всего.

1.3.1. Неравенства

Одно серьезно вводящее в заблуждение клише о коронавирусе заключается в метафоре COVID-19 как «великого выравнителя».^[56] На самом деле все наоборот. COVID-19 усугубил ранее существовавшие условия неравенства везде и всегда. Таким образом, он не является «выравнителем» ни с медицинской, ни с экономической, ни с социальной, ни с психологической точек зрения. Пандемия на самом деле является «великим неравенством»^[57] это усугубило неравенство в доходах, богатстве и возможностях. Он обнажил для всех не только огромное количество людей в мире, которые являются экономически и социально уязвимыми, но также всю глубину и степень их уязвимости - явления, которое еще более распространено в странах с низким уровнем социальной защиты или ее отсутствием или слабыми семейными и социальными связями. Эта ситуация, конечно, предшествует пандемии, но, как мы наблюдали в отношении других глобальных проблем, вирус действовал как усилитель, вынуждая нас признать и признать серьезность проблем, связанных с неравенством, которые раньше слишком многие слишком долго игнорировали.

Первым следствием пандемии стало усиление макро-проблемы социального неравенства за счет того, что в центре внимания оказались шокирующие различия в степени риска, которому подвергаются разные социальные классы. В большинстве стран мира приблизительное, хотя и разоблачительное повествование возникло во время карантина. В нем описывалась дихотомия: высшие и средние классы имели возможность удаленно работать и обучать своих детей самостоятельно, не выходя из дома (в начальных или, по возможности, вторичных, более удаленных местах проживания считались более безопасными), в то время как члены рабочего класса (для тех, Работа) не было дома и не следили за образованием своих детей, но работали на передовой, чтобы помочь спасти жизни (напрямую или нет) и экономику - убирали больницы, обслуживали кассы, перевозили предметы первой необходимости и обеспечивали нашу безопасность. В случае высокоразвитой экономики услуг, такой как США, примерно треть всех рабочих мест может выполняться из дома или удаленно со значительными расхождениями, которые сильно коррелируют с доходами по секторам. Более 75% американских финансовых и страховых работников могут выполнять свою работу удаленно, в то время как только 3% менее оплачиваемых работников пищевой промышленности могут делать это.^[58] В разгар пандемии (середина апреля), большинство новых случаев заражения и количество смертей стало более ясным, чем когда-либо, что COVID-19 далек от того, чтобы быть «великим уравнивателем» или «уравнивателем», о котором говорили многие люди. в начале пандемии. Вместо этого быстро выяснилось, что не было ничего справедливого или беспристрастного в том, как вирус выполнял свою смертельную работу.

В США COVID-19 нанес непропорционально большой урон афроамериканцам, людям с низкими доходами и уязвимым слоям населения, таким как бездомные. В штате Мичиган, где менее 15% населения составляют чернокожие, на долю чернокожих жителей приходилось около 40% смертей от осложнений COVID-19. Тот факт, что COVID-19 так непропорционально затронул общины чернокожих, является просто отражением существующего неравенства. В Америке, как и во многих других странах, афроамериканцы беднее, с большей вероятностью окажутся безработными или частично занятыми и станут жертвами неудовлетворительных жилищных условий и условий жизни. В результате они больше страдают от уже существующих заболеваний, таких как ожирение, болезни сердца или диабет, которые делают COVID-19 особенно смертоносным.

Второй эффект пандемии и последовавшего за ней состояния изоляции заключался в выявлении глубокого разрыва между сущностным характером и внутренней ценностью проделанной работы и экономическим вознаграждением, которое она дает. Иными словами: мы меньше всего ценим с экономической точки зрения людей, в которых больше всего нуждается общество. Отрезвляющая правда заключается в том, что герои непосредственного кризиса COVID-19, те, кто (подвергаясь личному риску) заботился о больных и поддерживал экономику, относятся к числу самых малооплачиваемых профессионалов: медсестры, уборщицы, курьеры, работники пищевых фабрик, домов престарелых и складов. Часто наименее признается их вклад в экономическое и социальное благополучие. Это явление носит глобальный характер, но особенно ярко проявляется в англосаксонских странах, где бедность сочетается с нестабильностью. Граждане этой группы получают не только самую низкую зарплату, но и наиболее подвержены риску потерять работу. В Великобритании, например, подавляющее большинство (почти 60%) поставщиков медицинских услуг, работающих в сообществе, работают по «контрактам на нулевой час», что означает, что у них нет гарантированных обычных часов и, как следствие, нет уверенности в регулярности доход. Точно так же работники пищевых фабрик часто работают по временным трудовым договорам с меньшими правами, чем обычно, и без каких-либо гарантий. Что касается водителей-курьеров, которые в большинстве случаев относятся к категории самозанятых, они получают оплату за каждый «выезд» и не получают ни больничных, ни отпускных - реальность, остро изображенная в последней работе Кена Лоуча «Извини, мы скучали по тебе». это иллюстрирует драматическую степень, в которой эти работники всегда оказываются всего в одной беде от физического, эмоционального или экономического краха,

Будет ли социальное неравенство увеличиваться или уменьшаться в постпандемическую эпоху? Многие неофициальные данные свидетельствуют, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, что неравенство, вероятно, усилится. Как указывалось ранее, люди с низким доходом или без него непропорционально сильно страдают от пандемии: они более восприимчивы к хроническим заболеваниям и иммунодефициту и, следовательно, с большей вероятностью заразятся COVID-19 и страдают от тяжелых инфекций. Это будет продолжаться в течение нескольких месяцев после вспышки. Как и в случае с предыдущими эпизодами пандемии, такими как чума, не все получают одинаковую пользу от лечения и вакцин. В частности, в США, как заметил Ангус Дитон, лауреат Нобелевской премии, который стал соавтором книги «Смерть отчаяния и будущее капитализма» с Энн Кейс: «Производители лекарств и больницы станут более могущественными и богатыми, чем когда-либо»,^[59] в ущерб беднейшим слоям населения. Кроме того, ультра-адаптивная денежно-кредитная политика, проводимая во всем мире, увеличит неравенство в уровне благосостояния за счет повышения цен на активы, особенно на финансовых рынках и в собственности.

Однако, выходя за рамки ближайшего будущего, тенденция может измениться и спровоцировать противоположное - уменьшение неравенства. Как это могло случиться? Возможно, достаточное количество людей достаточно возмущены вопиющей несправедливостью преференциального режима, которым пользуются исключительно богатые, что это вызывает широкую общественную реакцию. В США большинство или очень громкое меньшинство может потребовать национального или общественного контроля над здравоохранением, тогда как в Европе недофинансирование системы здравоохранения больше не будет политически приемлемым. Также может случиться так, что пандемия в конечном итоге заставит нас переосмыслить те занятия, которые мы действительно ценим, и заставит изменить то, как мы коллективно их оплачиваем. В будущем согласится ли общество с тем, что звездный менеджер хедж-фонда, специализирующийся на коротких продажах (чей вклад в экономическое и социальное благополучие сомнителен), в лучшем случае) может получать доход в миллионы в год, в то время как медсестра (чей вклад в социальное обеспечение неоспорим) зарабатывает бесконечно малую часть этой суммы? При таком оптимистичном сценарии, когда мы все больше осознаем, что многие работники на низкооплачиваемых и небезопасных рабочих местах играют важную роль в нашем коллективном благополучии, политика будет корректироваться, чтобы улучшить как условия их труда, так и вознаграждение. За этим последует повышение заработной платы, даже если это будет сопровождаться сокращением прибыли компаний или более высокими ценами; возникнет сильное социальное и политическое давление, чтобы заменить ненадежные контракты и лазейки, связанные с эксплуатацией, постоянными должностями и лучшей подготовкой. Таким образом, неравенство может уменьшиться, но, если судить по истории, этот оптимистичный сценарий вряд ли возобладает без массовых социальных потрясений.

1.3.2. Социальная нестабильность

Одна из самых серьезных опасностей, с которыми сталкивается постпандемия, - это социальные волнения. В некоторых крайних случаях это могло привести к социальной дезинтеграции и политическому краху. Бесчисленные исследования, статьи и предупреждения подчеркивают этот конкретный риск, основанный на очевидном наблюдении, что, когда люди не имеют работы, доходов и перспектив на лучшую жизнь, они часто прибегают к насилию. Следующая цитата отражает суть проблемы. Это применимо к США, но его выводы верны для большинства стран мира:

Те, кто остался безнадежным, безработным и без активов, легко могут повернуться против тех, кто более обеспечен. Уже сейчас около 30% американцев имеют нулевое или отрицательное богатство. Если из текущего кризиса выйдет больше людей, не имеющих ни денег, ни работы, ни доступа к медицинскому обслуживанию, и если эти люди придут в отчаяние и рассердятся, то такие сцены, как недавний побег заключенных в Италии или грабежи, последовавшие за ураганом Катрина в Новом Орлеане в 2005 году может стать обычным делом. Если правительствам придется прибегать к использованию военизированных формирований или вооруженных сил для подавления, например, беспорядков или нападений на собственность, общества могут начать распадаться.^[60]

Задолго до того, как пандемия охватила мир, социальные волнения росли во всем мире, поэтому риск не нов, но его усилил COVID-19. Есть разные способы определить, что составляет общественные беспорядки, но за последние два года по всему миру произошло более 100 значительных антиправительственных протестов,^[61] в богатых и бедных странах, от беспорядков «желтых жилетов» во Франции до демонстраций против сильных мира сего в таких странах, как Боливия, Иран и Судан. Большинство (последних) были подавлены жестокими репрессиями, и многие впали в спячку (как и мировая экономика), когда правительства вынудили их население заблокировать, чтобы сдержать пандемию. Но после снятия

запрета собираться группами и выходить на улицы трудно представить, что старые обиды и временно подавленное социальное беспокойство не вспыхнут снова, возможно, с новой силой. В постпандемическую эпоху количество безработных, обеспокоенных, несчастных, обиженных, больных и голодных резко увеличится. Личные трагедии будут накапливаться, разжигая гнев, негодование и раздражение в различных социальных группах, включая безработных, бедных, мигрантов, заключенных, бездомных, всех оставшихся без крова ... Как все это давление могло не закончиться извержением? Социальные явления часто имеют те же характеристики, что и пандемии, и, как отмечалось на предыдущих страницах, переломные моменты в равной степени относятся к обоим. Когда бедность, чувство бесправия и бессилия достигают определенного предела, разрушительные социальные действия часто становятся последней мерой.

В первые дни кризиса видные люди разделяли эту обеспокоенность и предупреждали мир о растущем риске социальных волнений. Якоб Валленберг, шведский промышленник, - один из них. В марте 2020 года он писал: «Если кризис продлится долго, безработица может составить 20-30 процентов, а экономика может сократиться на 20-30 процентов ... Восстановления не будет. Будут социальные волнения. Будет насилие. Будут социально-экономические последствия: резкая безработица. Граждане сильно пострадают: одни умрут, другие будут чувствовать себя ужасно».^[62] Сейчас мы вышли за порог того, что Валленберг считал «тревожным»: безработица превышает 20–30% во многих странах мира, а во втором квартале 2020 года экономика большинства стран сократилась до уровня, который ранее считался вызывающим беспокойство. Как это будет развиваться, где наиболее вероятно возникнут социальные волнения и в какой степени?

На момент написания этой книги COVID-19 уже вызвал глобальную волну социальных волнений. Он начался в США с протестов Black Lives Matter после убийства Джорджа Флойда в конце мая 2020 года, но быстро распространился по всему миру. COVID-19 был определяющим элементом: смерть Джорджа Флойда стала искрой, которая зажгла огонь социальных волнений, но основные условия, созданные пандемией, в частности обнаженное расовое неравенство и растущий уровень безработицы, стали топливом. Это усилило протесты и поддержало их. Как? За последние шесть лет почти 100 африканских американцев умерли в полицейском участке, но убийство Джорджа Флойда вызвало национальное восстание. Поэтому не случайно этот всплеск гнева произошел во время пандемии, несоразмерно затронувшей афроамериканское сообщество США (как указывалось ранее). По состоянию на конец июня 2020 года уровень смертности от COVID-19 среди чернокожих американцев был в 2,4 раза выше, чем среди белых американцев. Одновременно с этим коронационный кризис подорвал занятость чернокожих американцев. Это не должно вызывать удивления: экономический и социальный разрыв между афроамериканцами и белыми американцами настолько велик, что почти по всем показателям черные рабочие находятся в более неблагоприятном положении по сравнению с белыми.^[63] В мае 2020 года безработица среди афроамериканцев составляла 16,8% (по сравнению с 13,3% по стране), что является очень высоким уровнем, который подпитывает явление, описываемое социологами как «биографическая доступность»:^[64] отсутствие полной занятости ведет к увеличению участия в социальных движениях. Мы не знаем, как будет развиваться движение Black Lives Matter, и если оно будет сохраняться, то какую форму оно примет. Однако признаки показывают, что это превращается в нечто большее, чем проблемы, связанные с конкретной расой. Протесты против системного расизма привели к более общим призывам к экономической справедливости и инклюзивности. Это логический переход к проблемам неравенства, рассмотренным в предыдущем подразделе, который также показывает, как риски взаимодействуют друг с другом и усиливают друг друга.

Важно подчеркнуть, что никакая ситуация не высечена на камне и что не существует «механических» спусковых механизмов для социальных волнений - она остается выражением коллективной человеческой динамики и настроения, зависящего от множества факторов. Верные представления о взаимосвязанности и сложности, всплески социальных волнений являются типичными нелинейными событиями, которые могут быть вызваны широким спектром политических, экономических, социальных, технологических и экологических факторов. Они варьируются от таких разных вещей, как экономические потрясения, лишения, вызванные экстремальными погодными явлениями, расовой напряженностью, нехваткой продовольствия и даже чувствами несправедливости. Все это и многое другое почти всегда взаимодействуют друг с другом и создают каскадные эффекты. Поэтому конкретные ситуации беспорядков нельзя прогнозировать, но можно предвидеть. Какие страны наиболее уязвимы? На первый взгляд, более бедные страны без систем социальной защиты и богатые страны со слабыми системами социальной защиты подвергаются наибольшему риску, потому что у них нет или меньше политических мер, таких как пособия по безработице, чтобы смягчить шок потери дохода. По этой причине сильно индивидуалистические общества, такие как США, могут подвергаться большему риску, чем европейские или азиатские страны, которые либо имеют большее чувство солидарности (как в южной Европе), либо

лучшую социальную систему для помощи обездоленным (как в Северной Европе). Иногда эти двое сходятся. Такие страны, как Италия, например, обладают как сильной системой социальной защиты, так и сильным чувством солидарности (особенно в отношениях между поколениями). В том же духе, конфуцианство, распространенное во многих странах Азии, ставит чувство долга и солидарность поколений выше прав личности; он также придает большое значение мерам и правилам, которые приносят пользу сообществу в целом. Все это, конечно, не означает, что страны Европы или Азии защищены от социальных волнений. Отнюдь не! Как продемонстрировало движение «желтых жилетов» на примере Франции, жестокие и устойчивые формы социальных волнений могут возникать даже в странах, наделенных надежной системой социальной защиты, но где социальные ожидания не оправдываются.

Социальные волнения отрицательно сказываются как на экономическом, так и на социальном благосостоянии, но важно подчеркнуть, что мы не бессильны перед потенциальными социальными беспорядками по той простой причине, что правительства и, в меньшей степени, компании и другие организации могут подготовиться к снижению риска. путем проведения правильной политики. Самая главная причина социальных волнений - неравенство. Инструменты политики для борьбы с неприемлемым уровнем неравенства существуют, и они часто находятся в руках правительств.

1.3.3. Возвращение «большого» правительства

По словам Джона Миклетуэйта и Адриана Вулдриджа: «Пандемия COVID-19 снова сделала правительство важным. Не только снова могущественными (посмотрите на эти некогда могущественные компании, умоляющие о помощи), но и снова жизненно важными: чрезвычайно важно, есть ли в вашей стране хорошее здравоохранение, компетентные бюрократы и здоровые финансы. Хорошее правительство - это разница между жизнью и смертью».[65]

Один из великих уроков последних пяти столетий для Европы и Америки заключается в следующем: острые кризисы способствуют укреплению могущества государства. Так было всегда, и нет никаких причин, почему с пандемией COVID-19 должно быть иначе. Историки указывают на тот факт, что рост финансовых ресурсов капиталистических стран, начиная с 18 века и далее, всегда был тесно связан с необходимостью ведения войн, особенно тех, которые имели место в отдаленных странах и требовали морских возможностей. Так было с Семилетней войной 1756-1763 годов, описанной как первая по-настоящему глобальная война, в которой участвовали все великие державы Европы того времени. С тех пор реакция на серьезные кризисы всегда еще больше укрепляла власть государства, начиная с налогообложения.^[66] Несколько примеров, иллюстрирующих эту точку зрения, убедительно свидетельствуют о том, что на этот раз, как и в прошлом, налогообложение увеличится. Как и в прошлом, социальное обоснование и политическое оправдание, лежащие в основе увеличения, будут основаны на описании «стран в состоянии войны» (только на этот раз против невидимого врага).

Максимальная ставка подоходного налога во Франции в 1914 году была равна нулю; через год после окончания Первой мировой войны - 50%. Канада ввела подоходный налог в 1917 году как «временную» меру для финансирования войны, а затем резко расширила его во время Второй мировой войны, установив фиксированный 20-процентный дополнительный налог на все подоходные налоги, уплачиваемые физическими лицами, кроме корпораций, и введение высокого предельного налога. ставки (69%). Ставки снизились после войны, но остались значительно выше, чем были раньше. Точно так же во время Второй мировой войны подоходный налог в Америке превратился из «классного налога» в «массовый налог», при этом количество плательщиков выросло с 7 миллионов в 1940 году до 42 миллионов в 1945 году. Самые прогрессивные налоговые годы в истории США. были 1944 и 1945 годы, при этом ставка 94% применялась к любому доходу, превышающему 200 000 долларов (эквивалент 2,4 миллиона долларов в 2009 году). Такие высокие ставки, часто объявляемые конфискованными теми, кто их должен был платить, не опускались ниже 80% в течение следующих 20 лет. В конце Второй мировой войны многие другие страны ввели аналогичные и часто экстремальные налоги и меры. В Великобритании во время войны максимальная ставка подоходного налога выросла до невероятно ошеломляющих 99,25%!^[67]

Иногда суверенная власть государства облагать налогами трансформировалась в ощутимые общественные выгоды в различных областях, таких как создание системы социального обеспечения. Однако эти массовые переходы к чему-то совершенно «новому» всегда определялись как реакция на сильный внешний шок или угрозу грядущего. Вторая мировая война, например, привела к внедрению непрерывных государственных систем благосостояния в большинстве стран Европы. То же самое и с холодной войной: правительства капиталистических стран были настолько обеспокоены внутренним коммунистическим восстанием, что они создали модель, возглавляемую государством, чтобы предотвратить его. Эта система, в которой государственные бюрократы управляли крупными секторами

экономики, от транспорта до энергетики, сохранялась до 1970-х годов.

Сегодня ситуация принципиально иная; за прошедшие десятилетия (в западном мире) роль государства значительно сократилась. Это ситуация, которая должна измениться, потому что трудно представить, как можно справиться с экзогенным шоком такой силы, как тот, который вызван COVID-19, с помощью чисто рыночных решений. Уже и почти в мгновение ока коронавирусу удалось изменить представления о сложном и хрупком балансе между частной и общественной сферами в пользу последнего. Оно показало, что социальное страхование является эффективным и что перенос все большей части ответственности (например, в области здравоохранения и образования) на людей и рынки, возможно, не в лучших интересах общества. В результате неожиданного и внезапного поворота идея, которая всего несколько лет назад была бы предана анафеме, то, что правительства могут способствовать общественному благу, в то время как беглецы из экономики без надзора могут нанести ущерб общественному благосостоянию, теперь может стать нормой. На циферблате, измеряющем континуум между государством и рынками, стрелка решительно сместилась влево.

Впервые с тех пор, как Маргарет Тэтчер уловила дух эпохи, заявив, что «не существует такой вещи, как общество», правительство берет верх. Все, что происходит в постпандемическую эпоху, заставит нас переосмыслить роль правительства. Вместо того, чтобы просто исправлять рыночные сбои, когда они возникают, им следует, как предлагает экономист Мариана Маццукато: «двигаться к активному формированию и созданию рынков, обеспечивающих устойчивый и инклюзивный рост. Они также должны гарантировать, что партнерство с бизнесом с участием государственных средств руководствуется общественными интересами, а не прибылью».[68]

Как проявится эта расширенная роль правительств? Значительный элемент нового «более крупного» правительства уже существует с значительно усиленным и почти немедленным государственным контролем над экономикой. Как подробно описано в главе 1, государственное экономическое вмешательство произошло очень быстро и в беспрецедентных масштабах. В апреле 2020 года, когда пандемия начала охватывать мир, правительства по всему миру объявили о программах стимулирования на сумму в несколько триллионов долларов, как будто восемь или девять планов Маршалла были введены в действие почти одновременно для удовлетворения основных потребностей беднейших слоев населения. людей, по возможности сохраняйте рабочие места и помогайте предприятиям выжить. Центральные банки решили снизить ставки и обязались предоставить всю необходимую ликвидность, в то время как правительства начали расширять социальные пособия, осуществлять прямые денежные переводы, покрывать заработную плату, приостанавливать выплаты по кредитам и ипотеке, среди прочего. Только правительства обладали властью, возможностями и досягаемостью для принятия таких решений, без которых преобладали бы экономическая катастрофа и полный социальный кризис.

Заглядывая в будущее, правительства, скорее всего, но с разной степенью интенсивности, решат, что в интересах общества переписать некоторые правила игры и постоянно повышать свою роль. Как это произошло в 1930-х годах в США, когда проблема массовой безработицы и экономической незащищенности постепенно решалась все большей ролью правительства, сегодня аналогичный курс действий, вероятно, будет характерен для обозримого будущего. В других подразделах мы рассмотрим форму, которую это примет (как в следующем, посвященном новому общественному договору), но давайте кратко определим некоторые из наиболее важных моментов.

Страхование здоровья и безработицы необходимо будет создать с нуля или усилить там, где оно уже существует.

Также необходимо будет укрепить сети социальной защиты - в англосаксонских обществах, которые являются наиболее «рыночно ориентированными»; Для смягчения последствий шока необходимо будет принять расширенные пособия по безработице, отпуск по болезни и многие другие социальные меры, которые впоследствии станут нормой. Во многих странах возобновление участия профсоюзов будет способствовать этому процессу. Акционерная стоимость станет второстепенным соображением, выдвинув на первый план примат капитализма заинтересованных сторон. Финансирование мира, которое набрало обороты в последние годы, вероятно, обратится вспять. Правительства, особенно в странах, наиболее пострадавших от этого - США и Великобритании, - будут вынуждены пересмотреть многие особенности этой одержимости финансами. Они могли принять решение о широком спектре мер, от признания обратного выкупа акций незаконным, препятствовать банкам стимулировать потребительский долг. Общественный контроль над частными компаниями усилится, особенно (но не только) в отношении всех предприятий, которые извлекали выгоду из государственных денег. Некоторые страны будут национализированы, в то время как другие предпочтут получить доли в капитале или предоставить займы. В целом, будет больше правил, охватывающих множество различных вопросов, таких как безопасность работников или внутренние источники для определенных товаров. Компании также будут нести ответственность за социальные и экологические проблемы, в решении которых они должны будут участвовать. В качестве

дополнения правительства будут настоятельно поощрять государственно-частное партнерство, чтобы частные компании принимали более активное участие в смягчении глобальных рисков. Независимо от деталей, роль государства будет возрастать, и при этом существенно повлияет на способ ведения бизнеса. В той или иной степени руководители предприятий во всех отраслях и во всех странах должны будут адаптироваться к усилению государственного вмешательства. Будут активно продолжаться исследования и разработки в области глобальных общественных благ, таких как решения для здоровья и изменения климата. Налогообложение будет увеличиваться, особенно для наиболее привилегированных слоев населения, поскольку правительствам необходимо будет укрепить свои возможности устойчивости и пожелать вкладывать в них более значительные средства. Как утверждает Джозеф Стиглиц: потому что правительствам необходимо будет усилить свои способности к сопротивлению и они захотят вкладывать в них более значительные средства. Как утверждает Джозеф Стиглиц: потому что правительствам необходимо будет усилить свои способности к сопротивлению и они захотят вкладывать в них более значительные средства. Как утверждает Джозеф Стиглиц:

Первым приоритетом является предоставление большего финансирования для государственного сектора, особенно для тех его частей, которые предназначены для защиты от множества рисков, с которыми сталкивается сложное общество, и для финансирования достижений в области науки и более качественного образования, от которых зависит наше будущее процветание. Это области, в которых можно быстро создать продуктивные рабочие места - исследователей, учителей и тех, кто помогает управлять учреждениями, которые их поддерживают. Даже когда мы выходим из этого кризиса, мы должны осознавать, что за углом наверняка поджидает другой кризис. Мы не можем предсказать, как будет выглядеть следующий - кроме того, что он будет отличаться от предыдущего.[69]

Нигде это вторжение правительств, форма которого может быть как благоприятной, так и неблагоприятной, в зависимости от страны и культуры, в которой оно происходит, не проявится с большей энергией, чем новое определение общественного договора.

1.3.4. Социальный договор

Пандемия почти неизбежно побудит многие общества по всему миру пересмотреть и пересмотреть условия своего общественного договора. Мы уже упоминали тот факт, что COVID-19 действовал как усилитель ранее существовавших условий, выдвигая на первый план давние проблемы, возникшие в результате глубоких структурных слабостей, которые никогда не решались должным образом. Этот диссонанс и возникающий вопрос о статус-кво находит выражение в громком призыве пересмотреть социальные договоры, которыми мы все более или менее связаны.

В широком смысле «социальный договор» относится к (часто подразумеваемой) совокупности договоренностей и ожиданий, которые регулируют отношения между людьми и учреждениями. Проще говоря, это «клей», скрепляющий общества; без него социальная ткань рушится. На протяжении десятилетий он медленно и почти незаметно развивался в направлении, которое заставляло людей брать на себя большую ответственность за свою индивидуальную жизнь и экономические результаты, приводя значительную часть населения (наиболее очевидно в группах с низким доходом) к заключению, что общественный договор в лучшем случае разрушалась, а в некоторых случаях полностью разрушалась. Кажущаяся иллюзия низкой инфляции или ее отсутствия является практическим и наглядным примером того, как эта эрозия проявляется в реальной жизни. Во всем мире уровень инфляции снизился для многих товаров и услуг, за исключением трех вещей, которые имеют наибольшее значение для подавляющего большинства из нас: жилья, здравоохранения и образования. По всем трем ценам резко выросли цены, поглощая все большую часть располагаемых доходов, а в некоторых странах даже вынуждая семьи залезать в долги для получения медицинской помощи. Точно так же в период до пандемии возможности трудоустройства расширились во многих странах, но рост уровня занятости часто совпадал со стагнацией доходов и поляризацией работы. Эта ситуация в конечном итоге подорвала экономическое и социальное благополучие подавляющего большинства людей, чей доход больше не был достаточным для обеспечения скромно приличного образа жизни (в том числе среди среднего класса в богатых странах). Сегодня, фундаментальные причины, лежащие в основе утраты веры в наши социальные контракты, объединяются вокруг проблем неравенства, неэффективности большинства политик перераспределения, чувства исключения и маргинализации, а также общего чувства несправедливости. Вот почему многие граждане начали осуждать нарушение общественного договора, все более и более решительно выражая общую утрату доверия к институтам и лидерам.^[70] В некоторых странах это широко распространенное недовольство приняло форму мирных или насильственных демонстраций; в других случаях это привело к победам на выборах популистских и экстремистских партий. Какую бы форму он ни принял, почти во всех

случаях реакция истеблишмента оставалась незавершенной - плохо подготовленной к восстанию, без идей и политических рычагов для решения проблемы. Хотя они и сложны, политические решения существуют и в основном состоят в адаптации государства всеобщего благосостояния к сегодняшнему миру путем расширения прав и возможностей людей и реагирования на требования более справедливого общественного договора. За последние несколько лет несколько международных организаций и аналитических центров приспособились к этой новой реальности и выдвинули предложения о том, как этого добиться.^[71] Пандемия станет поворотным моментом, ускорив этот переход. Это кристаллизовало проблему и сделало невозможным возврат к статус-кво, существовавшему до пандемии.

Какую форму может принять новый общественный договор? Нет готовых готовых моделей, потому что каждое возможное решение зависит от истории и культуры страны, в которой оно применяется. Неизбежно и понятно, что «хороший» общественный договор для Китая будет отличаться от такового для США, которые, в свою очередь, не будут напоминать договор Швеции или Нигерии. Однако все они могут иметь некоторые общие черты и принципы, абсолютная необходимость которых становится все более очевидной из-за социальных и экономических последствий пандемического кризиса. Особенно выделяются два:

1. Более широкое, если не всеобщее, предоставление социальной помощи, социального страхования, здравоохранения и базовых качественных услуг

2. Движение к усиленной защите работников и тех, кто в настоящее время наиболее уязвим (например, тех, кто занят и подпитывает экономику, когда штатные сотрудники заменяются независимыми подрядчиками и фрилансерами).

Часто говорят, что реакция нации на бедствие многое говорит о ее сильных сторонах и недостатках, и в первую очередь о «качестве» и надежности ее общественного договора. По мере того, как мы постепенно удаляемся от самых острых моментов кризиса и начинаем тщательное изучение того, что пошло правильно, а что нет, нам следует ожидать серьезного самоанализа, который в конечном итоге приведет к переопределению условий нашего социального общения. договор. В странах, которые воспринимались как ответные меры на пандемию ниже среднего, многие граждане начнут задавать такие важные вопросы, как: Почему в разгар пандемии в моей стране часто не хватало масок? респираторы и вентиляторы? Почему не было должным образом подготовлено? Связано ли это с одержимостью краткосрочностью? Почему мы так богаты с точки зрения ВВП и так неэффективны в оказании качественной медицинской помощи всем, кто в ней нуждается? Как может случиться так, что человек, проработавший более 10 лет, чтобы стать врачом, и чьи «результаты» на конец года измеряются жизнями, получает мизерную компенсацию по сравнению с компенсацией трейдера или хедж-фонда управляющий делами?

Кризис COVID-19 обнажил неадекватное состояние большинства национальных систем здравоохранения, как с точки зрения стоимости жизни пациентов, так и медсестер и врачей. В богатых странах, где медицинские службы, финансируемые за счет налогов, долгое время страдали от нехватки ресурсов (Национальная служба здравоохранения Великобритании является самым крайним примером) из-за политической озабоченности по поводу повышения налогов призывы к увеличению расходов (и, следовательно, к повышению налогов) будут становиться все громче, с растущим осознанием того, что «эффективное управление» не может компенсировать недостаточные инвестиции.

COVID-19 также выявил огромные пробелы в большинстве систем социального обеспечения. На первый взгляд, наиболее инклюзивным образом отреагировали нации с развитой системой социального обеспечения, в первую очередь скандинавские страны. Например, еще в марте 2020 года Норвегия гарантировала 80% среднего дохода самозанятых работников (на основе налоговых деклараций за предыдущие три года), а Дания гарантировала 75%. На другом конце спектра страны с наиболее ориентированной на рынок экономикой играли в догонялки и демонстрировали нерешительность в том, как защитить наиболее уязвимые сегменты рынка труда, особенно рабочих, независимых подрядчиков, дежурных и временных работников, чья занятость - это приносящая доход деятельность, выходящая за рамки традиционных отношений между работодателем и работником.

Важной темой, которая может иметь решающее значение для нового общественного договора, является больничный. Экономисты склонны соглашаться с тем, что отсутствие оплачиваемого отпуска по болезни затрудняет сдерживание распространения эпидемии по той простой причине, что, если сотрудникам отказывают в доступе к нему, они могут испытывать соблазн или вынуждены пойти на работу, пока они инфицированы и таким образом распространяют болезнь. Это особенно верно для работников с низкими доходами и работников сферы услуг (они часто идут рука об руку). Когда в 2009–2010 годах произошла пандемия свиного гриппа (H1N1), по оценкам Американской ассоциации общественного здравоохранения, около 7 миллионов человек были инфицированы и еще 1500 умерли, потому что заразные сотрудники не могли позволить себе не ходить на работу. Среди стран с богатой экономикой только в США существует система, которая оставляет на усмотрение работодателей право решать, предоставлять ли оплачиваемый отпуск по болезни. В 2019 году почти четверть всех рабочих в США (около 40 миллионов, в основном

сконцентрированных на низкооплачиваемых должностях) не воспользовались этим. В марте 2020 года, когда пандемия начала свирепствовать в США, президент Трамп подписал новый закон, который временно требовал от работодателей предоставления двухнедельного отпуска по болезни плюс семейный отпуск с частичной оплатой, но только для работников с проблемами ухода за детьми. Еще неизвестно, как это отразится на новом определении общественного договора в США. Напротив, почти все европейские страны требуют, чтобы работодатели предоставляли оплачиваемый отпуск по болезни на различные периоды, в течение которых работники также защищены от увольнения. Новые законы, принятые в начале пандемии, также означали, что государство будет компенсировать часть или всю заработную плату людей, содержащихся дома, в том числе тех, кто работает в гиг-экономике, и фрилансеров. В Японии все работники имеют право на оплачиваемый отпуск продолжительностью до 20 дней в год, в то время как в Китае они имеют право на получение пособия по болезни в размере от 60% до 100% дневной заработной платы в течение любого периода болезни с продолжительностью отпуска по болезни, договорно согласованные или определенные между работниками и работодателями. По мере продвижения вперед, другой аспект, который имеет решающее значение для социальных договоров в западных демократиях, относится к свободам и свободе. В настоящее время растет беспокойство по поводу того, что борьба с этой и будущими пандемиями приведет к созданию обществ постоянного наблюдения. Этот вопрос более подробно рассматривается в главе, посвященной технологической перезагрузке, но достаточно сказать, что чрезвычайное положение может быть оправдано только в том случае, если угроза носит общественный, универсальный и экзистенциальный характер. Вдобавок политические теоретики часто подчеркивают, что чрезвычайные полномочия требуют разрешения народа и должны быть ограничены по времени и пропорциям. Можно согласиться с первой частью утверждения (общественная, универсальная и экзистенциальная угроза), но как насчет второй? Ожидайте, что это станет важным компонентом будущих дискуссий о том, как должен выглядеть наш общественный договор.

Коллективный пересмотр условий наших социальных контрактов - это эпохальная задача, которая связывает существенные вызовы настоящего момента с надеждами на будущее. Как напомнил нам Генри Киссинджер: «Историческая задача для лидеров - справиться с кризисом, строя будущее. Неудача может поджечь мир».[72] Размышляя о контурах, по которым, по нашему мнению, может следовать будущий общественный договор, мы на свой страх и риск игнорируем мнение молодого поколения, которому будет предложено смириться с этим. Их приверженность имеет решающее значение, и поэтому, чтобы лучше понять, чего они хотят, мы должны не забывать слушать. Это тем более важно из-за того, что молодое поколение, вероятно, будет более радикальным, чем старшее, в изменении нашего общественного договора. Пандемия перевернула их жизнь, и целое поколение во всем мире будет определяться экономической и часто социальной незащищенностью, и миллионы людей будут вынуждены трудоустроиться в разгар глубокой рецессии. Они будут носить эти шрамы вечно. Кроме того, начало дефицита - у многих студентов есть долги по образованию - может иметь долгосрочные последствия. Миллениалы (по крайней мере, в западном мире) уже находятся в худшем положении, чем их родители, с точки зрения доходов, активов и богатства. У них меньше шансов иметь дом или иметь детей, чем у их родителей. В настоящее время, другое поколение (поколение Z) входит в систему, которую оно рассматривает как неэффективную и которая будет сталкиваться с давними проблемами, выявленными и усугубляемыми пандемией. Как сказал один студент колледжа, цитируемый в The New York Times: «Молодые люди глубоко хотят радикальных перемен, потому что мы видим впереди сломанный путь».[73]

Как отреагирует это поколение? Предлагаая радикальные решения (а часто и радикальные действия) в попытке предотвратить следующую катастрофу - будь то изменение климата или социальное неравенство. Скорее всего, он потребует радикальной альтернативы нынешнему курсу, потому что его участники разочарованы и преследуются навязчивой верой в то, что нынешняя система сломана и не подлежит ремонту.

Активность молодежи растет во всем мире,^[74] революционизируется социальными сетями, которые увеличивают мобилизацию до такой степени, что раньше было невозможно.^[75] Он принимает множество различных форм, от неинституционализированного политического участия до демонстраций и протестов, и затрагивает столь разные вопросы, как изменение климата, экономические реформы, гендерное равенство и права ЛГБТК. Молодое поколение твердо стоит в авангарде социальных изменений. Нет никаких сомнений в том, что это станет катализатором перемен и источником критического импульса для Великой перезагрузки.

1.4. Геополитическая перезагрузка

Связь между геополитикой и пандемиями протекает в обоих направлениях. С одной стороны,

хаотический конец многосторонности, вакуум глобального управления и рост различных форм национализма.^[76] затруднить борьбу со вспышкой. Коронавирус распространяется по всему миру и никого не щадит, в то время как геополитические разломы, разделяющие общества, побуждают многих лидеров сосредоточиться на национальных ответных мерах - ситуация, которая ограничивает коллективную эффективность и снижает способность искоренить пандемию. С другой стороны, пандемия явно усугубляет и ускоряет геополитические тенденции, которые были очевидны еще до начала кризиса. Какими они были и каково нынешнее положение геополитических дел?

Покойный экономист Жан-Пьер Леманн (преподававший в IMD в Лозанне) с большой проницательностью резюмировал сегодняшнюю ситуацию, сказав: «Нового глобального порядка нет, только хаотичный переход к неопределенности». Совсем недавно Кевин Радд, президент Института политики общества в Азии и бывший премьер-министр Австралии, выразил аналогичные настроения, особенно обеспокоенный «надвигающейся анархией после COVID-19»: «Различные формы безудержного национализма занимают место порядка и сотрудничества. Таким образом, хаотический характер национальных и глобальных ответных мер на пандемию является предупреждением о том, что может произойти в еще более широком масштабе».^[77] Это были годы, когда множество причин пересекались друг с другом, но определяющим элементом геополитической нестабильности является постепенное изменение баланса с Запада на Восток - переход, который создает стрессы и который, в процессе, также вызывает глобальный беспорядок. Это заключено в так называемой ловушке Фукидида - структурном напряжении, которое неизбежно возникает, когда восходящая держава, такая как Китай, соперничает с правящей державой, такой как США. Эта конфронтация будет источником глобальной неразберихи, беспорядка и неопределенности на долгие годы. Независимо от того, «нравятся» кому-то США или нет, их постепенное отстранение (эквивалент «геополитической конусности», как выразился историк Найл Фергюсон) от международной сцены неизбежно приведет к увеличению международной нестабильности. Все больше и больше стран, которые, как правило, полагались на глобальные общественные блага, предоставляемые американским «гегемоном» (для безопасности морских путей, борьбы с международным терроризмом и т. Д.), Теперь будут вынуждены сами заботиться о своих задних дворах. 21-й век, скорее всего, будет эпохой без абсолютного гегемона, в течение которого ни одна власть не получит абсолютного господства - в результате власть и влияние будут перераспределяться хаотично, а в некоторых случаях неохотно.

В этом беспорядочном новом мире, определяемом сдвигом в сторону многополярности и интенсивной конкуренции за влияние, конфликты или напряженность больше не будут определяться идеологией (за частичным и ограниченным исключением радикального ислама), а будут стимулироваться национализмом и конкуренцией за ресурсы. Если ни одна держава не сможет навести порядок, наш мир будет страдать от «дефицита глобального порядка». Если отдельные страны и международные организации не смогут найти решения для лучшего сотрудничества на глобальном уровне, мы рискуем вступить в «эпоху энтропии», в которой сокращение, фрагментация, гнев и ограниченность будут все больше определять наш глобальный ландшафт, делая его менее понятным и более беспорядочным. Кризис пандемии одновременно обнажил и усугубил это печальное положение дел. Масштабы и последствия вызванного им шока таковы, что сейчас нельзя исключать ни одного экстремального сценария. Распад некоторых несостоятельных государств или нефтегазовых государств, возможное распадение ЕС, распад между Китаем и США, ведущий к войне: все эти и многие другие теперь стали правдоподобными (хотя, надеюсь, маловероятными) сценариями.

На следующих страницах мы рассмотрим четыре основных вопроса, которые станут более распространенными в постпандемическую эпоху и которые будут сливаться друг с другом: эрозия глобализации, отсутствие глобального управления, растущее соперничество между США и Китаем и судьба хрупких и несостоятельных государств.

1.4.1. Глобализация и национализм

Глобализация - универсальное слово - это широкое и расплывчатое понятие, которое относится к глобальному обмену между странами товарами, услугами, людьми, капиталом, а теперь и данными. Оно может вывести сотни миллионов людей из нищеты, но уже довольно много лет она ставится под сомнение и даже начинает отступать. Как подчеркивалось ранее, сегодняшний мир более взаимосвязан, чем когда-либо, но за более чем десятилетие экономический и политический импульс, который послужил аргументом в пользу и поддержал рост глобализации, пошел на убыль. Глобальные торговые переговоры, которые начались в начале 2000-х годов, не привели к достижению договоренности, в то время как в тот же период политическая и общественная реакция против глобализации неуклонно усиливалась. Поскольку социальные издержки, вызванные асимметричными эффектами глобализации, выросли (особенно с точки зрения безработицы на производстве в странах с высоким уровнем доходов),

Мировая экономика настолько сложна, что положить конец глобализации невозможно. Однако его можно замедлить и даже вернуть назад. Мы ожидаем, что пандемия сделает именно это. Он уже с удвоенной силой восстановил границы, усилив крайние тенденции, которые уже проявлялись в полной мере до того, как он разразился в полную силу в марте 2020 года (когда это стало поистине глобальной пандемией, не щадящей ни одну страну), таких как ужесточение пограничного контроля (в основном из-за опасений по поводу иммиграции) и усиления протекционизма (в основном из-за опасений по поводу глобализации). Ужесточение пограничного контроля с целью управления развитием пандемии имеет очевидный смысл, но риск того, что возрождение национального государства постепенно приведет к гораздо большему национализму, реален. реальность, которую уловила концепция «трилеммы глобализации», предложенная Дани Родрик. В начале 2010-х годов, когда глобализация становилась чувствительной политической и социальной проблемой, экономист из Гарварда объяснил, почему рост национализма станет неизбежной жертвой. Трилемма предполагает, что три понятия экономической глобализации, политической демократии и национального государства несовместимы друг с другом, исходя из логики, что только двое могут эффективно сосуществовать в любой момент времени. [78] Демократия и национальный суверенитет совместимы только при сдерживании глобализации. Напротив, если процветают и национальное государство, и глобализация, тогда демократия становится несостоятельной. И затем, если и демократия, и глобализация будут расширяться, национальному государству не будет места. Следовательно, из трех всегда можно выбрать только два - в этом суть трилеммы. Европейский Союз часто использовался в качестве примера, чтобы проиллюстрировать актуальность концептуальной основы, предлагаемой трилеммой. Сочетание экономической интеграции (прокси для глобализации) с демократией подразумевает, что важные решения должны приниматься на наднациональном уровне, что каким-то образом ослабляет суверенитет национального государства. В нынешних условиях структура «политической трилеммы» предполагает, что глобализацию необходимо сдерживать, если мы не хотим отказаться от некоторого национального суверенитета или некоторой демократии. Таким образом, рост национализма делает неизбежным отступление глобализации в большинстве стран мира - импульс, особенно заметный на Западе. Голосование за Брексит и избрание президента Трампа на протекционистской платформе - два важных показателя негативной реакции Запада на глобализацию. Последующие исследования не только подтверждают трилемму Родрика, но также показывают, что неприятие избирателями глобализации является рациональной реакцией в условиях сильной экономики и высокого уровня неравенства. Рост национализма делает неизбежным отступление глобализации в большинстве стран мира - импульс, особенно заметный на Западе. Голосование за Брексит и избрание президента Трампа на протекционистской платформе - два важных показателя негативной реакции Запада на глобализацию. Последующие исследования не только подтверждают трилемму Родрика, но также показывают, что неприятие избирателями глобализации является рациональной реакцией в условиях сильной экономики и высокого уровня неравенства. Рост национализма делает неизбежным отступление глобализации в большинстве стран мира - импульс, особенно заметный на Западе. Голосование за Брексит и избрание президента Трампа на протекционистской платформе - два важных показателя негативной реакции Запада на глобализацию. Последующие исследования не только подтверждают трилемму Родрика, но также показывают, что неприятие избирателями глобализации является рациональной реакцией в условиях сильной экономики и высокого уровня неравенства. [79]

Наиболее заметная форма прогрессивной деглобализации будет происходить в самом сердце его «ядерного реактора»: глобальной цепочке поставок, которая стала символом глобализации. Как и почему это будет происходить? Укорочению или перемещению цепочек поставок будут способствовать: 1) предприятия, которые видят в этом меру по снижению риска нарушения цепочки поставок (компромисс между устойчивостью и эффективностью); и 2) политическое давление как справа, так и слева. С 2008 года стремление к большей локализации прочно стояло в политической повестке дня многих стран (особенно на Западе), но теперь оно будет ускоряться в постпандемическую эпоху. Справа: отпор глобализации осуществляется протекционистами и ястребами по национальной безопасности, которые уже собирали силы еще до начала пандемии. Теперь они создадут союзы, а иногда и слияние с другими политическими силами, которые увидят выгоду в принятии антиглобалистской повестки дня. Слева, активисты и зеленые партии, которые уже стигматизировали авиаперелеты и просили отказаться от глобализации, будут воодушевлены положительным влиянием пандемии на нашу окружающую среду (гораздо меньше выбросов углерода, гораздо меньше загрязнения воздуха и воды). Даже без давления со стороны крайне правых и зеленых активистов многие правительства поймут, что некоторые ситуации торговой зависимости больше не являются политически приемлемыми. Как, например, администрация США может признать, что 97% антибиотиков, поставляемых в страну, поступает из Китая? [80]

Этот процесс обращения вспять глобализации не произойдет в одночасье; сокращение цепочек поставок будет очень сложным и очень дорогостоящим. Например, полное и всеобъемлющее отделение от Китая

потребуется от компаний, совершающих такой переход, вложений сотен миллиардов долларов во вновь расположенные фабрики, а от правительства - эквивалентных сумм для финансирования новой инфраструктуры, такой как аэропорты, транспортные связи и жилье, для обслуживания перемещенных цепочек поставок. Несмотря на то, что политическое стремление к разъединению может в некоторых случаях быть сильнее, чем фактическая способность сделать это, направление тенденции, тем не менее, очевидно. Японское правительство сделало это очевидным, когда выделило 243 миллиарда из 108 триллионов японских иен, чтобы помочь японским компаниям вывести свои операции за пределы Китая.

Наиболее вероятный исход континуума глобализации - без глобализации - лежит в промежуточном решении: регионализации. Успех Европейского Союза как зоны свободной торговли или нового всестороннего регионального экономического партнерства в Азии (предлагаемое соглашение о свободной торговле между 10 странами, составляющими АСЕАН) - важные иллюстративные примеры того, как регионализация вполне может стать новой разбавленной версией. глобализации. Даже три государства, составляющие Северную Америку, теперь больше торгуют друг с другом, чем с Китаем или Европой. Как отмечает Параг Кханна: «Регионализм явно обогнал глобализм до того, как пандемия обнажила уязвимости нашей междугородной взаимозависимости».^[81] В течение многих лет, за частичным исключением прямой торговли между США и Китаем, глобализация (измеряемая обменом товарами) уже становилась скорее внутрорегиональной, чем межрегиональной. В начале 1990-х годов на долю Северной Америки приходилось 35% экспорта Восточной Азии, а сегодня эта доля снизилась до 20%, главным образом потому, что доля Восточной Азии в экспорте самой себе растет с каждым годом - естественная ситуация, когда азиатские страны продвигаются вверх по цепочке создания стоимости, потребляя больше того, что они производят. В 2019 году, когда США и Китай развязали торговую войну, торговля США с Канадой и Мексикой выросла, а с Китаем упала. В то же время товарооборот Китая с АСЕАН впервые превысил 300 миллиардов долларов. Короче говоря, деглобализация в форме большей регионализации уже происходила.

COVID-19 только ускорит это глобальное расхождение, поскольку Северная Америка, Европа и Азия все больше внимания уделяют региональной самодостаточности, а не отдаленным и запутанным глобальным цепочкам поставок, которые раньше олицетворяли суть глобализации. Какую форму это может принять? Это может напоминать последовательность событий, положивших конец более раннему периоду глобализации, но с региональным уклоном. Антиглобализация была сильной в период до 1914 года и вплоть до 1918 года, а затем - в меньшей степени в течение 1920-х годов, но она возобновилась в 1930-х годах в результате Великой депрессии, вызвав рост тарифных и нетарифных барьеров, разрушивших многие предприятия. и причинил большую боль крупнейшим экономикам того времени. То же может случиться снова, с сильным побуждением к переориентации, которое выходит за рамки здравоохранения и сельского хозяйства и включает в себя большие категории нестратегических продуктов. И крайне правые, и крайне левые воспользуются кризисом для продвижения протекционистской программы с более высокими барьерами для свободного движения капитальных товаров и людей. Несколько опросов, проведенных в первые несколько месяцев 2020 года, показали, что международные компании опасаются возвращения и усиления протекционизма в США не только в отношении торговли, но и в отношении трансграничных слияний и поглощений и государственных закупок.^[82] То, что происходит в США, неизбежно отразится где-нибудь еще, поскольку другие страны с развитой экономикой будут вводить новые барьеры для торговли и инвестиций, игнорируя призывы экспертов и международных организаций воздержаться от протекционизма.

Этот мрачный сценарий не является неизбежным, но в следующие несколько лет мы должны ожидать, что напряженность между силами национализма и открытости будет проявляться по трем важнейшим измерениям: 1) глобальные институты; 2) торговля; и 3) потоки капитала. В последнее время глобальные институты и международные организации были либо ослаблены, как Всемирная торговая организация или ВОЗ, либо не справились с этой задачей, причем последняя была больше из-за «недостаточного финансирования и чрезмерного управления»^[83] чем из-за врожденной неадекватности.

Мировая торговля, как мы видели в предыдущей главе, почти наверняка сократится, поскольку компании сокращают свою цепочку поставок и гарантируют, что они больше не будут полагаться на одну страну или бизнес за рубежом в отношении критических деталей и компонентов. В случае особо чувствительных отраслей (таких как фармацевтика или медицинские материалы) и секторов, которые считаются представляющими интерес для национальной безопасности (например, телекоммуникации или производство энергии), может даже происходить продолжающийся процесс деинтеграции. Это уже становится требованием в США, и было бы удивительно, если бы такое отношение не распространилось на другие страны и другие сектора. Геополитика также причиняет определенную экономическую боль из-за так называемого размещения оружия в торговле,

Что касается международных потоков капитала, то уже очевидно, что национальные власти и общественное неповиновение будут сдерживать их. Как уже показали многие страны и регионы, такие

разные, как Австралия, Индия или ЕС, протекционистские соображения станут все более актуальными в постпандемическую эпоху. Меры будут варьироваться от покупки национальными правительствами пакетов акций «стратегических» компаний для предотвращения зарубежных поглощений или введения различных ограничений на такие поглощения до прямых иностранных инвестиций (ПИИ), подлежащих утверждению правительством. Показательно, что в апреле 2020 года администрация США решила запретить государственному пенсионному фонду инвестировать в Китай.

В ближайшие годы неизбежна некоторая деглобализация, вызванная ростом национализма и большей международной фрагментацией. Нет смысла пытаться восстановить статус-кво ex ante («гиперглобализация» потеряла весь свой политический и социальный капитал, и защищать его больше политически нецелесообразно), но важно ограничить обратную сторону возможного свободного падения, которое приведет к серьезному экономическому ущербу и социальным страданиям. Поспешный отход от глобализации повлечет за собой торговые и валютные войны, нанесет ущерб экономике каждой страны, спровоцирует социальный хаос и спровоцирует этно- или клановый национализм. Установление гораздо более открытой и справедливой формы глобализации, которая сделает ее устойчивой как в социальном, так и в экологическом плане, является единственным жизнеспособным способом справиться с отступлением. Это требует политических решений, рассмотренных в заключительной главе, и некой формы эффективного глобального управления. Прогресс действительно возможен в тех глобальных областях, которые традиционно извлекали выгоду из международного сотрудничества, таких как природоохранные соглашения, общественное здравоохранение и налоговые убежища.

Это произойдет только за счет улучшения глобального управления - наиболее «естественного и эффективного фактора, смягчающего протекционистские тенденции. Однако мы пока не знаем, как его структура будет развиваться в обозримом будущем. На данный момент есть зловещие признаки того, что он идет не в правильном направлении. Нет времени терять зря. Если мы не улучшим функционирование и легитимность наших глобальных институтов, мир скоро станет неуправляемым и очень опасным. Без глобальных стратегических рамок управления не может быть прочного восстановления.

1.4.2. Глобальное управление

Глобальное управление обычно определяется как процесс сотрудничества между транснациональными участниками, направленный на решение глобальных проблем (тех, которые затрагивают более одного государства или региона). Он охватывает совокупность институтов, политики, норм, процедур и инициатив, с помощью которых национальные государства пытаются повысить предсказуемость и стабильность своих ответов на транснациональные вызовы. Это определение проясняет, что любые глобальные усилия по любой глобальной проблеме или проблеме неизбежно будут беззубыми без сотрудничества со стороны национальных правительств и их способности действовать и принимать законы для поддержки своих целей. Национальные государства делают возможным глобальное управление (одно ведет за другим), поэтому ООН заявляет, что «эффективное глобальное управление может быть достигнуто только при эффективном международном сотрудничестве».^[84] Два понятия глобального управления и международного сотрудничества настолько переплетены, что глобальное управление практически невозможно процветать в разделенном мире, который сокращается и фрагментируется. Чем больше национализма и изоляционизма пронизывает глобальное государство, тем больше вероятность того, что глобальное управление потеряет свою актуальность и станет неэффективным. К сожалению, сейчас мы находимся на этом критическом этапе. Откровенно говоря, мы живем в мире, в котором на самом деле никто не отвечает.

COVID-19 напомнил нам, что самые большие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, носят глобальный характер. Будь то пандемии, изменение климата, терроризм или международная торговля - все это глобальные проблемы, которые мы можем решить только и чьи риски можно уменьшить только коллективно. Но мир стал, по словам Яна Бреммера, миром G0 или, что еще хуже, миром G-минус-2 (США и Китай), по словам индийского экономиста Арвинда Субраманиана.^[85] (чтобы объяснить отсутствие лидерства двух гигантов из-за противодействия G7, группе семи самых богатых стран - или G20 - G7 плюс 13 других значимых стран и организаций, которые должны лидировать). Все чаще и чаще большие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, оказываются вне контроля даже самых могущественных национальных государств; риски и проблемы, с которыми предстоит столкнуться, становятся все более глобализированными, взаимозависимыми и взаимосвязанными, в то время как возможности глобального управления для этого терпят крах из-за возрождения национализма. Такой разрыв означает не только то, что наиболее важные глобальные проблемы решаются крайне фрагментированным, а значит, неадекватным образом, но также и то, что они фактически усугубляются неспособностью решить их

должным образом. И так, дальше, оставаясь постоянными (с точки зрения риска, который они представляют), они раздуваются и в конечном итоге увеличивают хрупкость системы. Это показано на рисунке 1; существуют сильные взаимосвязи между неудачей глобального управления, неудачей в действиях по борьбе с изменением климата, провалом национального правительства (что имеет самоусиливающийся эффект), социальной нестабильностью и, конечно, способностью успешно бороться с пандемиями. Короче говоря, глобальное управление находится в центре всех этих других проблем. Поэтому вызывает опасение то, что без надлежащего глобального управления мы будем парализованы в наших попытках решать глобальные проблемы и реагировать на них, особенно когда существует такой сильный диссонанс между краткосрочными внутренними императивами и долгосрочными глобальными проблемами. Это серьезное беспокойство, учитывая, что сегодня нет «комитета по спасению мира» (это выражение использовалось более 20 лет назад, в разгар азиатского финансового кризиса). Продолжая этот аргумент, можно даже утверждать, что «общий институциональный упадок», который Фукуяма описывает в своей книге «Политический порядок и политический упадок» [86] обостряет проблему мира, лишённого глобального управления. Это приводит в движение порочный круг, в котором национальные государства плохо справляются с серьезными проблемами, с которыми они сталкиваются, что затем усиливает недоверие общества к государству, что, в свою очередь, приводит к тому, что государство испытывает нехватку власти и ресурсов, а затем даже приводит к более низкой производительности и неспособности или нежеланию решать вопросы глобального управления.

COVID-19 рассказывает именно такую историю неудачного глобального управления. С самого начала вакуум в глобальном управлении, усугубленный натянутыми отношениями между США и Китаем, подрывал международные усилия по реагированию на пандемию. В начале кризиса международное сотрудничество отсутствовало или было ограниченным, и даже в период, когда оно было наиболее необходимо (в разгар кризиса: во втором квартале 2020 года), оно оставалось заметным своим отсутствием. Вместо запуска комплекса мер, скоординированных на глобальном уровне, COVID-19 привел к противоположному: поток закрытий границ, ограничения на международные поездки и торговлю, введенные почти без какой-либо координации, частые перебои в распределении медицинских товаров и последовавшая за этим конкуренция за ресурсы, особенно это заметно в различных попытках нескольких национальных государств получить остро необходимое медицинское оборудование любыми возможными способами. Даже в ЕС страны изначально предпочли действовать в одиночку, но впоследствии этот курс действий изменился с практической помощью между странами-членами, внесением поправок в бюджет ЕС в поддержку систем здравоохранения и объединением исследовательских фондов для разработки методов лечения и вакцин. (И теперь были приняты амбициозные меры, которые казались невообразимыми в предпандемическую эпоху, способные подтолкнуть ЕС к дальнейшей интеграции, в частности, фонд восстановления в размере 750 миллиардов евро, предложенный Европейской комиссией.) В функционирующей глобальной системе. В рамках системы управления нации должны были объединиться, чтобы вести глобальную скоординированную «войну» против пандемии. Вместо этого возобладали ответ «моя страна прежде всего» и серьезно подорвали попытки сдержать распространение первой волны пандемии. Это также наложило ограничения на доступность средств защиты и лечения, что, в свою очередь, подорвало устойчивость национальных систем здравоохранения. Более того, этот фрагментарный подход ставил под угрозу попытки координировать политику выхода, направленную на «перезапуск» глобального экономического двигателя. В случае пандемии, в отличие от других недавних глобальных кризисов, таких как 11 сентября или финансовый кризис 2008 года, глобальная система управления потерпела неудачу, оказавшись либо несуществующей, либо нефункциональной. США прекратили финансирование ВОЗ, но, независимо от основного обоснования этого решения, факт остается фактом: это единственная организация, способная координировать глобальные ответные меры на пандемию. Это означает, что хотя и далекая от идеала ВОЗ, безусловно, предпочтительнее несуществующей, - аргумент, который Билл Гейтс убедительно и лаконично привел в своем твите: «Их работа замедляет распространение COVID-19, и если эта работа будет остановлена, другая организация может их заменить. Сейчас мир нуждается в @WHO больше, чем когда-либо».

В этом провале не виновата ВОЗ. Агентство ООН - это всего лишь симптом, а не причина провала глобального управления. Почтительное отношение ВОЗ к странам-донорам отражает ее полную зависимость от согласия государств сотрудничать с ней. Организация ООН не имеет полномочий принуждать к обмену информацией или обеспечивать готовность к пандемии. Как и другие подобные агентства ООН, например, по правам человека или изменению климата, ВОЗ обременена ограниченными и истощающимися ресурсами: в 2018 году ее годовой бюджет составлял 4,2 миллиарда долларов, что является ничтожным по сравнению с любым бюджетом здравоохранения в мире. Кроме того, он находится в постоянной милости государств-членов и фактически не имеет в своем распоряжении инструментов для непосредственного мониторинга вспышек, координации планирования пандемии или обеспечения

эффективной готовности на страновом уровне, не говоря уже о выделении ресурсов наиболее нуждающимся странам. Эта дисфункциональность является симптомом сломанной системы глобального управления, и остается открытым вопрос о том, могут ли существующие конфигурации глобального управления, такие как ООН и ВОЗ, быть перепрофилированы для устранения сегодняшних глобальных рисков. На данный момент итог таков:

Мир станет очень опасным местом, если мы не исправим многосторонние институты. Глобальная координация станет еще более необходимой после эпидемиологического кризиса, поскольку невысказано, чтобы глобальная экономика могла «перезагрузиться» без устойчивого международного сотрудничества. Без него мы будем двигаться к «более бедному, более низкому и меньшему миру».[87]

1.4.3. Растущее соперничество между Китаем и США

В постпандемическую эпоху COVID-19 можно вспомнить как поворотный момент, открывший «новый тип холодной войны».[88] между Китаем и США (два слова «новый тип» имеют большое значение: в отличие от Советского Союза, Китай не стремится навязывать свою идеологию всему миру). До пандемии напряженность между двумя доминирующими державами уже нарастала во многих различных областях (торговля, права собственности, военные базы в Южно-Китайском море, в частности, технологии и инвестиции в стратегические отрасли), но после 40 лет стратегического взаимодействия, США и Китай теперь кажутся неспособными преодолеть разделяющие их идеологические и политические разногласия. Пандемия не только не объединила двух геополитических гигантов, но и сделала прямо противоположное, обострив их соперничество и усилив конкуренцию между ними.

Большинство аналитиков согласны с тем, что во время кризиса COVID-19 политический и идеологический раскол между двумя гигантами усилился. По словам Ван Цзи, известного китайского ученого и декана Школы международных исследований Пекинского университета, последствия пандемии довели китайско-американские отношения до худшего уровня с 1979 года, когда были установлены официальные связи. По его мнению, двусторонняя экономическая и технологическая развязка «уже необратима».[89] И это может доходить до того, что «глобальная система распадается на две части», - предупреждает Ван Хуэйяо, президент Центра Китая и глобализации в Пекине.[90] Свою озабоченность публично выражали даже общественные деятели. В статье, опубликованной в июне 2020 года, премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лунг предупредил об опасностях конфронтации между США и Китаем, которая, по его собственным словам: «поднимает серьезные вопросы о будущем Азии и форме формирующегося международного сообщества. заказ". Он добавил, что: «Страны Юго-Восточной Азии, включая Сингапур, особенно обеспокоены, поскольку они живут на пересечении интересов различных крупных держав и не должны попадать в ловушку посередине или вынуждены делать оскорбительный выбор».[91]

Разумеется, взгляды радикально разнятся в отношении того, какая страна «права» или собирается выйти «на первое место», извлекая выгоду из предполагаемых слабостей и уязвимостей другой. Но важно их контекстуализировать. Не существует «правильного» и «неправильного» взглядов, а есть разные и часто расходящиеся интерпретации, которые часто коррелируют с происхождением, культурой и личной историей тех, кто их исповедует. Продолжая метафору «квантового мира», упомянутую ранее, можно сделать вывод из квантовой физики, что объективной реальности не существует. Мы думаем, что наблюдение и измерение определяют «объективное» мнение, но микромир атомов и частиц (например, макромир геополитики) регулируется странными правилами квантовой механики, в которых два разных наблюдателя имеют право на собственное мнение (это называется «суперпозицией»: «частицы могут находиться в нескольких местах или состояниях одновременно»).[92] В мире международных отношений, если два разных наблюдателя имеют право на собственное мнение, это делает их субъективными, но не менее реальными и не менее достоверными. Если наблюдатель может понять «реальность» только через различные идиосинкразические линзы, это заставляет нас переосмыслить наше представление об объективности. Очевидно, что представление реальности зависит от позиции наблюдателя. В этом смысле «китайская» точка зрения и «американская» точка зрения могут сосуществовать вместе с множеством других взглядов в этом континууме - все они реальны! В значительной степени и по понятным причинам на взгляд китайцев на мир и его место в нем повлияли унижения, понесенные во время первой опиумной войны в 1840 году и последующего вторжения в 1900 году, когда Альянс восьми наций разграбил Пекин и другие города Китая. прежде чем потребовать компенсацию.[93] И наоборот, то, как США видят мир и свое место в нем, во многом основано на ценностях и принципах, которые формировали американскую общественную жизнь с момента основания страны.[94] Они определили как его выдающееся положение в мире, так и его уникальную привлекательность для многих иммигрантов на протяжении 250 лет. Точка зрения США также основана на непревзойденном господстве над остальным миром на протяжении последних нескольких

десятилетий, а также на неизбежных сомнениях и неуверенности, которые сопровождаются относительной утратой абсолютного превосходства. По понятным причинам и Китай, и США имеют богатую историю (Китай насчитывает 5000 лет), которой они гордятся, что заставляет их, как заметил Кишор Махбубани, переоценивать свои собственные сильные стороны и недооценивать сильные стороны друг друга.

Подтверждая вышеизложенное, все аналитики и прогнозисты, которые специализируются на Китае, США или обоих, имеют доступ к более или менее одним и тем же данным и информации (теперь глобальный товар), видят, слышат и читают более или менее одни и те же вещи, но иногда приходят к диаметрально противоположным выводам. Одни считают США главным победителем, другие утверждают, что Китай уже победил, а третья группа заявляет, что победителей не будет. Давайте по очереди кратко рассмотрим каждый из их аргументов.

Китай как победитель

Аргументы тех, кто утверждает, что кризис пандемии пошла на пользу Китаю, обнажая слабости США, состоит из трех частей.

Это сделало американскую мощь самой выдающейся военной державы мира неуместной перед лицом невидимого и микроскопического врага.

По словам американского ученого, придумавшего это выражение, это нанесло ущерб мягкой силе США из-за «некомпетентности ее ответа».^[95] (Важное предостережение: вопрос о том, был ли общественный ответ на COVID-19 «компетентным» или «некомпетентным», породил множество мнений и вызвал много разногласий. Тем не менее, по-прежнему трудно вынести суждение. В США например, политическая реакция была в значительной степени ответственностью штатов и даже городов. Следовательно, по сути, не было национальной политической реакции США как таковой. Мы обсуждаем здесь субъективные мнения, которые сформировали общественное отношение.)

Он выявил аспекты американского общества, которые некоторые могут найти шокирующими, такие как глубокое неравенство перед лицом вспышки болезни, отсутствие всеобщего медицинского обслуживания и проблема системного расизма, поднятая движением Black Lives Matter.

Все это побудило Кишора Махбубани, влиятельного аналитика соперничества между США и Китаем,^[96] утверждать, что COVID-19 поменял роли обеих стран с точки зрения борьбы с бедствиями и поддержки других. В то время как в прошлом США всегда первыми приходили с помощью там, где она требовалась (например, 26 декабря 2004 года, когда в Индонезии обрушилось сильное цунами), теперь эта роль принадлежит Китаю, говорит он. В марте 2020 года Китай отправил в Италию 31 тонну медицинского оборудования (аппараты ИВЛ, маски и защитные костюмы), которые ЕС не смог предоставить. По его мнению, 6 миллиардов человек, которые составляют «остальной мир» и проживают в 191 стране, уже начали готовиться к геополитическому противостоянию США и Китая. Махбубани говорит, что это их выбор, который определит, кто победит в соревновании, и что он будет основан на «холодном расчете разума, необходимом для анализа затрат и выгод того, что и США, и Китай могут им предложить».^[97] Настроения могут не играть большой роли, потому что все эти страны будут основывать свой выбор на том, на чем, США или Китай, в конце концов, улучшат условия жизни своих граждан, но подавляющее большинство из них не хотят, чтобы их поймали. в геополитической игре с нулевой суммой и предпочли бы оставить все свои варианты открытыми (т.е. не быть вынужденными выбирать между США и Китаем). Однако, как показал пример Huawei, даже традиционные союзники США, такие как Франция, Германия и Великобритания, подвергаются давлению со стороны США. Решения, которые страны принимают перед таким суровым выбором, в конечном итоге определяют, кто окажется победителем в растущем соперничестве между США и Китаем.

США как победитель

В лагере Америки как окончательного победителя аргументы сосредоточены на внутренних сильных сторонах США, а также на предполагаемых структурных слабостях Китая.

Сторонники идеи «США как победителя» считают преждевременным призывать к резкому прекращению господства США в постпандемическую эпоху и предлагают следующий аргумент: страна может снижаться в относительном выражении, но по-прежнему остается грозным гегемоном в мире. абсолютные сроки и продолжает обладать значительным объемом мягкой силы; его привлекательность как глобального направления может как-то ослаждаться, но, тем не менее, он остается сильным, о чем свидетельствуют успехи американских университетов за рубежом и привлекательность его культурной индустрии. Кроме того, доминирование доллара как мировой валюты, используемой в торговле и воспринимаемой как безопасная гавань, на данный момент практически не оспаривается. Это означает значительную геополитическую мощь, позволяющую властям США исключать компании и даже страны (такие как Иран или Венесуэла) из долларовой системы. Как мы видели в предыдущей главе, это может измениться в будущем, но в следующие несколько лет альтернативы мировому господству доллара США нет. По сути,

сторонники «несводимости» США будут спорить с Ручиром Шармой в том, что «экономическое превосходство США неоднократно доказывало, что сторонники упадка неправы».^[98] Они также согласятся с Уинстоном Черчиллем, который однажды заметил, что у США есть врожденная способность учиться на своих ошибках, когда он заметил, что США всегда поступали правильно, когда все альтернативы были исчерпаны

Оставляя в стороне весьма напряженный политический аргумент (демократия против автократии), те, кто считает, что США останутся «победителем» еще много лет, также подчеркивают, что Китай сталкивается с собственными встречными ветрами на пути к статусу глобальной сверхдержавы. Чаще всего упоминаются следующие: 1) страна страдает от демографических недостатков, с быстро стареющим населением и населением трудоспособного возраста, пик которого пришелся на 2015 год; 2) его влияние в Азии сдерживается существующими территориальными спорами с Брунеем, Индией, Индонезией, Японией, Малайзией, Филиппинами и Вьетнамом; и 3) он сильно зависит от энергии.

Нет победителя

Что думают те, кто заявляет, что «пандемия сулит плохо как американской, так и китайской державе - и мировому порядку»?^[99] Они утверждают, что, как и почти все другие страны мира, Китай и США наверняка понесут колоссальный экономический ущерб, который ограничит их возможности по расширению своего влияния и влияния. Китаю, торговый сектор которого составляет более трети совокупного ВВП, будет сложно начать устойчивое восстановление экономики, когда его крупные торговые партнеры (например, США) резко сокращают свои расходы. Что касается США, их чрезмерная задолженность рано или поздно ограничит расходы на период после восстановления с постоянным риском того, что текущий экономический кризис перерастет в системный финансовый кризис.

Ссылаясь в случае с обеими странами на экономический удар и внутривнутриполитические трудности, сомневающиеся утверждают, что вероятность выхода обеих стран из этого кризиса значительно уменьшилась. «Ни новый Pax Sinica, ни обновленный Pax Americana не поднимутся из руин. Скорее, обе силы будут ослаблены как внутри страны, так и за рубежом».

Основная причина аргумента «нет победителя» - интригующая идея, выдвинутая несколькими академиками, в первую очередь Найлом Фергюсоном. По сути, в нем говорится, что коронный кризис выявил несостоятельность таких сверхдержав, как США и Китай, подчеркнув успех малых государств. По словам Фергюсона: «Настоящий урок здесь не в том, что с США покончено, а Китай станет доминирующей державой 21 века. Я думаю, что реальность такова, что все сверхдержавы - Соединенные Штаты, Китайская Народная Республика и Европейский Союз - были разоблачены как крайне неблагополучные».

^[100] Сторонники этой идеи утверждают, что большой размер влечет за собой отрицательную экономию за счет масштаба: страны или империи выросли настолько, что достигли порога, за которым они не могут эффективно управлять собой. Это, в свою очередь, является причиной того, почему небольшие экономики, такие как Сингапур, Исландия, Южная Корея и Израиль, похоже, преуспели в сдерживании пандемии и борьбе с ней лучше, чем США.

Предсказание - это игра для дураков в угадайку. Простая истина заключается в том, что никто не может сказать с какой-либо степенью разумной уверенности или определенности, как будет развиваться соперничество между США и Китаем - не говоря уже о том, что оно неизбежно будет расти. Пандемия обострила соперничество между действующим президентом и новой державой. США застряли в пандемическом кризисе, и их влияние ослабло. Между тем Китай, возможно, пытается извлечь выгоду из кризиса, расширяя свое присутствие за рубежом. Мы очень мало знаем о том, что нас ждет в будущем с точки зрения стратегической конкуренции между Китаем и США. Он будет колебаться между двумя крайностями: сдерживаемое и управляемое ухудшение, сдерживаемое бизнес-интересами на одном конце спектра, до постоянной и тотальной враждебности на другом.

1.4.4. Хрупкие и нестабильные состояния

Границы между хрупкостью государства, несостоявшимся и несостоятельным состоянием подвижны и нечеткие. В сегодняшнем сложном и адаптивном мире принцип нелинейности означает, что хрупкое государство внезапно может превратиться в государство-неудачник, и что, наоборот, государство-неудачник может увидеть, как его положение улучшится с такой же быстротой благодаря посредничеству международных организаций или даже иностранному капиталу. В ближайшие годы, когда пандемия вызовет лишения во всем мире, весьма вероятно, что динамика будет идти только в одном направлении для беднейших и наиболее уязвимых стран мира: от плохого к худшему. Короче говоря, многие государства, которые демонстрируют характеристики уязвимости, рискуют потерпеть неудачу.

Хрупкость государства остается одной из самых серьезных глобальных проблем, особенно в Африке. Его

причины многочисленны и взаимосвязаны; они варьируются от экономического неравенства, социальных проблем, политической коррупции и неэффективности до внешних или внутренних конфликтов и стихийных бедствий. Сегодня, по оценкам, около 1,8–2 миллиарда человек жили в нестабильных государствах, и это число обязательно увеличится в постпандемическую эпоху, поскольку уязвимые страны особенно уязвимы для вспышки COVID-19.

[101] Сама суть их хрупкости - слабый государственный потенциал и связанная с этим неспособность обеспечить фундаментальные функции основных государственных услуг и безопасности - делает их менее способными справиться с вирусом. Ситуация еще хуже в несостоятельных и несостоятельных государствах, которые почти всегда являются жертвами крайней нищеты и беспорядочного насилия и, как таковые, едва ли могут или больше не могут выполнять основные общественные функции, такие как образование, безопасность или управление. В вакууме власти беспомощные люди становятся жертвами конкурирующих группировок и преступлений, часто вынуждая ООН или соседнее государство (не всегда с благими намерениями) вмешаться, чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу. Для многих таких государств пандемия станет экзогенным шоком, который заставит их потерпеть неудачу и еще больше упасть.

По всем этим причинам было почти тавтологией утверждать, что ущерб, нанесенный пандемией хрупким и терпящим бедствие государствам, будет гораздо более глубоким и долговременным, чем в более богатых и наиболее развитых странах. Это опустошит некоторые из наиболее уязвимых сообществ мира. Во многих случаях экономическая катастрофа вызовет политическую нестабильность и вспышки насилия в той или иной форме, потому что беднейшие страны мира столкнутся с двумя трудностями: во-первых, сбой в торговых цепочках и цепочках поставок, вызванный пандемией, вызовет немедленные разрушения, такие как отсутствие денежных переводов или увеличение голода; и, во-вторых, в дальнейшем они будут терпеть длительную и серьезную потерю занятости и дохода. Это причина, по которой глобальная вспышка имеет такой потенциал, чтобы нанести ущерб беднейшим странам мира. Именно там экономический спад окажет еще более непосредственное влияние на общества. В частности, на обширных территориях Африки к югу от Сахары, а также в некоторых частях Азии и Латинской Америки миллионы людей зависят от скудного ежедневного дохода, чтобы прокормить свои семьи. Любая изоляция или кризис со здоровьем, вызванные коронавирусом, могут быстро вызвать повсеместное отчаяние и беспорядки, потенциально вызывая массовые беспорядки с глобальными последствиями. Последствия будут особенно разрушительными для всех стран, оказавшихся в эпицентре конфликта. По их мнению, пандемия неизбежно нарушит гуманитарную помощь и потоки помощи.

Геополитические потрясения могут заставить наблюдателей врасплох, вызывая колебания и побочные эффекты, которые создают последствия второго, третьего и более порядков, но где в настоящее время риски наиболее очевидны?

Все сырьевые страны подвержены риску (Норвегия и некоторые другие страны не попадают под эту категорию). На момент написания они особенно сильно пострадали от обвала цен на энергоносители и сырьевые товары, которые усугубили проблемы, вызванные пандемией, и всеми другими проблемами, с которыми они связаны (безработица, инфляция, неадекватные системы здравоохранения и, конечно, бедность). Для богатых и относительно развитых энергозависимых стран, таких как Российская Федерация и Саудовская Аравия, обвал цен на нефть «всего лишь» представляет собой значительный экономический удар, подвергая напряженные бюджеты и валютные резервы напряжению, а также создавая серьезные среднесрочные и долгосрочные последствия. Но для стран с низкими доходами, таких как Южный Судан, где нефть составляет квазиколичество экспорта (99%), удар может быть просто разрушительным. Это верно для многих других нестабильных сырьевых стран. Полный коллапс - это не диковинный сценарий для таких нефтегазовых государств, как Эквадор или Венесуэла, где вирус может очень быстро поразить немногочисленные действующие больницы страны. Между тем в Иране санкции США усугубляют проблемы, связанные с высоким уровнем заражения COVID-19.

Особому риску сейчас подвергаются многие страны Ближнего Востока и Магриба, где до пандемии экономическая боль становилась все более очевидной, с беспокойным молодым населением и безудержной безработицей. Тройной удар COVID-19, обвал цен на нефть (для некоторых) и замораживание туризма (жизненно важный источник занятости и поступлений в иностранной валюте) могут спровоцировать волну массовых антиправительственных демонстраций, напоминающих арабскую весну 2011 года. Зловещим знаком то, что в конце апреля 2020 года, в разгар изоляции, в Ливане произошли беспорядки из-за проблем с безработицей и резкого роста бедности.

Пандемия вернула проблему продовольственной безопасности с удвоенной силой и во многих странах может повлечь за собой гуманитарный и продовольственный кризис. Официальные лица Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН прогнозируют, что число людей, страдающих от острого отсутствия продовольственной безопасности, может удвоиться в 2020 году до 265

миллионов. Сочетание ограничений на передвижение и торговлю, вызванных пандемией, с ростом безработицы и ограниченным доступом к продовольствию или его отсутствием, может вызвать крупномасштабные социальные волнения, за которыми последуют массовые миграции и беженцы. В нестабильных и терпящих бедствие государствах пандемия усугубляет существующий дефицит продовольствия из-за торговых барьеров и сбоев в глобальных цепочках поставок продовольствия. Это происходит в такой значительной степени, что 21 апреля 2020 года Дэвид Бизли, исполнительный директор Всемирной продовольственной программы ООН,

В беднейших странах мира блокировки и экономический спад, происходящие в странах с высоким уровнем доходов, вызовут серьезные потери доходов у работающих бедных и всех тех, кто от них зависит. Снижение денежных переводов из-за границы, на которые приходится такая большая доля ВВП (более 30%) в некоторых странах, таких как Непал, Тонга или Сомали, является тому примером. Это нанесет разрушительный удар по их экономике с драматическими социальными последствиями. По данным Всемирного банка, влияние локдауна и последовавшая за этим экономическая «спячка», которая произошла во многих странах по всему миру, вызовут сокращение денежных переводов в страны с низким и средним уровнем доходов на 20% - с 554 млрд долларов в прошлом году до 445 млрд долларов в 2020 году.^[102] В более крупных странах, таких как Египет, Индия, Пакистан, Нигерия и Филиппины, для которых денежные переводы являются важнейшим источником внешнего финансирования, это создаст много трудностей и сделает их экономическое, социальное и политическое положение еще более нестабильным, с очень реальным риском дестабилизации. Кроме того, существует туризм, одна из наиболее пострадавших от пандемии отраслей, которая является спасательным кругом для многих бедных стран. В таких странах, как Эфиопия, где доходы от туризма составляют почти половину (47%) от общего объема экспорта, соответствующая потеря доходов и занятости нанесет значительный экономический и социальный ущерб. То же самое касается Мальдив, Камбоджи и некоторых других.

Кроме того, есть все зоны конфликта, где многие вооруженные группы думают о том, как использовать предлог пандемии для продвижения своей повестки дня (например, в Афганистане, где талибы просят освободить его заключенных из тюрьмы, или в Сомали, где Группа «Аш-Шабааб» представляет COVID-19 как попытку их дестабилизировать). Призыв к глобальному прекращению огня, сделанный 23 марта 2020 года генеральным секретарем ООН, остался без внимания. Из 43 стран, где в 2020 г. было зарегистрировано не менее 50 событий организованного насилия, только 10 ответили положительно (чаще всего с простыми заявлениями о поддержке, но без обязательств к действию). Среди остальной 31 страны, в которой продолжаются конфликты, действующие лица не только не предприняли шагов, чтобы удовлетворить призыв, но многие фактически повысили уровень организованного насилия.^[103] Ранние надежды на то, что опасения по поводу пандемии и последующего чрезвычайного положения в области здравоохранения могут сдержать затяжные конфликты и ускорить мирные переговоры, испарились. Это еще один пример того, как пандемия не только не смогла остановить тревожную или опасную тенденцию, но и фактически ускорила ее.

Более богатые страны игнорируют трагедию, разворачивающуюся в хрупких и разваливающихся странах, на свой страх и риск. Так или иначе риски будут отражаться в большей нестабильности или даже в хаосе. Один из самых очевидных побочных эффектов для более богатых частей мира экономические невзгоды, недовольство и голод в самых уязвимых и беднейших государствах будут заключаться в новой волне массовой миграции в ее направлении, подобной той, что произошла в Европе в 2016 году.

1.5. Экологический сброс

На первый взгляд может показаться, что пандемия и окружающая среда - лишь дальние родственники; но они гораздо ближе и взаимосвязаны, чем мы думаем. Оба имеют и будут продолжать взаимодействовать непредсказуемым и самобытным образом, начиная от роли, которую играет уменьшение биоразнообразия в поведении инфекционных заболеваний, до влияния COVID-19 на изменение климата, тем самым демонстрируя опасно тонкий баланс и сложные взаимодействия между человеком и природой.

Более того, с точки зрения глобального риска, пандемия легче всего приравнивается к изменению климата и коллапсу экосистемы (два ключевых экологических риска). Эти три явления по своей природе и в разной степени представляют собой экзистенциальные угрозы человечеству, и мы можем утверждать, что COVID-19 уже дал нам представление или предвидение того, что полноценный климатический кризис и коллапс экосистемы могут повлечь за собой экономические последствия. Перспектива: комбинированные шоки спроса и предложения, а также сбои в торговле и цепочках поставок с волновыми и цепными эффектами, которые усиливают риски (а в некоторых случаях и возможности) в других макро-категориях: геополитика, социальные проблемы и технологии. Если изменение климата, коллапс экосистемы и пандемии

выглядят так похоже, как глобальные риски, то как они на самом деле сравниваются? У них много общих атрибутов, но при этом они сильно отличаются.

Пятью основными общими атрибутами являются: 1) это известные (т. Е. Белый лебедь) системные риски, которые очень быстро распространяются в нашем взаимосвязанном мире и тем самым усиливают другие риски из разных категорий; 2) они нелинейны, что означает, что за пределами определенного порога или переломного момента они могут оказывать катастрофические последствия (например, «сверхраспространение» в конкретном месте с последующим превышением возможностей системы здравоохранения в случае пандемии); 3) вероятность и распределение их воздействий очень трудно, если не невозможно, измерить - они постоянно меняются и их приходится пересматривать в соответствии с пересмотренными допущениями, что, в свою очередь, делает их чрезвычайно трудными для управления с точки зрения политики; 4) они глобальны по своему характеру и поэтому надлежащим образом решить эту проблему можно только глобально скоординированным образом; и 5) они непропорционально затрагивают и без того наиболее уязвимые страны и слои населения.

А в чем их отличия? Их несколько, большинство из которых носят концептуальный и методологический характер (например, пандемия представляет собой риск заражения, в то время как изменение климата и коллапс экосистемы - риски накопления), но наиболее важны два: 1) разница во временном горизонте (он имеет решающее значение для политики и смягчающих действий); и 2) проблема причинно-следственной связи (она затрудняет общественное признание стратегий смягчения последствий):

Пандемии представляют собой квази-мгновенный риск, неизбежность и опасность которого видны всем. Вспышка угрожает нашему выживанию - как отдельным людям, так и видам - и поэтому мы немедленно и решительно реагируем, когда сталкиваемся с риском. Напротив, изменение климата и утрата природы являются постепенными и кумулятивными, с последствиями, которые заметны в основном в среднесрочной и долгосрочной перспективе (и, несмотря на все больше и больше связанных с климатом и «исключительных» стихийных бедствий, все еще остается значительное число тех, кто не убежден в непосредственности климатического кризиса). Это критическое различие между соответствующими временными горизонтами пандемии и изменения климата и утраты природы означает, что риск пандемии требует немедленных действий, за которыми последует быстрый результат, в то время как изменение климата и утрата природы также требуют немедленных действий, но результат (или «будущая награда» на жаргоне экономистов) наступит только с определенным лагом во времени. Марк Карни, бывший управляющий Банка Англии, который в настоящее время является Специальным посланником ООН по вопросам климата и финансов, заметил, что эта проблема временной асинхронности порождает «трагедию горизонта»: вопреки непосредственным и наблюдаемым рискам, риски изменения климата могут показаться далекими (с точки зрения времени и географии), и в этом случае на них не ответят с той серьезностью, которую они заслуживают и требуют. Например, материальный риск глобального потепления и повышения уровня воды для физического актива (например, заметил, что эта проблема временной асинхронности порождает «трагедию горизонта»: вопреки непосредственным и наблюдаемым рискам риски изменения климата могут казаться далекими (с точки зрения времени и географии), и в этом случае на них не будет реагировать серьезно, которую они заслуживают и требуют. Например, материальный риск глобального потепления и повышения уровня воды для физического актива (например, заметил, что эта проблема временной асинхронности порождает «трагедию горизонта»: вопреки непосредственным и наблюдаемым рискам риски изменения климата могут казаться далекими (с точки зрения времени и географии), и в этом случае на них не будет реагировать серьезно, которую они заслуживают и требуют. Например, материальный риск глобального потепления и повышения уровня воды для физического актива (например, пляжный курорт) или компания (например, гостиничная группа) не обязательно будут рассматриваться инвесторами как существенные и, следовательно, не будут оцениваться рынками.

Проблема причинно-следственной связи легко понять, как и причины, которые значительно затрудняют реализацию соответствующей политики. В случае пандемии причинная связь между вирусом и заболеванием очевидна: SARS-CoV-2 вызывает COVID-19. За исключением горстки сторонников теории заговора, никто не станет с этим спорить. В случае экологических рисков гораздо сложнее приписать прямую причинную связь конкретному событию. Часто ученые не могут указать на прямую причинно-следственную связь между изменением климата и конкретным погодным явлением (например, засухой или силой урагана). Точно так же они не всегда сходятся во мнении о том, как конкретная деятельность человека влияет на конкретные виды, которым грозит исчезновение. Это значительно усложняет снижение рисков изменения климата и природных потерь. В то время как для пандемии, Большинство граждан будут склонны соглашаться с необходимостью применения принудительных мер, они будут сопротивляться политике ограничения в случае экологических рисков, когда доказательства могут быть оспорены. Существует и более фундаментальная причина: борьба с пандемией не требует существенного

изменения лежащей в основе социально-экономической модели и наших привычек потребления. Решает борьба с экологическими рисками.

1.5.1. Коронавирус и окружающая среда

1.5.1.1. Природа и зоонозные заболевания

Зоонозы - это болезни, которые передаются от животных к человеку. Большинство экспертов и защитников природы согласны с тем, что они резко увеличились в последние годы, особенно из-за обезлесения (явление, также связанное с увеличением выбросов углекислого газа), что увеличивает риск тесного взаимодействия человека и животных и заражения. В течение многих лет исследователи считали, что природная среда, такая как тропические леса и их богатая дикая природа, представляет угрозу для людей, потому что именно здесь можно найти патогены и вирусы, являющиеся причиной новых болезней человека, таких как лихорадка денге, лихорадка Эбола и ВИЧ. Сегодня мы знаем, что это неправильно, потому что причинно-следственная связь идет другим путем. Как утверждает Дэвид Кваммен, автор книги «Распространение: инфекции животных и следующая человеческая пандемия»: «Мы вторгаемся в тропические леса и другие дикие ландшафты, в которых обитает так много видов животных и растений, а внутри этих существ так много неизвестных вирусов. Рубим деревья; мы убиваем животных или помещаем их в клетки и отправляем на рынки. Мы разрушаем экосистемы и избавляем вирусы от их естественных носителей. Когда это произойдет, им понадобится новый хост. Часто мы такие». ^[104] К настоящему времени все большее число ученых доказали, что на самом деле именно разрушение биоразнообразия, вызванное людьми, является источником новых вирусов, таких как COVID-19. Эти исследователи объединились вокруг новой дисциплины «планетарное здоровье», изучающей тонкие и сложные связи, существующие между благополучием людей, других живых видов и целыми экосистемами, и их выводы ясно показали, что разрушение биоразнообразия будет увеличить количество пандемий.

В недавнем письме в Конгресс США 100 организаций, занимающихся дикой природой и окружающей средой, подсчитали, что за последние 50 лет количество зоонозных заболеваний увеличилось в четыре раза. ^[105] С 1970 года изменения в землепользовании оказали самое большое относительное негативное воздействие на природу (и в результате вызвали четверть антропогенных выбросов). Одно только сельское хозяйство покрывает более одной трети поверхности суши и является экономической деятельностью, которая больше всего разрушает природу. В недавнем научном обзоре делается вывод, что факторы, влияющие на сельское хозяйство, связаны с более чем 50% зоонозных заболеваний. ^[106] Поскольку деятельность человека, такая как сельское хозяйство (со многими другими, такими как добыча полезных ископаемых, лесозаготовка или туризм), посягает на естественные экосистемы, она разрушает барьеры между человеческими популяциями и животными, создавая условия для возникновения инфекционных заболеваний, передаваемых от животных к людям. Утрата естественной среды обитания животных и торговля дикими животными особенно актуальны, потому что, когда животные, известные как связанные с определенными заболеваниями (например, летучие мыши и ящеры с коронавирусом), вывозятся из дикой природы и перемещаются в города, резервуар болезней дикой природы просто перевезен в густонаселенную местность. Это то, что могло произойти на рынке в Ухане, где, как полагают, возник новый коронавирус (с тех пор китайские власти навсегда запретили торговлю и потребление дикой природы). В настоящее время большинство ученых согласны с тем, что чем выше рост населения, тем больше мы нарушаем окружающую среду, чем интенсивнее становится сельское хозяйство без надлежащей биобезопасности, тем выше риск новых эпидемий. Ключевым противоядием, доступным в настоящее время для сдерживания развития зоонозных заболеваний, является уважение и сохранение окружающей среды и активная защита биоразнообразия. Чтобы сделать это эффективно, нам всем нужно будет переосмыслить наши отношения с природой и задаться вопросом, почему мы так отделились от нее. В заключительной главе мы предлагаем конкретные рекомендации, которые можно принять для «безвредного для природы» восстановления.

1.5.1.2. Загрязнение воздуха и риск пандемии

В течение многих лет было известно, что загрязнение воздуха, в основном вызванное выбросами, которые также способствуют глобальному потеплению, является тихим убийцей, связанным с различными

состояниями здоровья, от диабета и рака до сердечно-сосудистых и респираторных заболеваний. По данным ВОЗ, 90% населения мира дышит воздухом, который не соответствует ее правилам безопасности, что вызывает преждевременную смерть 7 миллионов человек каждый год и побуждает организацию квалифицировать загрязнение воздуха как «чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения».

Теперь мы знаем, что загрязнение воздуха усугубляет воздействие любого конкретного коронавируса (не только нынешнего SARS-CoV-2) на наше здоровье. Еще в 2003 году исследование, опубликованное в разгар эпидемии атипичной пневмонии, показало, что загрязнение воздуха может объяснить различия в уровне летальности,^[107] впервые дав понять, что чем выше уровень загрязнения воздуха, тем выше вероятность смерти от болезни, вызванной коронавирусом. С тех пор все больше исследований показывают, как долгое времяпрепровождение с более грязным воздухом может сделать людей более восприимчивыми к коронавирусу. В недавнем медицинском документе США был сделан вывод о том, что в регионах с более загрязненным воздухом будет выше риск смерти от COVID-19, что свидетельствует о том, что в округах США с более высоким уровнем загрязнения пострадают от большего числа госпитализаций и числа смертей.^[108] В медицинском и общественном сообществе сформировался консенсус о том, что существует синергетический эффект между воздействием загрязнения воздуха и возможным возникновением COVID-19 и худшим исходом, когда вирус действительно поражает. Исследование, которое все еще находится в зачаточном состоянии, но быстро расширяется, еще не доказало, что существует причинно-следственная связь, но однозначно выявляет сильную корреляцию между загрязнением воздуха и распространением коронавируса и его серьезностью. Похоже, что загрязнение воздуха в целом и концентрация твердых частиц в частности ухудшают дыхательные пути - первую линию защиты легких - а это означает, что люди (независимо от их возраста), живущие в сильно загрязненных городах, столкнутся с большим риском заражения. заразился COVID-19 и умер от него.

1.5.1.3. Локдаун и выбросы углерода

Пока еще слишком рано определять, на какой объем глобальных выбросов углекислого газа сокротится в 2020 году, но Международное энергетическое агентство (МЭА) в своем Глобальном энергетическом обзоре 2020 года оценивает их сокращение на 8%.^[109] Несмотря на то, что эта цифра соответствует самому большому ежегодному сокращению за всю историю наблюдений, она все еще ничтожна по сравнению с размером проблемы и уступает ежегодному сокращению выбросов на 7,6% в течение следующего десятилетия, которое, по мнению ООН, необходимо сдерживать. глобальное повышение температуры ниже 1,5 ° C.^[110]

Учитывая серьезность ограничений, цифра в 8% выглядит довольно неутешительной. Кажется, это предполагает, что небольшие индивидуальные действия (потребление намного меньше, отказ от использования наших автомобилей и отказ от полетов) не имеют большого значения по сравнению с размером выбросов, производимых электроэнергией, сельским хозяйством и промышленностью, «крупными эмитентами», которые продолжают работать во время блокировки (за частичным исключением некоторых отраслей). Это также показывает, что самые большие «нарушители» с точки зрения выбросов углерода не всегда считаются очевидными виновниками. Недавний отчет об устойчивом развитии показывает, что общие выбросы углерода, генерируемые при производстве электроэнергии, необходимой для питания наших электронных устройств и передачи их данных, примерно эквивалентны мировой авиационной отрасли.^[111]

Вывод? Даже беспрецедентные и драконовские ограничения, когда треть мирового населения не выходила из дома более месяца, не могли быть жизнеспособной стратегией декарбонизации, потому что даже в этом случае мировая экономика продолжала выделять большое количество углекислого газа. Как же тогда могла бы выглядеть такая стратегия? Значительный размер и масштаб проблемы могут быть решены только путем сочетания: 1) радикального и серьезного системного изменения того, как мы производим энергию, необходимую для функционирования; и 2) структурные изменения в нашем потребительском поведении. Если в постпандемическую эпоху мы решим возобновить нашу жизнь, как и раньше (управляя теми же автомобилями, летая в одни и те же пункты назначения, питаясь теми же продуктами, тем же обогревая наш дом и т. Д.), Кризис COVID-19 пропал даром в том, что касается климатической политики. И наоборот, если некоторые привычки, которые мы были вынуждены усвоить во время пандемии, трансформировались в структурные изменения в поведении, климатический результат мог бы быть другим. Меньше поездок на работу, немного больше удаленной работы, езда на велосипеде и

пешие прогулки вместо вождения, чтобы воздух в наших городах был таким же чистым, каким он был во время карантина, отдых ближе к дому: все это, если объединить их в масштабе, может привести к устойчивому сокращению в выбросах углерода. Это подводит нас к чрезвычайно важному вопросу о том, окажет ли пандемия в конечном итоге положительное или отрицательное влияние на политику в области изменения климата. Меньше поездок на работу, немного больше удаленной работы, езда на велосипеде и пешие прогулки вместо вождения, чтобы воздух в наших городах был таким же чистым, каким он был во время карантина, отдых ближе к дому: все это, если объединить их в масштабе, может привести к устойчивому сокращению в выбросах углерода. Это подводит нас к чрезвычайно важному вопросу о том, окажет ли пандемия в конечном итоге положительное или отрицательное влияние на политику в области изменения климата. Меньше поездок на работу, немного больше удаленной работы, езда на велосипеде и пешие прогулки вместо вождения, чтобы воздух в наших городах был таким же чистым, каким он был во время карантина, отдых ближе к дому: все это, если объединить их в масштабе, может привести к устойчивому сокращению в выбросах углерода. Это подводит нас к чрезвычайно важному вопросу о том, окажет ли пандемия в конечном итоге положительное или отрицательное влияние на политику в области изменения климата.

1.5.2. Воздействие пандемии на изменение климата и другая экологическая политика

Пандемии суждено годами доминировать в политической среде, с серьезным риском того, что она может затмить экологические проблемы. По анекдоту, конференц-центр в Глазго, где в ноябре 2020 года должен был состояться климатический саммит ООН COP-26, был преобразован в апреле в больницу для пациентов с COVID-19. Переговоры по климату уже откладываются, а политические инициативы откладываются, питая повествование о том, что в течение долгого времени правительственные лидеры будут лишь обращать внимание на многогранный круг неотложных проблем, созданных пандемическим кризисом. Появился и другой рассказ, разработанный некоторыми национальными лидерами, руководителями высшего звена и видными деятелями общественного мнения. В соответствии с этим принципом, кризис COVID-19 не может пропасть даром и что сейчас самое время принять устойчивую экологическую политику.

В действительности то, что происходит с борьбой с изменением климата в постпандемическую эпоху, может идти в двух противоположных направлениях. Первый соответствует приведенному выше повествованию: экономические последствия пандемии настолько болезненны, их трудно устранить и сложно реализовать, что большинство правительств во всем мире могут решить «временно» отказаться от опасений по поводу глобального потепления и сосредоточиться на восстановлении экономики. В таком случае политические решения будут поддерживать и стимулировать отрасли, связанные с использованием ископаемого топлива, и отрасли, производящие выбросы углерода, путем их субсидирования. Они также отменят строгие экологические стандарты, которые считаются камнем преткновения на пути к быстрому восстановлению экономики, и будут поощрять компании и потребителей производить и потреблять как можно больше «вещей». Второе вызвано другим повествованием,

Давайте рассмотрим оба возможных исхода более подробно. Излишне говорить, что они зависят от страны и региона (ЕС). Никакие две страны не будут проводить одинаковую политику и двигаться с одинаковой скоростью, но, в конечном итоге, все они должны придерживаться направления менее углеродоемкой тенденции.

Три ключевые причины могут объяснить, почему это не дано и почему внимание к окружающей среде может исчезнуть, когда пандемия начнет отступать:

1. Правительства могут решить, что в наилучших коллективных интересах стремиться к росту «любой ценой», чтобы смягчить влияние на безработицу.
2. Компании будут испытывать такое давление с целью увеличения доходов, что вопросы устойчивости в целом и климатические соображения в частности станут второстепенными.
3. Низкие цены на нефть (если они сохранятся, что вполне вероятно) могут побудить как потребителей, так и предприятия еще больше полагаться на углеродоемкую энергию.

Эти три причины достаточно убедительны, чтобы сделать их убедительными, но есть и другие, которые могут просто успешно сдвинуть тренд в другом направлении. Четыре, в частности, смогли бы сделать мир чище и устойчивее:

Просвещенное руководство. Некоторые лидеры и лица, принимающие решения, которые уже были

на переднем крае борьбы с изменением климата, могут захотеть воспользоваться потрясением, нанесенным пандемией, для осуществления долгосрочных и более широких экологических изменений. По сути, они «хорошо воспользуются» пандемией, не допустив, чтобы кризис пропал даром. Увещевание различных лидеров, от Его Королевского Высочества принца Уэльского до Эндрю Куомо, «восстановить его лучше» идет в этом направлении. То же самое делает и двойное заявление, сделанное МЭА с Дэном Йоргенсенем, министром по вопросам климата, энергетики и коммунального хозяйства Дании, в котором говорится, что переход на чистую энергию может помочь дать толчок экономике: пакеты стимулов. Некоторые из этих планов обеспечат краткосрочный импульс, другие будут формировать инфраструктуру на десятилетия вперед.^[112] Правительства, возглавляемые просвещенными лидерами, будут ставить свои пакеты стимулов в зависимость от зеленых обязательств. Они, например, предоставят более щедрые финансовые условия компаниям с низкоуглеродными бизнес-моделями.

Осведомленность о рисках. Пандемия сыграла роль великого «пробуждения риска», заставив нас гораздо больше осознать риски, с которыми мы все вместе сталкиваемся, и напомнила нам, что наш мир тесно взаимосвязан. COVID-19 дал понять, что мы игнорируем науку и опыт на свой страх и риск, и что последствия наших коллективных действий могут быть значительными. Надеюсь, что некоторые из этих уроков, которые предлагают нам лучшее понимание того, что на самом деле означает и влечет за собой экзистенциальный риск, теперь будут перенесены на климатические риски. Как заявил Николас Стерн, председатель Грэнтэмского научно-исследовательского института изменения климата и окружающей среды: «Из всего этого мы увидели, что мы можем вносить изменения (...). Мы должны признать, что будут другие пандемии, и лучше подготовиться. [Но] мы также должны признать, что изменение климата - более глубокая и большая угроза, которая никуда не денется,^[113] В течение нескольких месяцев беспокоясь о пандемии и ее влиянии на наши легкие, мы станем одержимы чистым воздухом; во время карантина многие из нас увидели и почувствовали на себе преимущества снижения загрязнения воздуха, что, возможно, побудило к коллективному осознанию того, что у нас есть всего несколько лет, чтобы справиться с наихудшими последствиями глобального потепления и изменения климата. Если это так, последуют социальные (коллективные и индивидуальные) изменения.

Изменение поведения. Как следствие вышеизложенного, отношение и требования общества могут эволюционировать в сторону большей устойчивости в большей степени, чем обычно предполагается. Наши модели потребления резко изменились во время карантина, заставив нас сосредоточиться на главном и не оставив нам другого выбора, кроме как перейти на «более экологичный образ жизни». Это может продолжаться, побуждая нас игнорировать все, в чем мы действительно не нуждаемся, и приводя в движение благотворный круг для окружающей среды. Аналогичным образом, мы можем решить, что работа из дома (когда это возможно) полезна как для окружающей среды, так и для нашего личного благополучия (поездки на работу - это «разрушитель» благополучия - чем дольше она длится, тем более вредна для нашего физического и умственного здоровья). Эти структурные изменения в том, как мы работаем, потребляем и инвестируем, могут занять некоторое время, прежде чем они станут достаточно широко распространенными, чтобы изменить ситуацию, но, как мы утверждали ранее, важны направление и сила тренда. Поэт и философ Лао-цзы был прав, говоря: «Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага». Мы только находимся в начале длительного и болезненного выздоровления, и для многих из нас размышления об устойчивости могут показаться роскошью, но когда ситуация начнет улучшаться, мы все вместе вспомним, что существует причинно-следственная связь между загрязнением воздуха и COVID-19. Тогда устойчивость перестанет быть вторичным, и изменение климата (так тесно связанное с загрязнением воздуха) перейдет на первый план наших забот.

Активизм. Некоторые аналитики отважились на то, что пандемия спровоцирует устаревание активности, но вполне может оказаться правдой прямо противоположное. По мнению группы американских и европейских ученых, коронавирус укрепил мотивацию к изменениям и запустил новые инструменты и стратегии с точки зрения социальной активности. Всего за несколько недель эта группа исследователей собрала данные о различных формах социальной активности и определила почти 100 различных методов ненасильственных действий, включая физические, виртуальные и гибридные. Их вывод: «Чрезвычайные ситуации часто оказываются кузницей, в которой выковываются новые идеи и возможности. Хотя невозможно предсказать, каковы могут быть долгосрочные последствия такого роста навыков и осведомленности, ясно, что власть людей не уменьшилась. Вместо,^[114] Если их оценка верна, общественный активизм, подавляемый необходимостью во время карантина и различных мер, принимаемых ими по физическому и социальному дистанцированию, может возобновиться с новой силой после того, как периоды заключения закончатся. Воодушевленные тем, что они увидели во время карантина (отсутствие загрязнения воздуха), климатические активисты удвоят свои усилия, оказывая дополнительное давление на компании и инвесторов. Как мы увидим в главе 2, активность инвесторов также будет силой, с которой нужно считаться. Это усилит дело общественных активистов, добавив к нему дополнительное и мощное

измерение. Давайте представим следующую ситуацию, чтобы проиллюстрировать этот момент: группа зеленых активистов могла бы провести демонстрацию перед угольной электростанцией, чтобы потребовать более строгого соблюдения правил загрязнения, в то время как группа инвесторов делает то же самое в зале заседаний, лишая завод доступа в столицу.

Разрозненные фактические данные по четырем причинам дают нам надежду на то, что в конечном итоге «зеленый тренд» возобладает. Он исходит из разных областей, но сходится к выводу, что будущее может быть более экологичным, чем мы обычно предполагаем. Чтобы подтвердить это убеждение, четыре наблюдения пересекаются с четырьмя приведенными причинами:

В июне 2020 года BP, одна из крупнейших мировых нефтегазовых компаний, снизила стоимость своих активов на 17,5 млрд долларов, придя к выводу, что пандемия ускорит глобальный переход к более чистым формам энергии. Другие энергетические компании собираются сделать аналогичный шаг.^[115] В том же духе крупные глобальные компании, такие как Microsoft, взяли на себя обязательство к 2030 году снизить уровень выбросов углерода.

Европейская зеленая сделка, инициированная Европейской комиссией, - это масштабное мероприятие и наиболее осязаемое проявление решения государственных властей не допустить, чтобы кризис COVID-19 пропал даром.^[116] План предусматривает выделение 1 триллиона евро на снижение выбросов и инвестиции в круговую экономику с целью сделать ЕС первым углеродно-нейтральным континентом к 2050 году (с точки зрения чистых выбросов) и отделить экономический рост от использования ресурсов.

Различные международные исследования показывают, что подавляющее большинство граждан во всем мире хотят, чтобы восстановление экономики после коронарного кризиса уделяло первоочередное внимание изменению климата.^[117] В странах, входящих в G20, значительное большинство - 65% граждан - поддерживают «зеленое» восстановление.^[118]

Некоторые города, такие как Сеул, продолжают свою приверженность политике в области климата и окружающей среды, реализуя свой собственный «Новый зеленый курс», который рассматривается как один из способов смягчения последствий пандемии.^[119]

Направление тенденции очевидно, но, в конечном итоге, системные изменения будут исходить от политиков и руководителей бизнеса, желающих воспользоваться пакетами стимулов COVID, чтобы дать толчок развитию экологически чистой экономики. Речь пойдет не только о государственных инвестициях. Ключом к притоку частного капитала в новые источники природно-позитивной экономической ценности будет смещение ключевых политических рычагов и стимулов государственного финансирования в рамках более широкой экономической перезагрузки. Есть веские основания для более решительных действий в отношении пространственного планирования и регулирования землепользования, реформы государственного финансирования и субсидий, инновационной политики, которая помогает стимулировать расширение и внедрение в дополнение к НИОКР, смешанному финансированию и более точному измерению природного капитала как ключевого экономического фактора. актив. Многие правительства начинают действовать, но нужно гораздо больше, чтобы склонить систему к новой, благоприятной для природы норме и заставить большинство людей во всем мире понять, что это не только настоятельная необходимость, но и значительная возможность. Программный документ, подготовленный Systemiq в сотрудничестве с Всемирным экономическим форумом^[120] по оценкам, создание экологически чистой экономики к 2030 году может составлять более 10 триллионов долларов в год.

- с точки зрения новых экономических возможностей, а также избежания экономических затрат. В краткосрочной перспективе использование стимулирующего финансирования на сумму около 250 миллиардов долларов может создать до 37 миллионов благоприятных для природы рабочих мест с высокой рентабельностью. Восстановление окружающей среды следует рассматривать не как затраты, а как вложение, которое создаст экономическую активность и возможности трудоустройства.

Надеюсь, угроза COVID-19 продлится недолго. Однажды это останется позади. Напротив, угроза изменения климата и связанные с этим экстремальные погодные явления будут с нами в обозримом будущем и в будущем. Климатический риск развивается медленнее, чем пандемия, но он будет иметь еще более серьезные последствия. В значительной степени его серьезность будет зависеть от ответных мер политики на пандемию. Каждая мера, направленная на оживление экономической активности, будет иметь немедленное влияние на то, как мы живем, но также окажет влияние на выбросы углерода, которые, в свою очередь, окажут воздействие на окружающую среду во всем мире и будут измеряться поколениями. Как мы утверждали в этой книге, этот выбор остается за нами.

1.6. Технологическая перезагрузка

Когда он был опубликован в 2016 году, «Четвертая промышленная революция» утверждала, что

«технологии и оцифровка революционизируют все, что делает часто используемую и часто неправильно используемую поговорку» на этот раз все по-другому». Проще говоря, крупные технологические инновации находятся на пороге значительных изменений во всем мире». [121] За прошедшие с тех пор четыре года технический прогресс продвигался впечатляюще быстро. Теперь ИИ окружает нас повсюду, от дронов и систем распознавания голоса до виртуальных помощников и программного обеспечения для перевода. Наши мобильные устройства стали постоянной и неотъемлемой частью нашей личной и профессиональной жизни, помогая нам на многих разных фронтах, предугадывая наши потребности, прислушиваясь к нам и находя нас, даже когда нас об этом не просят ... Автоматизация и роботы меняют конфигурацию предприятия работают с ошеломляющей скоростью, а прибыль в таком масштабе была немыслима всего несколько лет назад. Инновации в генетике и синтетическая биология на горизонте также впечатляют, открывая путь для новаторских разработок в области здравоохранения. Биотехнология все еще не в состоянии остановить, не говоря уже о предотвращении, вспышку болезней, но недавние инновации позволили идентифицировать и секвенировать геном коронавируса намного быстрее, чем в прошлом, а также разработать более эффективную диагностику. Кроме того, новейшие биотехнологические методы с использованием платформ РНК и ДНК позволяют разрабатывать вакцины быстрее, чем когда-либо. Они также могут помочь в разработке новых биоинженерных методов лечения.

Подводя итог, можно сказать, что скорость и размах четвертой промышленной революции были и остаются поразительными. В этой главе утверждается, что пандемия еще больше ускорит инновации, катализируя уже происходящие технологические изменения (сравнимые с усугубляющим эффектом, который она оказала на другие основные глобальные и внутренние проблемы) и «турбонаддувом» любой цифровой бизнес или цифровое измерение любого бизнеса. Это также подчеркнет одну из величайших социальных и индивидуальных проблем, создаваемых технологиями: конфиденциальность. Отслеживание обладает непревзойденными возможностями и практически неотъемлемым местом в арсенале оружия, необходимым для борьбы с COVID-19, и в то же время может стать средством массового наблюдения.

1.6.1. Ускорение цифровой трансформации

В связи с пандемией «цифровая трансформация», о которой многие аналитики говорили в течение многих лет, не зная точно, что она означает, нашла свой катализатор. Одним из основных эффектов ограничения будет расширение и развитие цифрового мира решительным и часто постоянным образом. Это заметно не только в самых обыденных и анекдотических аспектах (больше онлайн-разговоров, больше потоковой передачи для развлечения, больше цифрового контента в целом), но и в плане более глубоких изменений в работе компаний, что исследуется более глубоко. в следующей главе. В апреле 2020 года несколько технологических лидеров наблюдали, как быстро и радикально потребности, возникшие в результате кризиса в области здравоохранения, ускорили внедрение широкого спектра технологий. Всего за один месяц Оказалось, что многие компании в плане освоения технологий быстро продвинулись вперед на несколько лет. Для тех, кто разбирается в цифровых технологиях, это означало хорошие вещи, в то время как для других - очень плохие перспективы (иногда катастрофические). Сатья Наделла, генеральный директор Microsoft, заметил, что требования к социальному и физическому дистанцированию создают «все удаленное», способствуя внедрению широкого спектра технологий на два года, в то время как Сундар Пичаи, генеральный директор Google, удивился впечатляющему скачку в цифровая деятельность, прогнозирующая «значительное и продолжительное» влияние на такие разные сектора, как работа в Интернете, образование, шопинг, медицина и развлечения. [122]

1.6.1.1. Потребитель

Во время карантина многие потребители, ранее не желавшие слишком сильно полагаться на цифровые приложения и сервисы, были вынуждены изменить свои привычки почти в мгновение ока: смотреть фильмы онлайн вместо похода в кино, доставлять еду вместо походов в рестораны, разговаривать с друзьями удаленно. вместо того, чтобы встречаться с ними во плоти, разговаривать с коллегами на экране вместо болтовни у кофемашины, тренироваться онлайн вместо того, чтобы ходить в спортзал и так далее. Таким образом, почти мгновенно большинство вещей стали «электронными вещами»: электронное обучение, электронная коммерция, электронные игры, электронные книги, электронная посещаемость. Некоторые из старых привычек, безусловно, вернутся (радость и удовольствие от личных контактов невозможно сопоставить - в конце концов, мы социальные животные!), Но многие технические модели поведения, которые мы были вынуждены принять во время заключения, станут более привычными благодаря

знакомству. естественный. Поскольку социальное и физическое дистанцирование сохраняется, больше полагаются на цифровые платформы для общения, работы, обращения за советом или заказа чего-либо постепенно будет укреплять ранее укоренившиеся привычки. Кроме того, плюсы и минусы онлайн по сравнению с офлайн будут постоянно изучаться с самых разных точек зрения. Если соображения здоровья становятся превыше всего, мы можем решить, например, что уроки езды на велосипеде перед экраном дома не соответствуют веселью и удовольствию от занятий с группой в живом классе, но на самом деле безопаснее (и дешевле!). Те же рассуждения применимы ко многим различным областям, таким как полет на встречу (Zoom безопаснее, дешевле, экологичнее и намного удобнее), поездка на дальнюю семейную встречу на выходные (семейная группа WhatsApp не так весело, но, опять же, безопаснее, дешевле и экологичнее) или даже посещение академического курса (не так полноценно, а дешевле и удобнее).

1.6.1.2. Регулятор

Этот переход к более цифровому «всему» в нашей профессиональной и личной жизни также будет поддерживаться и ускоряться регулирующими органами. На сегодняшний день правительства часто замедляют темпы внедрения новых технологий из-за длительных размышлений о том, как должна выглядеть лучшая нормативно-правовая база, но, как сейчас показывает пример телемедицины и доставки с помощью дронов, возможно резкое ускорение, вызванное необходимостью. Во время блокировки внезапно произошло квазиглобальное ослабление правил, которые ранее препятствовали прогрессу в областях, где технология была доступна в течение многих лет, потому что не было лучшего или другого доступного выбора. То, что до недавнего времени было немыслимым, вдруг стало возможным, возможно, захочется увидеть, как он переменится. Новые правила останутся в силе. В том же ключе аналогичная история разворачивается в США с Федеральным управлением гражданской авиации, но также и в других странах, связанных с регулированием ускоренного отслеживания доставки дронами. Текущий императив продвигать, несмотря ни на что, «бесконтактную экономику» и последующая готовность регулирующих органов ускорить этот процесс означает, что запретов нет. То, что верно для до недавнего времени чувствительных областей, таких как телемедицина и доставка дронами, верно и для более приземленных и хорошо освещенных областей регулирования, таких как мобильные платежи. Приведу банальный пример: в разгар блокировки (в апреле 2020 г.) Европейские банковские регуляторы решили увеличить сумму, которую покупатели могут платить с помощью своих мобильных устройств, а также снизить требования к аутентификации, которые ранее затрудняли совершение платежей с использованием таких платформ, как PayPal или Venmo. Такие шаги только ускорят цифровое «преобладание» в нашей повседневной жизни, хотя и не без непредвиденных проблем с кибербезопасностью.

1.6.1.3. Фирма

В той или иной форме меры социального и физического дистанцирования, вероятно, сохранятся и после того, как пандемия утихнет, что оправдывает решение многих компаний из разных отраслей ускорить автоматизацию. Через некоторое время устойчивые опасения по поводу технологической безработицы утихнут, поскольку общества подчеркивают необходимость реструктуризации рабочего места таким образом, чтобы минимизировать тесный человеческий контакт. Действительно, технологии автоматизации особенно хорошо подходят для мира, в котором люди не могут подойти слишком близко друг к другу или хотят сократить свое взаимодействие. Наш давний и, возможно, устойчивый страх заразиться вирусом (COVID-19 или другим), таким образом, ускорит неумолимое движение автоматизации, особенно в областях, наиболее подверженных автоматизации. В 2016 г.^[123] Эти три отрасли относятся к числу тех, которые больше всего пострадали от пандемии, и в которых автоматизация по соображениям гигиены и чистоты будет необходимостью, которая, в свою очередь, еще больше ускорит переход к более технологичным и цифровым. Существует еще один феномен, поддерживающий расширение автоматизации: когда «экономическое дистанцирование» может следовать за социальным дистанцированием. По мере того как страны обращаются за помощью, а глобальные компании сокращают свои сверхэффективные, но очень хрупкие цепочки поставок, автоматизация и роботы, которые позволяют увеличить местное производство при одновременном снижении затрат, будут пользоваться большим спросом.

Процесс автоматизации был запущен много лет назад, но критическая проблема снова связана с ускорением темпов изменений и переходного периода: пандемия ускорит внедрение автоматизации на рабочем месте и появление большего количества роботов в нашей личной жизни. и профессиональная жизнь. С самого начала ограничений стало очевидно, что роботы и ИИ были «естественной»

альтернативой, когда человеческий труд был недоступен. Кроме того, они использовались, когда это было возможно, для снижения риска для здоровья сотрудников. В то время, когда физическое дистанцирование стало обязательным, роботы были развернуты в самых разных местах, таких как склады, супермаркеты и больницы, в самых разных сферах деятельности, от сканирования полок (область, в которой искусственный интеллект совершил огромные набеги) до уборки и, конечно же, роботизированной доставки - важного компонента цепочки поставок в сфере здравоохранения, который, в свою очередь, приведет к «бесконтактной» доставке продуктов и других предметов первой необходимости. . Что касается многих других технологий, которые были на далеком горизонте с точки зрения принятия (например, телемедицины), предприятия, потребители и государственные органы сейчас спешат ускорить скорость принятия. В таких разных городах, как Ханчжоу, Вашингтон, округ Колумбия и Тель-Авив, предпринимаются усилия по переходу от пилотных программ к крупномасштабным операциям, позволяющим вывести армию роботов-доставщиков на дорогу и в воздух. Китайские гиганты электронной коммерции, такие как Alibaba и jd.com, уверены, что в ближайшие 12-18 месяцев максимальное внимание часто уделяется промышленным роботам, поскольку они являются наиболее заметным лицом автоматизации, но радикальное ускорение также происходит в автоматизации рабочих мест с помощью программного обеспечения и машинного обучения. Так называемая роботизированная автоматизация процессов (RPA) делает бизнес более эффективным за счет установки компьютерного программного обеспечения, которое конкурирует и заменяет действия человека. Это может принимать различные формы: от финансовой группы Microsoft, объединяющей и упрощающей разрозненные отчеты, инструменты и контент в автоматизированный персонализированный портал на основе ролей, до нефтяной компании, устанавливающей программное обеспечение, которое отправляет изображения трубопровода в систему ИИ для сравнения фотографии с существующей базой данных и предупредить соответствующих сотрудников о потенциальных проблемах. Во всех случаях RPA помогает сократить время, затрачиваемое на сбор и проверку данных, и, следовательно, сокращает расходы (за счет вероятного увеличения безработицы, как упоминалось в разделе «Экономическая перезагрузка»). Во время пика пандемии RPA завоевала популярность, доказав свою эффективность в борьбе с резкими скачками объемов продаж; ратифицированный таким образом, в постпандемическую эпоху процесс будет развернут и ускорен.

Это подтверждают два примера. Решения RPA помогли некоторым больницам распространить результаты тестов на COVID-19, сэкономив медсестрам до трех часов работы в день. Аналогичным образом, цифровое устройство AI, обычно используемое для ответа на запросы клиентов в Интернете, было адаптировано, чтобы помочь медицинским цифровым платформам проверять пациентов в Интернете на симптомы COVID-19. По всем этим причинам Bain & Company (консалтинговая компания) считает, что количество компаний, внедряющих эту автоматизацию бизнес-процессов, удвоится в течение следующих двух лет, и этот срок пандемии может сократиться еще больше. Это подтверждают два примера. Решения RPA помогли некоторым больницам распространить результаты тестов на COVID-19, сэкономив медсестрам до трех часов работы в день. Аналогичным образом, цифровое устройство AI, обычно используемое для ответа на запросы клиентов в Интернете, было адаптировано, чтобы помочь медицинским цифровым платформам проверять пациентов в Интернете на симптомы COVID-19. По всем этим причинам Bain & Company (консалтинговая компания) считает, что количество компаний, внедряющих эту автоматизацию бизнес-процессов, удвоится в течение следующих двух лет, и этот срок пандемии может сократиться еще больше. Это подтверждают два примера. Решения RPA помогли некоторым больницам распространить результаты тестов на COVID-19, сэкономив медсестрам до трех часов работы в день.

Аналогичным образом, цифровое устройство AI, обычно используемое для ответа на запросы клиентов в Интернете, было адаптировано, чтобы помочь медицинским цифровым платформам проверять пациентов в Интернете на симптомы COVID-19. По всем этим причинам Bain & Company (консалтинговая компания) считает, что количество компаний, внедряющих эту автоматизацию бизнес-процессов, удвоится в течение следующих двух лет, и этот срок пандемии может сократиться еще больше. Цифровое устройство искусственного интеллекта, обычно используемое для ответа на запросы клиентов в Интернете, было адаптировано для помощи медицинским цифровым платформам в онлайн-проверке пациентов на симптомы COVID-19. По всем этим причинам Bain & Company (консалтинговая компания) считает, что количество компаний, внедряющих эту автоматизацию бизнес-процессов, удвоится в течение следующих двух лет, и этот срок пандемии может сократиться еще больше. Цифровое устройство искусственного интеллекта, обычно используемое для ответа на запросы клиентов в Интернете, было адаптировано для помощи медицинским цифровым платформам в онлайн-проверке пациентов на симптомы COVID-19. По всем этим причинам Bain & Company (консалтинговая компания) считает, что количество компаний, внедряющих эту автоматизацию бизнес-процессов, удвоится в течение следующих двух лет, и этот срок пандемии может сократиться еще больше. [124]

1.6.2. Отслеживание контактов, отслеживание и наблюдение

Важный урок можно извлечь из стран, которые были более эффективны в борьбе с пандемией (в частности, азиатские страны): технологии в целом и цифровые в частности помогают. Успешное отслеживание контактов оказалось ключевым компонентом успешной стратегии борьбы с COVID-19. Хотя блокировки эффективны для снижения скорости воспроизводства коронавируса, они не устраняют угрозу, создаваемую пандемией. Кроме того, они оборачиваются чрезвычайно высокими экономическими и социальными издержками. Борьба с COVID-19 без эффективного лечения и вакцины будет очень сложно, а до тех пор наиболее эффективным способом сдерживания или прекращения передачи вируса является широкомасштабное тестирование с последующим выделением случаев, отслеживанием контактов и карантинном контактах с инфицированными людьми. Как мы увидим ниже, в этом процессе технология может быть значительным сокращением, позволяя должностным лицам здравоохранения очень быстро выявлять инфицированных людей, тем самым сдерживая вспышку до того, как она начнет распространяться.

Таким образом, отслеживание контактов и отслеживание являются важными компонентами нашей реакции общественного здравоохранения на COVID-19. Оба термина часто используются как синонимы, но имеют немного разные значения. Приложение для отслеживания получает информацию в режиме реального времени, например, путем определения текущего местоположения человека с помощью геоданных по координатам GPS или местоположению радиочаейки. В отличие от этого, отслеживание заключается в получении информации в ретроспективе, например в выявлении физических контактов между людьми, использующими Bluetooth. Ни те, ни другие не предлагают чудодейственного решения, которое может полностью остановить распространение пандемии, но они позволяют почти сразу бить тревогу, позволяя раннее вмешательство, тем самым ограничивая или сдерживая вспышку, особенно когда она происходит в сверхраспространяющейся среде (например, община или семейный сбор). Для удобства и простоты чтения

Самая эффективная форма отслеживания, очевидно, основана на технологиях: она не только позволяет отследить все контакты, с которыми общался пользователь мобильного телефона, но и отслеживать перемещения пользователя в реальном времени, что, в свою очередь, дает возможность более эффективно применять блокировку и предупреждать других мобильных пользователей, находящихся в близости от оператора связи, о том, что они подверглись опасности заражения.

Неудивительно, что цифровое отслеживание стало одной из самых деликатных проблем с точки зрения общественного здравоохранения, вызывая острую озабоченность по поводу конфиденциальности во всем мире. На ранних этапах пандемии многие страны (в основном в Восточной Азии, но также и в других странах, таких как Израиль) решили внедрить цифровое отслеживание в различных формах. Они перешли от обратного отслеживания цепочек прошлой заразы к отслеживанию перемещений в реальном времени, чтобы изолировать человека, инфицированного COVID-19, и обеспечить последующий карантин или частичную изоляцию. С самого начала Китай, САР Гонконг и Южная Корея ввели принудительные и интрузивные меры цифрового отслеживания. Они приняли решение отслеживать людей без их согласия, используя данные их мобильных телефонов и кредитных карт, и даже использовали видеонаблюдение (в Южной Корее). Кроме того, в некоторых странах требуется обязательное ношение электронных браслетов для прибывающих в путешествие и людей, находящихся на карантине (в САР Гонконг), чтобы предупреждать лиц, подверженных заражению. Другие выбрали «компромиссные решения», когда люди, помещенные в карантин, снабжены мобильными телефонами, чтобы отслеживать свое местонахождение и быть публично идентифицированными в случае нарушения правил.

Самым хвалебным и обсуждаемым решением для цифрового отслеживания было приложение TraceTogether, которым управляет Министерство здравоохранения Сингапура. Кажется, что он предлагает «идеальный» баланс между эффективностью и конфиденциальностью, сохраняя данные пользователя на телефоне, а не на сервере, и путем анонимного назначения логина. Обнаружение контакта работает только с последними версиями Bluetooth (очевидное ограничение во многих странах с менее развитым цифровым оборудованием, где большой процент мобильных телефонов не имеет достаточных возможностей Bluetooth для эффективного обнаружения). Bluetooth идентифицирует физические контакты пользователя с другим пользователем приложения с точностью до двух метров, и, если возникает риск передачи COVID-19, приложение предупреждает контакт, после этого передача сохраненных данных в министерство здравоохранения становится обязательной (но при этом сохраняется анонимность контакта). Таким образом, TraceTogether не является навязчивым с точки зрения конфиденциальности, а его код,

доступный в открытом доступе, делает его пригодным для использования в любой стране в любой точке мира, однако защитники конфиденциальности возражают, что риски все еще существуют. Если все население страны загрузило приложение, и если произошло резкое увеличение числа заражений COVID-19, то приложение могло бы идентифицировать большинство граждан. Кибер-вторжения, вопросы доверия к оператору системы и сроки хранения данных создают дополнительные проблемы с конфиденциальностью. Однако защитники конфиденциальности возражают, что риски все еще существуют. Если все население страны загрузило приложение, и если произошло резкое увеличение числа заражений COVID-19, то приложение могло бы идентифицировать большинство граждан. Кибер-вторжения, вопросы доверия к оператору системы и сроки хранения данных создают дополнительные проблемы с конфиденциальностью. Однако защитники конфиденциальности возражают, что риски все еще существуют. Если все население страны загрузило приложение, и если произошло резкое увеличение числа заражений COVID-19, то приложение могло бы идентифицировать большинство граждан. Кибер-вторжения, вопросы доверия к оператору системы и сроки хранения данных создают дополнительные проблемы с конфиденциальностью.

Существуют и другие варианты. Это в основном связано с доступностью открытых и проверяемых исходных кодов, а также с гарантиями, относящимися к данным наблюдения и длительности сохранения. Могут быть приняты общие стандарты и нормы, особенно в ЕС, где многие граждане опасаются, что пандемия приведет к компромиссу между конфиденциальностью и здоровьем. Но, как отметила Маргрет Вестагер, комиссар ЕС по конкуренции:

Я думаю, что это ложная дилемма, потому что вы можете делать так много вещей с помощью технологий, которые не нарушают вашу конфиденциальность. Я думаю, что очень часто люди говорят, что это возможно только одним способом, потому что им нужны данные для своих целей. Мы разработали набор руководящих принципов, и вместе с государствами-членами мы превратили их в набор инструментов, чтобы вы могли создавать добровольные приложения с децентрализованным хранилищем и технологией Bluetooth. Вы можете использовать технологию для отслеживания вируса, но вы все равно можете предоставить людям свободу выбора, и при этом люди верят, что технология предназначена для отслеживания вирусов, а не для каких-либо других целей. Я думаю, что очень важно показать, что мы действительно имеем в виду это, когда говорим, что вы должны доверять технологиям, когда вы их используете, что это не начало новой эры слежки. Это для отслеживания вирусов.[125]

Опять же, мы хотим подчеркнуть, что это быстро меняющаяся и очень нестабильная ситуация. Объявление, сделанное в апреле Apple и Google, о том, что они совместно разрабатывают приложение, которое чиновники здравоохранения могли бы использовать для обратного проектирования перемещений и связей человека, зараженного вирусом, указывает на возможный выход для обществ, наиболее обеспокоенных конфиденциальностью данных. И что больше всего боятся цифрового наблюдения. Человек, у которого есть мобильный телефон, должен будет добровольно загрузить приложение и согласиться поделиться данными, и две компании дали понять, что их технология не будет предоставляться учреждениям общественного здравоохранения, которые не соблюдают их правила конфиденциальности. Но у приложений для добровольного отслеживания контактов есть проблема: они действительно сохраняют конфиденциальность своих пользователей, но эффективны только тогда, когда уровень участия достаточно высок - проблема коллективных действий, которая еще раз подчеркивает глубоко взаимосвязанный характер современной жизни под индивидуалистическим фасадом прав и договорных обязательств. Приложение для добровольного отслеживания контактов не будет работать, если люди не хотят предоставлять свои личные данные государственному органу, который контролирует систему; если кто-либо откажется загрузить приложение (и, следовательно, скрыть информацию о возможном заражении, передвижениях и контактах), это скажется на всех. В конце концов, граждане будут использовать приложение только в том случае, если они считают его заслуживающим доверия, что само по себе зависит от доверия к правительству и государственным органам. В конце июня 2020 года опыт отслеживания приложений был недавним и неоднозначным. Их внедрили менее 30 стран.^[126] В Европе некоторые страны, такие как Германия и Италия, развернули приложения на основе системы, разработанной Apple и Google, в то время как другие страны, такие как Франция, решили разработать собственное приложение, что подняло вопросы совместимости. В целом, технические проблемы и проблемы с конфиденциальностью, по-видимому, повлияли на использование приложения и скорость его принятия. Просто чтобы предложить несколько примеров: Великобритания, после технических сбоев и критики со стороны активистов в области конфиденциальности, сделала разворот и решила заменить свое разработанное внутри страны приложение для отслеживания контактов моделью, предлагаемой Apple и Google. Норвегия приостановила использование своего приложения из соображений конфиденциальности, в то время как во Франции, всего через три недели после запуска, приложение StopCovid просто не заработало, с очень низким уровнем принятия (1,9 миллиона человек), за которым следовали частые решения удалить его.

Сегодня в мире существует около 5,2 миллиарда смартфонов, каждый из которых может помочь определить, кто заражен, где и часто кем. Эта беспрецедентная возможность может объяснить, почему различные опросы, проведенные в США и Европе во время их карантина, показали, что растущее число граждан, похоже, отдает предпочтение отслеживанию смартфонов государственными органами (в очень определенных границах). Но, как всегда, дьявол кроется в деталях политики и ее исполнении. Вопросы, например, должно ли цифровое отслеживание быть обязательным или добровольным, следует ли собирать данные на анонимной или личной основе и следует ли собирать информацию в частном порядке или раскрывать публично, содержат множество различных оттенков черного и белого, что делает чрезвычайно трудным согласование по единой модели цифрового отслеживания коллективно, они могут спровоцировать, были усугублены ростом корпораций, отслеживающих здоровье сотрудников, которые возникли на ранних этапах открытия новых предприятий в стране. Их актуальность будет постоянно расти по мере затягивания пандемии короны и появления опасений по поводу других возможных пандемий.

По мере того, как кризис коронавируса отступает, и люди начинают возвращаться на работу, корпоративный шаг будет направлен на усиление наблюдения; к лучшему или к худшему, компании будут наблюдать, а иногда и записывать, что делает их персонал. Тенденция может принимать самые разные формы: от измерения температуры тела с помощью тепловизоров до мониторинга с помощью приложения того, как сотрудники соблюдают социальное дистанцирование. Это неизбежно вызовет серьезные проблемы регулирования и конфиденциальности, которые многие компании отвергнут, утверждая, что, если они не увеличат цифровое наблюдение, они не смогут возобновить работу и функционировать без риска новых заражений (и, в некоторых случаях, несут ответственность). Они будут ссылаться на здоровье и безопасность как на оправдание для усиления надзора.

Постоянные опасения, выражаемые законодателями, учеными и профсоюзными деятелями, заключаются в том, что инструменты надзора, вероятно, останутся на месте после кризиса и даже после того, как вакцина будет наконец найдена, просто потому, что у работодателей нет никаких стимулов удалять систему надзора, когда она была установлена, особенно если одно из косвенных преимуществ наблюдения - проверка производительности сотрудников.

Это то, что произошло после террористических атак 11 сентября 2001 года. Во всем мире новые меры безопасности, такие как использование широко распространенных камер, требование электронных удостоверений личности и регистрация сотрудников или посетителей, стали нормой. В то время эти меры считались экстремальными, но сегодня они используются повсеместно и считаются «нормальными». Все большее число аналитиков, политиков и специалистов по безопасности опасаются, что то же самое теперь произойдет с техническими решениями, введенными для сдерживания пандемии. Они предвидят перед нами антиутопический мир.

1.6.3. Риск антиутопии

Теперь, когда информационные и коммуникационные технологии пронизывают почти все аспекты нашей жизни и формы социального участия, любой цифровой опыт, который мы имеем, можно превратить в «продукт», предназначенный для мониторинга и прогнозирования нашего поведения. Риск возможной антиутопии проистекает из этого наблюдения. За последние несколько лет он создал бесчисленное количество произведений искусства, от романов, таких как «Рассказ служанки», до сериала «Черное зеркало». В академических кругах это находит свое выражение в исследованиях, проведенных такими учеными, как Шошана Зубофф. В ее книге «Капитализм слежения» содержится предупреждение о том, что клиенты заново изобретают в качестве источников данных, а «капитализм слежки» трансформирует нашу экономику, политику, общество и нашу собственную жизнь, создавая глубоко антидемократическую асимметрию знаний и силу, которая нарастает в знаниях.

В ближайшие месяцы и годы выбор между пользой для общественного здравоохранения и потерей конфиденциальности будет тщательно взвешен, что станет темой многих оживленных разговоров и горячих споров. Большинство людей, опасаясь опасности, исходящей от COVID-19, спросят: разве не глупо не использовать мощь технологий, чтобы прийти нам на помощь, когда мы становимся жертвами эпидемии и сталкиваемся с опасностью жизни или смерти? ситуация? Тогда они будут готовы отказаться от частной жизни и согласятся, что в таких обстоятельствах государственная власть может по праву преобладать над правами личности. Затем, когда кризис закончится, некоторые могут понять, что их страна внезапно превратилась в место, где они больше не хотят жить. В этом мыслительном процессе нет ничего нового. За последние несколько лет, и правительства, и фирмы используют все более изощренные технологии для мониторинга граждан и сотрудников, а иногда и манипулирования ими; Если мы не проявим бдительности, предупреждают защитники конфиденциальности, пандемия станет важным переломным моментом в

истории слежки.^[127] Аргумент, выдвигаемый теми, кто больше всего боится захвата технологий за личную свободу, ясен и прост: во имя общественного здравоохранения некоторые элементы личной жизни будут отброшены ради сдерживания эпидемии, как и террористические атаки События 11 сентября привели к усилению и постоянной безопасности во имя защиты общественной безопасности. Тогда, не осознавая этого, мы станем жертвами новых полномочий наблюдения, которые никогда не отступят и которые могут быть перепрофилированы в качестве политического средства для достижения более зловещих целей.

Как показали последние несколько страниц, вне всяких разумных сомнений, пандемия может открыть эру активного наблюдения за здоровьем, которое стало возможным благодаря смартфонам для определения местоположения, камерам с распознаванием лиц и другим технологиям, которые определяют источники инфекции и отслеживают распространение болезни в квази-реальное время.

Несмотря на все меры предосторожности, которые некоторые страны принимают для контроля мощи технологий и ограничения слежки (другие не очень обеспокоены), некоторые мыслители беспокоятся о том, как некоторые из быстрых решений, которые мы делаем сегодня, повлияют на наши общества на долгие годы. Историк Ювал Ной Харари - один из них. В недавней статье он утверждает, что у нас будет фундаментальный выбор между тоталитарным надзором и расширением прав и возможностей граждан. Стоит подробно изложить его аргумент:

Технологии видеонаблюдения развиваются с головокружительной скоростью, и то, что 10 лет назад казалось научной фантастикой, сегодня является устаревшей новостью. В качестве мысленного эксперимента рассмотрим гипотетическое правительство, которое требует, чтобы каждый гражданин носил биометрический браслет, отслеживающий температуру тела и частоту сердечных сокращений 24 часа в сутки. Полученные данные накапливаются и анализируются правительственными алгоритмами. Алгоритмы будут знать, что вы больны, еще до того, как вы это узнаете, а также узнают, где вы были и с кем встречались. Цепи заражения можно резко сократить или даже полностью сократить. Такая система, возможно, могла бы остановить эпидемию в течение нескольких дней. Звучит замечательно, правда? Обратной стороной, конечно же, является то, что это придаст легитимность ужасающей новой системе наблюдения. Если вы знаете, например, что я щелкнул ссылку Fox News, а не ссылку CNN, которая может научить вас кое-чему о моих политических взглядах и, возможно, даже о моей личности. Но если вы сможете следить за тем, что происходит с моей температурой, кровяным давлением и частотой сердечных сокращений, пока я смотрю видеоклип, вы можете узнать, что заставляет меня смеяться, что заставляет меня плакать и что действительно заставляет меня сердиться. Очень важно помнить, что гнев, радость, скука и любовь - это биологические явления, такие же как жар и кашель. Та же технология, которая определяет кашель, может также определять смех. Если корпорации и правительства начнут массово собирать наши биометрические данные, они смогут узнать нас намного лучше, чем мы знаем самих себя, и тогда они смогут не только предсказывать наши чувства, но и манипулировать нашими чувствами и продавать нам все, что они хотят - будь то продукт или политик. Биометрический мониторинг сделает тактику взлома данных Cambridge Analytica чем-то вроде каменного века. Представьте себе Северную Корею в 2030 году, когда каждый гражданин должен носить биометрический браслет 24 часа в сутки. Если вы слушаете речь Великого Вождя, и браслет улавливает явные признаки гнева, вам конец.^[128]

Нас предупредили! Некоторые социальные комментаторы, такие как Евгений Морозов, идут еще дальше, убежденные, что пандемия предвещает темное будущее техно-тоталитарного государственного надзора. Его аргумент, основанный на концепции «технологического решения», выдвинутой в книге, написанной в 2012 году, утверждает, что технические «решения», предлагаемые для сдерживания пандемии, обязательно выведут состояние наблюдения на новый уровень. Он видит свидетельство этого в двух различных направлениях «решения» в ответных мерах правительства на пандемию, которую он выявил. С одной стороны, есть «прогрессивные сторонники решения», которые считают, что надлежащее раскрытие через приложение нужной информации об инфекции может заставить людей действовать в интересах общества. С другой стороны, есть «карательные решения», полные решимости использовать обширную инфраструктуру цифрового наблюдения, чтобы ограничить нашу повседневную деятельность и наказать за любые нарушения. Что Морозов считает величайшей и высшей опасностью для наших политических систем и свобод, так это то, что «успешный» пример технологий в мониторинге и сдерживании пандемии затем «укрепит инструментарий сторонников решения в качестве варианта по умолчанию для решения всех других экзистенциальных проблем».

- от неравенства к изменению климата. В конце концов, гораздо проще использовать технологии решения проблем, чтобы влиять на индивидуальное поведение, чем задавать сложные политические вопросы о коренных причинах этих кризисов».^[129]

Спиноза, философ 17 века, который всю свою жизнь сопротивлялся репрессивной власти, сказал знаменитую фразу: «Страх не может быть без надежды, а надежда - без страха». Это хороший

руководящий принцип для завершения этой главы, а также мысль о том, что нет ничего неизбежного и что мы должны симметрично осознавать как хорошие, так и плохие результаты. Сценарии-антиутопии - это не смертельный исход. Это правда, что в постпандемическую эпоху личное здоровье и благополучие станут гораздо более важными приоритетами для общества, поэтому джинна технического надзора не вернут обратно в бутылку. Но это для тех, кто управляет, и каждый из нас лично может контролировать и использовать преимущества технологий, не жертвуя нашими индивидуальными и коллективными ценностями и свободами.

2. Микро-сброс (Промышленность и бизнес)

На микроуровне, на уровне отраслей и компаний, Великая перезагрузка повлечет за собой долгую и сложную серию изменений и адаптации. Столкнувшись с этим, у некоторых лидеров отрасли и высшего руководства может возникнуть соблазн приравнять перезагрузку к перезагрузке, надеясь вернуться к старым нормам и восстановить то, что работало в прошлом: традиции, проверенные процедуры и знакомые способы работы - короче говоря, возвращение к работе в обычном режиме. Этого не произойдет, потому что этого не может быть. По большей части «обычный бизнес» умер от (или, по крайней мере, был заражен) COVID-19. Некоторые отрасли были опустошены экономической спячкой, вызванной изоляцией и мерами социального дистанцирования. Другим будет сложно восстановить упущенные доходы, прежде чем они пойдут по все более узкому пути к прибыльности, вызванному экономическим спадом, охватившим мир. Однако для большинства предприятий, вступающих в пост-коронавирусное будущее, ключевой проблемой будет найти подходящий баланс между тем, что функционировало раньше, и тем, что необходимо сейчас для процветания в условиях новой нормальной жизни. Для этих компаний пандемия - уникальная возможность переосмыслить свою организацию и добиться позитивных, устойчивых и долговременных изменений.

Что определит новую норму в бизнес-ландшафте после коронавируса? Как компании смогут найти наилучшее возможное равновесие между прошлым успехом и основными принципами, необходимыми сейчас для успеха в постпандемическую эпоху? Очевидно, что ответные меры зависят от каждой отрасли и от той серьезности, с которой она пострадала от пандемии. В эпоху после COVID-19, за исключением тех немногих секторов, в которых компании в среднем выиграют от сильного попутного ветра (в первую очередь, технологий, здоровья и благополучия), путь будет сложным, а иногда и опасным. Для некоторых, таких как развлечения, путешествия или гостеприимство, возвращение в среду, существовавшую до пандемии, является невообразимым в обозримом будущем (а может и никогда в некоторых случаях...). Для других, а именно для производства или продуктов питания, это больше связано с поиском способов приспособиться к шоку и извлечь выгоду из некоторых новых тенденций (например, цифровых) для процветания в постпандемическую эпоху. Размер тоже имеет значение. Трудности, как правило, больше для малых предприятий, которые в среднем работают с меньшими денежными резервами и более низкой маржой прибыли, чем крупные компании. В дальнейшем большинство из них будет иметь дело с соотношением затрат и доходов, которое поставит их в невыгодное положение по сравнению с более крупными конкурентами. Но маленький размер может дать некоторые преимущества в современном мире, где гибкость и скорость могут иметь решающее значение с точки зрения адаптации. Быть проворным для небольшой конструкции легче, чем для промышленного гиганта.

Все это говорит о том, что независимо от отрасли и конкретной ситуации, в которой они находятся, почти каждая компания, принимающая решения, по всему миру столкнется с аналогичными проблемами и будет вынуждена отвечать на некоторые общие вопросы и проблемы. Наиболее очевидные из них:

Должен ли я поощрять удаленную работу для тех, кто может это сделать (около 30% от общей численности рабочей силы в США)?

Смогу ли я сократить количество авиаперелетов в моем бизнесе и сколько личных встреч я могу эффективно заменить виртуальными взаимодействиями?

Как я могу преобразовать бизнес и наш процесс принятия решений, чтобы стать более гибкими и действовать быстрее и решительнее?

Как я могу ускорить оцифровку и внедрение цифровых решений?

Сброс макроса, описанный в главе 1, приведет к множеству микропоследствий на уровне отрасли и компании. Ниже мы рассмотрим некоторые из этих основных тенденций, прежде чем перейти к вопросу о

том, кто является «победителями и проигравшими» от пандемии и ее последствий для конкретных отраслей.

2.1. Микротренды

Мы все еще находимся в начальной стадии постпандемической эры, но новые мощные или ускоряющиеся тенденции уже действуют. Для одних отраслей это окажется благом, для других - серьезной проблемой. Однако во всех секторах каждая компания должна будет извлечь максимальную пользу из этих новых тенденций, приспосабливаясь к ним быстро и решительно. Наиболее динамичными и гибкими окажутся те, которые станут сильнее.

2.1.1. Ускорение оцифровки

В предпандемическую эпоху шума о «цифровой трансформации» была лозунгом большинства советов директоров и исполнительных комитетов. Цифровые технологии были «ключом», их нужно было «решительно» внедрять, и они рассматривались как «предпосылка успеха»! С тех пор, всего за несколько месяцев, мантра стала обязательной - даже в случае некоторых компаний - вопросом жизни или смерти. Это объяснимо и понятно. Во время заключения мы полностью зависели от Интернета в большинстве вещей: от работы и образования до социализации. Именно онлайн-сервисы позволили нам сохранить подобие нормальности, и вполне естественно, что «онлайн» должен стать самым крупным бенефициаром пандемии, дав огромный импульс технологиям и процессам, которые позволяют нам делать что-то удаленно: универсальный широкополосный интернет, мобильные и удаленные платежи, и работоспособные услуги электронного правительства, среди прочего. Как прямое следствие, предприятия, которые уже работали в сети, непременно извлекут выгоду из длительного конкурентного преимущества. По мере того, как через наши мобильные устройства и компьютеры к нам будет поступать все больше разнообразных вещей и услуг, компании в столь разных секторах, как электронная коммерция, бесконтактные операции, цифровой контент, роботы и доставка дронов (и это лишь некоторые из них), будут процветать. Не случайно такие компании, как Alibaba, Amazon, Netflix или Zoom, вышли «победителями» из изоляции. поставки роботов и дронов (и это лишь некоторые из них) будут процветать. Не случайно такие компании, как Alibaba, Amazon, Netflix или Zoom, вышли «победителями» из изоляции.

По большому счету, потребительский сектор продвигался вперед и быстрее всех. От необходимого бесконтактного опыта, навязанного многим пищевым и розничным компаниям во время изоляции, до виртуальных демонстрационных залов в обрабатывающей промышленности, позволяющие клиентам просматривать и выбирать продукты, которые им больше всего нравятся, большинство компаний, работающих с потребителями, быстро осознали необходимость предложить своим клиентам «от начала до конца» цифровое путешествие.

Когда некоторые ограничения подошли к концу и некоторые экономики вернулись к жизни, аналогичные возможности возникли в приложениях для взаимодействия бизнес-бизнес, особенно в производстве, где правила физического дистанцирования приходилось вводить в короткие сроки, часто в сложных условиях (например, на сборочные линии). Как прямой результат, IoT добился впечатляющих успехов. Некоторые компании, которые в недавнем периоде, предшествовавшем блокировке, не спешили внедрять IoT, теперь массово внедряют его с конкретной целью - делать как можно больше удаленно. Техническое обслуживание оборудования, управление инвентаризацией, отношения с поставщиками или стратегии безопасности: все эти различные действия теперь могут выполняться (в значительной степени) с помощью компьютера. Интернет вещей предлагает компаниям не только средства для выполнения и соблюдения правил социального дистанцирования,

Во время пика пандемии O2O - от онлайн до офлайн - приобрел большую популярность, подчеркнув важность присутствия как онлайн, так и офлайн, и открыв дверь (или, возможно, даже шлюзы) к эверсии. Это явление размывания границ между онлайн и офлайн, как определил известный писатель-фантаст Уильям Гибсон, заявивший: «Наш мир постоянно меняется».^[130] с неуклонно расширяющимся киберпространством стало одной из самых мощных тенденций эпохи после COVID-19. Пандемический кризис ускорил это явление эверсии, потому что он одновременно и подтолкнул, и побудил нас к цифровому, «невесомому» миру быстрее, чем когда-либо, поскольку все больше и больше экономической деятельности не имело другого

выбора, кроме как происходить в цифровом формате: образование, консалтинг, публикации и многое другое. Мы могли бы пойти дальше и сказать, что на какое-то время телепортация вытеснила транспорт: большинство заседаний исполнительного комитета, заседаний совета директоров, встреч команд, мозговых штурмов и других форм личного или социального взаимодействия должны были проходить удаленно. Эта новая реальность отражена в рыночной капитализации Zoom (компания, занимающейся видеоконференцсвязью), которая резко выросла до 70 миллиардов долларов в июне 2020 года, выше (на тот момент), чем у любой авиакомпании США. Одновременно с этим крупные онлайн-компании, такие как Amazon и Alibaba, решительно расширились в сфере O2O, особенно в сфере розничной торговли продуктами питания и логистики.

Такие тенденции, как телемедицина или удаленная работа, которые широко расширились во время заключения, вряд ли отступят - для них не будет возврата к статус-кво, который преобладал до пандемии. В частности, значительно выиграет телемедицина. По очевидным причинам здравоохранение является одной из самых жестко регулируемых отраслей в мире, что неизбежно замедляет темпы инноваций. Но необходимость бороться с пандемией любыми доступными средствами (плюс, во время вспышки, необходимость защищать медицинских работников, позволяя им работать удаленно) устранила некоторые нормативные и законодательные препятствия, связанные с внедрением телемедицины. Несомненно, что в будущем больше медицинских услуг будет оказываться удаленно. Это, в свою очередь, ускорит тенденцию к более портативной диагностике и диагностике в домашних условиях. Например, умные туалеты, способные отслеживать данные о состоянии здоровья и выполнять анализ состояния здоровья. Точно так же пандемия может оказаться благом для онлайн-образования. В Азии переход к онлайн-обучению был особенно заметным: резко увеличилось число студентов, обучающихся в цифровом формате, значительно повысилась стоимость предприятий онлайн-образования и увеличился капитал для стартапов в сфере образовательных технологий. Обратной стороной медали будет усиление давления на учебные заведения, предлагающие более традиционные методы обучения, чтобы подтвердить свою ценность и оправдать плату за обучение (как мы подробнее остановимся на этом чуть позже). Гораздо более высокая оценка для предприятий онлайн-образования и больше капитала, доступного для стартапов в сфере образовательных технологий. Обратной стороной медали будет усиление давления на учебные заведения, предлагающие более традиционные методы обучения, чтобы подтвердить свою ценность и оправдать плату за обучение (как мы подробнее остановимся на этом чуть позже). Гораздо более высокая оценка для предприятий онлайн-образования и больше капитала, доступного для стартапов в сфере образовательных технологий. Обратной стороной медали будет усиление давления на учебные заведения, предлагающие более традиционные методы обучения, чтобы подтвердить свою ценность и оправдать плату за обучение (как мы подробнее остановимся на этом чуть позже).

Скорость расширения просто захватывала дух. «В Великобритании менее 1% первичных медицинских консультаций проходили по видеосвязи в 2019 году; в условиях блокировки 100 процентов происходят удаленно. В другом примере ведущий розничный торговец в США в 2019 году хотел запустить бизнес по доставке через границу; в планах - 18 месяцев. Во время блокировки он заработал менее чем за неделю, что позволило ему обслуживать своих клиентов, сохраняя при этом средства к существованию своей рабочей силы. Взаимодействие с онлайн-банкингом выросло до 90 процентов во время кризиса с 10 процентов, без снижения качества и повышения уровня соответствия, обеспечивая при этом обслуживание клиентов, которое касается не только онлайн-банкинга».^[131] Подобных примеров предостаточно.

Социальные меры по смягчению последствий пандемии и меры физического дистанцирования, введенные во время заключения, также приведут к тому, что электронная коммерция станет все более мощной отраслевой тенденцией. Потребителям нужны продукты, и, если они не могут делать покупки, они неизбежно прибегнут к покупке их в Интернете. По мере того, как эта привычка срабатывает, люди, которые никогда раньше не совершали покупки в Интернете, начнут это делать, в то время как люди, которые раньше были онлайн-покупателями неполный рабочий день, по-видимому, будут больше полагаться на нее. Это стало очевидным во время карантина. В США Amazon и Walmart наняли в общей сложности 250 000 сотрудников, чтобы не отставать от растущего спроса, и создали обширную инфраструктуру для работы в Интернете. Этот ускоряющийся рост электронной коммерции означает, что гиганты индустрии онлайн-торговли, вероятно, выйдут из кризиса даже сильнее, чем они были в предпандемическую эпоху. У истории всегда есть две стороны: по мере того, как привычка делать покупки в Интернете становится все более распространенной, она будет еще больше угнетать обычную розничную торговлю (центральные улицы и торговые центры) - явление, которое более подробно рассматривается в следующих разделах.

2.1.2. Устойчивые цепочки поставок

Сама природа глобальных цепочек поставок и их врожденная хрупкость означает, что споры о их сокращении назревали годами. Они, как правило, сложны в управлении. Их также трудно контролировать с точки зрения соблюдения экологических стандартов и трудового законодательства, что потенциально подвергает компании риску репутации и нанесению ущерба их брендам. В свете этого тревожного прошлого пандемия забила последний гвоздь в крышку гроба принципа, согласно которому компании должны оптимизировать цепочки поставок на основе затрат на отдельные компоненты и в зависимости от единого источника поставок критически важных материалов, что в итоге означает предпочтение эффективности над гибкостью. В постпандемическую эпоху преобладает «сквозная оптимизация стоимости», идея, которая включает в себя устойчивость и эффективность наряду с затратами.

Шоки для глобальных цепочек поставок, проанализированные в макро-разделе, в равной степени затронут как глобальные компании, так и небольшие компании. Но что на практике означает «на всякий случай»? Модель глобализации, разработанная в конце прошлого века, задуманная и построенная глобальными производственными компаниями, которые искали дешевую рабочую силу, продукты и компоненты, нашла свои пределы. Он раздробил международное производство на все более сложные элементы и привел к созданию системы, работающей точно в срок, которая оказалась чрезвычайно экономичной и эффективной, но при этом чрезвычайно сложной и, как таковая, очень уязвимой (сложность приносит хрупкость и часто приводит к нестабильности). Таким образом, упрощение - это противоядие, которое, в свою очередь, должно способствовать повышению устойчивости. Это означает, что «глобальные производственно-сбытовые цепочки», на которые приходится примерно три четверти всей мировой торговли, неизбежно придут в упадок. Это снижение будет усугубляться новой реальностью, когда компании, зависящие от сложных цепочек поставок точно в срок, больше не могут считать само собой разумеющимся, что тарифные обязательства, закрепленные Всемирной торговой организацией, защитят их от внезапного всплеска протекционизма где-то. В результате они будут вынуждены соответствующим образом подготовиться за счет сокращения или локализации своей цепочки поставок и разработки альтернативных планов производства или закупок для защиты от длительных сбоев. Каждому бизнесу, прибыльность которого зависит от принципа своевременной глобальной цепочки поставок, придется переосмыслить свою работу и, возможно, пожертвовать идеей максимизации эффективности и прибыли ради «безопасности поставок» и устойчивости. Таким образом, устойчивость станет основным критерием для любого бизнеса, серьезно относящегося к страхованию от сбоев - будь то сбой для конкретного поставщика, возможное изменение торговой политики или конкретной страны или региона. На практике это заставит компании диверсифицировать свою базу поставщиков, даже за счет хранения запасов и создания избыточности. Это также заставит эти компании гарантировать, что то же самое верно и в их собственной цепочке поставок: они будут оценивать устойчивость по всей своей цепочке поставок, вплоть до их конечного поставщика и, возможно, даже поставщики своих поставщиков. Затраты на производство неизбежно вырастут, но это будет цена, которую придется заплатить за повышение устойчивости. На первый взгляд, отрасли, которые пострадают больше всего, потому что они первыми изменят структуру производства в автомобилестроении, электронике и промышленном оборудовании.

2.1.3. Правительства и бизнес

По всем причинам, изложенным в первой главе, COVID-19 переписал многие правила игры между государственным и частным секторами. В постпандемическую эпоху бизнес будет подвергаться гораздо большему вмешательству со стороны государства, чем в прошлом. Благожелательное (или иное) более широкое вмешательство правительств в жизнь компаний и ведение их бизнеса будет зависеть от страны и отрасли, поэтому принимает множество различных обликов. Ниже описаны три заметные формы воздействия, которые проявятся с силой в первые месяцы постпандемического периода: условная помощь, государственные закупки и регулирование рынка труда.

Для начала, все пакеты стимулов, составляемые в западных странах для поддержки слабых отраслей и отдельных компаний, будут иметь ковенанты, ограничивающие, в частности, возможность заемщиков увольнять сотрудников, выкупать акции и выплачивать премии руководству. В том же духе правительства (поощряемые, поддерживаемые, а иногда и «подталкиваемые» активистами и общественными настроениями) будут нацелены на подозрительно низкие корпоративные налоги и щедрые высокие вознаграждения руководителям. Они проявят мало терпения по отношению к руководителям высшего звена и инвесторам, которые подталкивают компании тратить больше на обратный выкуп, минимизировать налоговые платежи и выплачивать огромные дивиденды. Американские авиалинии, обвиняемые в обращении за государственной помощью, в последнее время постоянно использовали большие суммы

денежных средств компании для выплаты дивидендов акционерам, являются ярким примером того, как это изменение общественного отношения будет осуществляться правительствами. Кроме того, в ближайшие месяцы и годы может произойти «смена режима», когда политики возьмут на себя значительную часть риска дефолта частного сектора. Когда это произойдет, правительства захотят что-то взамен. Предоставление Германией помощи Lufthansa олицетворяет такого рода ситуацию: правительство вливало ликвидность национальному перевозчику, но только на условии, что компания ограничивает оплату труда руководителей (включая опционы на акции) и обязуется не выплачивать дивиденды.

Лучшее согласование между государственной политикой и корпоративным планированием будет в центре внимания с точки зрения большего государственного вмешательства. Борьба за аппараты ИВЛ во время пика пандемии демонстрирует, почему. В 2010 году в США по государственному контракту было заказано 40 000 аппаратов ИВЛ, но они так и не были доставлены, что в значительной степени объясняет дефицит в стране, который стал настолько очевидным в марте 2020 года. Что привело к этой ситуации дефицита? В 2012 году первоначальная компания, выигравшая тендер, была куплена (в несколько сомнительных и неясных обстоятельствах) гораздо более крупным производителем (публичная компания, также производящая вентиляторы): позже выяснилось, что покупающая компания хотела помешать первоначальному участнику торгов создание более дешевого вентилятора, который подорвал бы рентабельность собственного бизнеса. Эта компания затянулась, прежде чем в конечном итоге расторгла контракт и в конечном итоге была приобретена конкурентом. Ни один из 40 000 аппаратов ИВЛ так и не был доставлен правительству США.^[132] Маловероятно, что подобная ситуация повторится в постпандемическую эпоху, так как государственные органы дважды подумают о передаче проектов на аутсорсинг, которые имеют критические последствия для общественного здравоохранения (или, действительно, критические последствия для общества, безопасности и т. Итог: максимизация прибыли и краткосрочный подход, который часто сопровождается этим, редко или, по крайней мере, не всегда соответствуют общественной цели подготовки к будущему кризису.

Во всем мире будет усиливаться потребность в улучшении социальной защиты и уровня заработной платы низкооплачиваемых сотрудников. Скорее всего, в нашем постпандемическом мире повышение минимальной заработной платы станет центральным вопросом, который будет решаться посредством более строгого регулирования минимальных стандартов и более тщательного соблюдения уже существующих правил. Скорее всего, компаниям придется платить более высокие налоги и различные формы государственного финансирования (например, услуги по социальному обеспечению). Жилищная экономика ощутит влияние такой политики больше, чем любой другой сектор. До пандемии он уже находился под прицелом правительства. В постпандемическую эпоху по причинам связанным с переопределением общественного договора эта проверка усилится. Компании, которые в своей работе полагаются на гигантов, также почувствуют эффект большего государственного вмешательства, возможно, даже до степени, способной подорвать их финансовую жизнеспособность. Поскольку пандемия радикально изменит социальное и политическое отношение к рабочим концертам, правительства будут заставлять те компании, которые нанимают их, предлагать соответствующие контракты с такими льготами, как социальное страхование и медицинское страхование. Проблема с рабочей силой станет для них серьезной, и, если им придется нанимать гигантов в качестве обычных сотрудников, они перестанут приносить прибыль. Их смысл существования может даже исчезнуть.

2.1.4. Капитализм заинтересованных сторон и ESG

За последние 10 лет или около того фундаментальные изменения, произошедшие в каждой из пяти макрокатегорий, рассмотренных в главе 1, глубоко изменили среду, в которой работают компании. Они сделали капитализм заинтересованных сторон, а также экологические, социальные и управленческие соображения (ESG) все более актуальными для устойчивого создания стоимости (ESG можно рассматривать как критерий капитализма заинтересованных сторон).

Пандемия разразилась в то время, когда множество различных проблем, от активизма в области изменения климата и растущего неравенства до гендерного разнообразия и скандалов #MeToo, уже начали повышать осведомленность и повышать важность капитализма заинтересованных сторон и соображений ESG в сегодняшнем взаимозависимом мире. Независимо от того, поддерживаются они открыто или нет, теперь никто не станет отрицать, что основной целью компаний больше не может быть просто безудержная погоня за финансовой прибылью; теперь они обязаны служить всем своим заинтересованным сторонам, а не только тем, кто владеет акциями. Это подтверждается ранними анекдотическими данными,

указывающими на еще более позитивные перспективы ESG в постпандемическую эпоху. Это можно объяснить тремя способами:

Кризис породит или усилит острое чувство ответственности и безотлагательности по большинству вопросов, относящихся к стратегиям ESG, наиболее важным из которых является изменение климата. Но другие, такие как поведение потребителей, будущая мобильность работы и ответственность за цепочку поставок выйдут на передний план инвестиционного процесса и станут неотъемлемым компонентом должной осмотрительности.

Пандемия не оставляет сомнений в залах заседаний совета директоров в том, что отсутствие соображений ESG может уничтожить значительную стоимость и даже поставить под угрозу жизнеспособность бизнеса. Таким образом, ESG будут более полно интегрированы и включены в основную стратегию и управление компании. Это также изменит способ оценки инвесторами корпоративного управления. Налоговые отчеты, выплаты дивидендов и вознаграждения будут подвергаться все более тщательной проверке из-за опасений понести репутационные потери, когда проблема возникает или становится достоянием общественности.

Укрепление доброй воли сотрудников и общества будет ключом к повышению репутации бренда. Компаниям все чаще и чаще приходится доказывать, что они хорошо относятся к своим работникам, приветствуя улучшенные методы труда и уделяя внимание здоровью и безопасности, а также благополучию на рабочем месте. Компании не обязательно будут придерживаться этих мер, потому что они действительно «хороши», а скорее потому, что «цена» невыполнения этого будет слишком высока с точки зрения гнева активистов, как инвесторов-активистов, так и общественных активистов.

Убеждение в том, что стратегии ESG выиграли от пандемии и, скорее всего, выиграют в дальнейшем, подтверждается различными опросами и отчетами. Ранние данные показывают, что сектор устойчивого развития превзошел обычные фонды в течение первого квартала 2020 года. По данным Morningstar, который сравнил доходность за первый квартал более чем 200 фондов устойчивого развития и биржевых фондов, устойчивые фонды показали лучшие результаты на один-два процентных пункта, в относительном порядке. Отчет BlackRock предлагает дополнительные доказательства того, что компании с высокими рейтингами ESG превзошли своих конкурентов во время пандемии.^[133] Некоторые аналитики предположили, что это превосходство могло просто отразить снижение воздействия ископаемого топлива фондов и стратегий ESG, но BlackRock утверждает, что соответствие требованиям компании ESG (другой способ сказать, что они придерживаются принципа капитализма заинтересованных сторон), как правило, более устойчивы из-за их целостного понимания управления рисками. Кажется, что чем более восприимчивым мир становится к широкому набору макро-рисков и проблем, тем больше необходимость принимать капитализм заинтересованных сторон и стратегии ESG.

Дебаты между теми, кто считает, что капитализм заинтересованных сторон будет принесен в жертву на алтарь восстановления, и теми, кто утверждает, что настало время «строить заново лучше», далеки от завершения. На каждого Майкла О'Лири (генерального директора Ryanair), который считает, что COVID-19 отложит рассмотрение ESG на несколько лет, найдется Брайан Чески (генеральный директор Airbnb), стремящийся преобразовать свой бизнес. в «компанию-участника».^[134] However, irrespective of anybody's opinion about the merits of stakeholder capitalism and ESG strategies and their future role in the post-pandemic era, activism will make a difference by reinforcing the trend. Social activists and many activist investors will scrutinize closely how companies behaved during the pandemic crisis. It is likely that the markets or the consumers, or both, will punish those companies that performed poorly on social issues. An essay co-written in April 2020 by Leo Strine, an influential judge in corporate America, hammers home this point about a necessary change in corporate governance: "We are again paying the price for a corporate governance system that lacks focus on financial soundness, sustainable wealth creation and the fair treatment of workers. For too long, the stock market's power over our economy has grown at the expense of other stakeholders, particularly workers. Although overall wealth has grown, it has done so in a skewed way that is unfair to the bulk of the American workers who are primarily responsible for that increase. The shift toward satisfying insatiable stock market demands has also led to increasing levels of corporate debt and economic risk".^[135]

Для активистов порядочность, проявленная (или не проявленная) компаниями во время кризиса, будет иметь первостепенное значение. В течение многих лет о компаниях будут судить по их действиям - критически не только в узком коммерческом смысле, но и через более широкую социальную призму. Несколько забудут, например, что за последние 10 лет авиакомпания США потратили 96% своего денежного потока на обратный выкуп акций и что в марте 2020 года EasyJet выплатила своим акционерам дивиденды в размере 174 млн фунтов стерлингов (включая 60 миллионов его основателю).^[136]

Активность, которой сейчас могут подвергаться компании, выходит за традиционные рамки социальной активности (со стороны посторонних) и активности инвесторов; с активизмом сотрудников он расширяется внутри компании. В мае 2020 года, когда эпицентр пандемии перемещался из США в Латинскую Америку,

сотрудникам Google, воодушевленным отчетом, опубликованным Greenpeace, удалось убедить компанию больше не создавать собственные алгоритмы искусственного интеллекта и машинного обучения для добычи полезных ископаемых. нефтегазовая промышленность.[137]. Несколько таких примеров в недавнем прошлом иллюстрируют растущую активность сотрудников, начиная от экологических проблем и заканчивая социальными проблемами и проблемами инклюзивности. Они служат наглядным примером того, как разные типы активистов учатся работать вместе для достижения целей по достижению более устойчивого будущего.

Одновременно резко возросла самая старая форма активизма: забастовки. В частности, в США, в то время как многие белые воротнички справлялись с пандемией, работая из дома, многие низкооплачиваемые основные рабочие «в окопах», которым не оставалось ничего другого, кроме как пойти на работу, устроили волну забастовок и протесты.^[138] По мере того, как вопросы безопасности работников, оплаты труда и льгот становятся все более важными, повестка дня капитализма заинтересованных сторон будет приобретать все большую актуальность и силу.

2.2. Перезагрузка отрасли

В результате карантина пандемия незамедлительно отразилась на всех возможных отраслях промышленности по всему миру. Это влияние продолжается и будет ощущаться в ближайшие годы. По мере изменения конфигурации глобальных цепочек поставок, изменения потребительского спроса, увеличения вмешательства правительств, развития рыночных условий и нарушения технологий компании будут вынуждены постоянно адаптироваться и изобретать себя заново. Цель этого раздела - не дать точный отчет о том, как может развиваться каждая конкретная отрасль, а, скорее, проиллюстрировать мазками кисти импрессионистов, как некоторые из основных характеристик и тенденций, связанных с пандемией, повлияют на конкретные отрасли.

2.2.1. Социальное взаимодействие и уплотнение

Воздействие на путешествия и туризм, гостиничный бизнес, развлечения, розничную торговлю, аэрокосмическую промышленность и даже автомобильную промышленность.

Пандемия существенно повлияла на то, как потребители взаимодействуют друг с другом, а также на то, что и как они потребляют. Следовательно, последующий перезапуск в разных отраслях будет фундаментально отличаться в зависимости от характера экономической операции. В тех отраслях, где потребители осуществляют социальные и личные транзакции, первые месяцы и, возможно, годы постпандемической эры будут намного сложнее, чем в тех, где транзакция может осуществляться на большем физическом расстоянии или даже виртуально. В современной экономике большая часть того, что мы потребляем, происходит в результате социального взаимодействия: путешествия и отдых, бары и рестораны, спортивные мероприятия и розничная торговля, кинотеатры и театры, концерты и фестивали, съезды и конференции, музеи и библиотеки, образование: все они соответствуют социальным формам потребления, которые составляют значительную часть общей экономической активности и занятости (услуги составляют около 80% всех рабочих мест в США, большинство из которых являются «социальными» по своей природе). Они не могут происходить в виртуальном мире или, когда могут, только в усеченной и часто неоптимальной форме (например, живое выступление оркестра на экране). Сильнее всего пострадали отрасли, в основе которых лежит социальное взаимодействие. Среди них много секторов, которые составляют очень значительную долю от общей экономической активности и занятости: путешествия и туризм, досуг, спорт, мероприятия и развлечения. В течение месяцев, а возможно, и лет они будут вынуждены работать на ограниченной мощности, столкнувшись с двойным ударом страха перед вирусом, ограничивающим потребление, и введением правил, направленных на противодействие этим страхам путем создания большего физического пространства между потребителями. Общественное давление с целью физического дистанцирования будет продолжаться до тех пор, пока вакцина не будет разработана и коммерциализирована в большом масштабе (что, опять же, по мнению большинства экспертов, вряд ли произойдет раньше первого или второго квартала 2021 года). В промежуточный период люди, вероятно, будут меньше путешествовать как в отпуске, так и по делам, реже будут ходить в рестораны, кинотеатры и театры, и могут решить, что безопаснее покупать в Интернете, чем физически ходить в магазины. По этим фундаментальным причинам отрасли, наиболее сильно пострадавшие от пандемии, будут медленнее всего восстанавливаться. Отели, рестораны,

авиакомпания, магазины и культурные объекты, в частности, будут вынуждены внести дорогостоящие изменения в способ доставки своих предложений, чтобы адаптироваться к новой норме после пандемии, которая потребует внесения радикальных изменений, включая введение дополнительного пространства. регулярная уборка, защита персонала и технологии, ограничивающие взаимодействие клиентов с рабочими.

Во многих из этих отраслей, но особенно в сфере гостеприимства и розничной торговли, малые предприятия пострадают непропорционально, поскольку им придется балансировать на очень тонкой грани между выживанием после закрытия предприятий, вызванных ограничениями (или резким сокращением бизнеса), и банкротством. Работа на ограниченной мощности с еще более жесткой прибылью означает, что многие из них не выживут. Последствия их неудачи будут иметь серьезные последствия как для национальной экономики, так и для местных сообществ. Малый бизнес является основным двигателем роста занятости и в большинстве стран с развитой экономикой обеспечивает половину всех рабочих мест в частном секторе. Если значительное количество из них упадет до стены, если в определенном районе будет меньше магазинов, ресторанов и баров, это повлияет на всю общину, поскольку рост безработицы и сокращение спроса приведет к порочной и нисходящей спирали, затрагивающей все большее количество малых предприятий в конкретном сообществе. В конечном итоге рябь выйдет за пределы местного сообщества, затронув, хотя, надеюсь, в меньшей степени, другие более отдаленные районы. В высшей степени взаимозависимый и взаимосвязанный характер сегодняшней экономики, отраслей и предприятий, сравнимый с динамикой, связывающей макрокатегории, означает, что каждая из них оказывает быстрое копирующее воздействие на другие множеством различных способов. Возьмите рестораны. Этот сектор деятельности пострадал от пандемии до такой степени, что даже не известно, как ресторанный бизнес когда-либо вернется. Как сказал один ресторатор: «Я, как и сотни других шеф-поваров по всему городу и тысячи поваров по всей стране, сейчас смотрю на вопрос о том, какие наши рестораны,^[139] Во Франции и Великобритании, по оценкам нескольких представителей отрасли, до 75% независимых ресторанов могут не пережить карантин и последующие меры социального дистанцирования. Крупные сети и гиганты быстрого питания сделают это. Это, в свою очередь, говорит о том, что крупный бизнес станет больше, а самый мелкий сократится или исчезнет. Например, у крупной сети ресторанов больше шансов остаться в рабочем состоянии, поскольку она извлекает выгоду из большего количества ресурсов и, в конечном итоге, меньшей конкуренции в результате банкротств среди более мелких предприятий. Маленьким рестораникам, пережившим кризис, придется полностью заново изобретать себя. Между тем, в случаях, когда двери закрываются навсегда, закрытие повлияет не только на ресторан и его непосредственный персонал, но и на все предприятия, работающие на его орбите: поставщиков, фермеров и водителей грузовиков.

На другом конце диапазона размеров некоторые очень крупные компании попадут в такое же затруднительное положение, как и очень маленькие. В частности, авиакомпании столкнутся с аналогичными ограничениями с точки зрения потребительского спроса и правил социального дистанцирования. Трехмесячный останов поставил перевозчиков по всему миру в катастрофическую ситуацию с практически нулевым доходом и перспективой сокращения десятков тысяч рабочих мест. British Airways, например, объявила, что сократит до 30% своего нынешнего штата, насчитывающего 42 000 сотрудников. На момент написания (середина июня 2020), перезагрузка может вот-вот начаться. Это будет чрезвычайно сложно, и ожидается, что на восстановление уйдут годы. Улучшение начнется с туристических поездок, а за ними последуют корпоративные поездки. Однако, как обсуждается в следующем разделе, потребительские привычки могут навсегда измениться. Если многие компании решат меньше путешествовать, чтобы сократить расходы и по возможности заменить физические встречи виртуальными, то влияние на восстановление и конечную прибыльность авиакомпаний может быть драматичным и длительным. До пандемии на корпоративные поездки приходилось 30% оборота авиакомпаний, но 50% доходов (благодаря более высоким ценам на места и бронированию в последнюю минуту). В будущем это должно измениться, что сделает результаты рентабельности некоторых отдельных авиакомпаний весьма неопределенными.

При оценке окончательного воздействия на конкретную отрасль, полная цепочка последствий должна принимать во внимание то, что происходит в смежных отраслях, судьба которых во многом зависит от того, что происходит в одной восходящей или «наверху». Чтобы проиллюстрировать это, мы кратко рассмотрим три отрасли, которые полностью зависят от авиационного сектора: аэропорты (инфраструктура и розничная торговля), самолеты (аэрокосмическая промышленность) и аренда автомобилей (автомобилестроение).

Аэропорты сталкиваются с теми же проблемами, что и авиакомпании: чем меньше людей летают, тем меньше они проходят через аэропорты. Это, в свою очередь, влияет на уровень потребления в различных магазинах и ресторанах, составляющих экосистему всех международных аэропортов по всему миру. Кроме

того, опыт аэропортов в мире после COVID-19, предполагающий более длительное время ожидания, строгое ограничение ручной клади или даже отсутствие ручной клади и другие потенциально неудобные меры социального дистанцирования, может подорвать желание потребителей путешествовать по воздуху для удовольствия и отдыха. Различные торговые ассоциации предупреждают, что реализация политики социального дистанцирования не только ограничит пропускную способность аэропорта до 20-40%, но также, вероятно, сделает весь опыт настолько неприятным, что станет сдерживающим фактором.

Резко пострадавшие от блокировки, авиакомпании начали отменять или откладывать заказы на новые самолеты и менять свой выбор конкретной модели, что серьезно повлияло на аэрокосмическую отрасль промышленности. Как прямое следствие и в обозримом будущем основные заводы по сборке гражданских самолетов будут работать с пониженной производительностью, что окажет каскадное воздействие на всю их производственно-сбытовую цепочку и сеть поставщиков. В более долгосрочной перспективе изменения спроса со стороны авиакомпаний, которые переоценивают свои потребности, приведут к полной переоценке производства гражданских самолетов. Это делает оборонный аэрокосмический сектор исключением и относительно безопасным убежищем. Для национальных государств неопределенная геополитическая перспектива делает необходимым поддерживать заказы и закупки, но ограниченные денежные средства правительства потребуют более выгодных условий оплаты.

Как и аэропорты, компании по аренде автомобилей почти полностью зависят от объемов авиации. Hertz, компания с крупной задолженностью, с парком из 700 000 автомобилей, подавляющее большинство простаивающих во время карантина, подала заявление о банкротстве в мае. Как и для многих других компаний, COVID-19 стал пресловутой последней каплей.

2.2.2. Поведенческие изменения - постоянные или временные

Влияние на торговлю, недвижимость и образование

Некоторые изменения в поведении, наблюдаемые во время карантина, вряд ли будут полностью отменены в постпандемическую эпоху, а некоторые могут даже стать постоянными. Как именно это будет развиваться, остается очень неясным. Некоторые модели потребления могут вернуться к долгосрочным линиям тренда (сравнимым с авиаперелетами после 11 сентября), хотя и измененными темпами. Другие, несомненно, будут ускоряться, например, онлайн-сервисы. Некоторые из них могут быть отложены, например покупка автомобиля, в то время как могут появиться новые постоянные модели потребления, такие как покупки, связанные с более экологичной мобильностью.

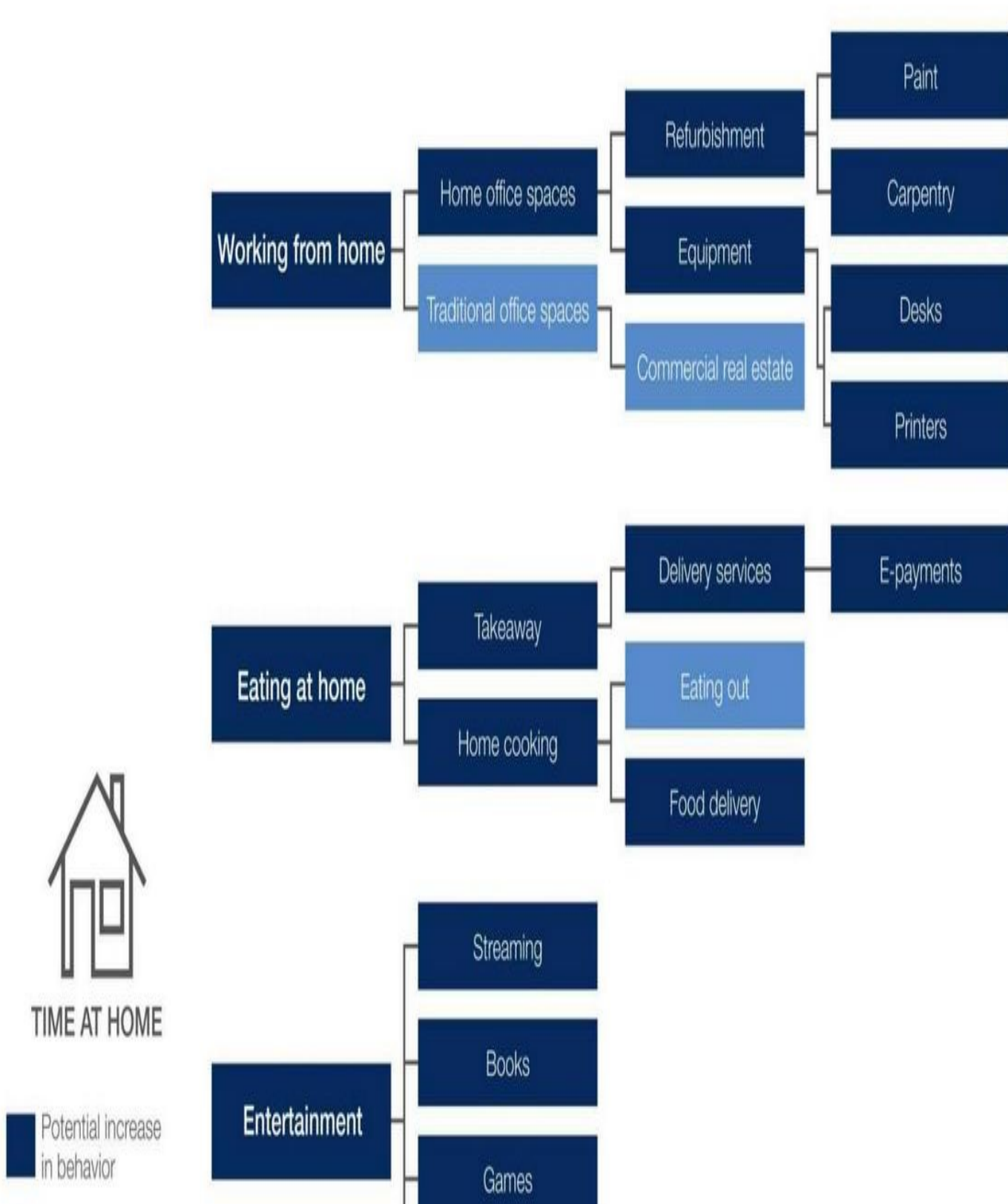
Многое из этого до сих пор неизвестно. Во время карантина многие потребители были вынуждены учиться делать что-то самостоятельно (печь хлеб, готовить с нуля, стричь волосы и т. д.) И чувствовали необходимость тратить деньги с осторожностью. Насколько укоренились эти новые привычки и формы «сделай сам» и самопотребление в постпандемическую эпоху? То же самое может относиться к студентам, которые в некоторых странах платят непомерную плату за высшее образование. После семестра, проведенного в наблюдении за своими профессорами на экранах, начнут ли они сомневаться в высокой стоимости обучения?

Чтобы понять чрезвычайную сложность и неопределенность этой эволюции потребительского поведения, давайте вернемся к примеру онлайн-покупок в сравнении с розничной продажей при личной встрече. Как уже говорилось, весьма вероятно, что обычные магазины серьезно проиграют в пользу покупок в Интернете. Потребители могут быть готовы заплатить немного больше, чтобы им доставляли тяжелые и громоздкие товары, такие как бутылки и предметы домашнего обихода. Таким образом, торговые площади супермаркетов сократятся, превратившись в магазины повседневного спроса, в которых покупатели идут за относительно небольшими количествами определенных продуктов питания. Но также может случиться так, что в ресторанах будет потрачено меньше денег, что свидетельствует о том, что в местах, где большая часть продовольственного бюджета традиционно идет на рестораны (например, 60% в Нью-Йорке), эти средства можно было бы направить на пользу городских супермаркетов, поскольку горожане заново откроют для себя удовольствие от приготовления пищи дома. То же самое может случиться и с развлекательным бизнесом. Пандемия может усилить наше беспокойство по поводу сидения в замкнутом пространстве с совершенно незнакомыми людьми, и многие люди могут решить, что оставаться дома, чтобы посмотреть последний фильм или оперу, - самый разумный вариант. Такое решение пойдет на пользу местным супермаркетам в ущерб барам и ресторанам (хотя возможность доставки еды на вынос через Интернет может быть спасением для последних). Было множество примеров того, как это происходило разовым образом в городах по всему миру во время изоляции. Может ли это стать важным

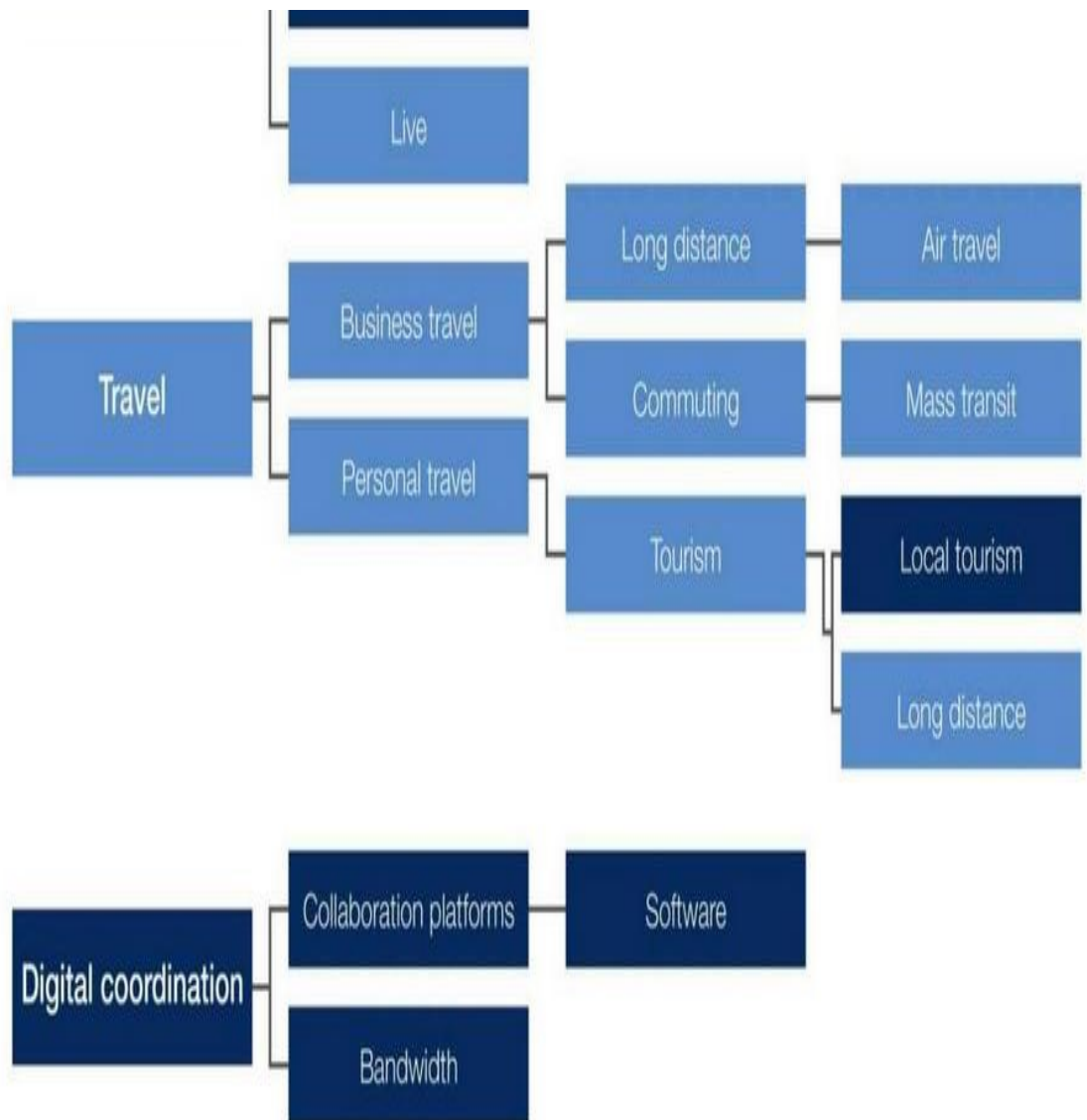
элементом нового плана бизнес-выживания некоторых ресторанов после COVID-19? Есть и другие эффекты первого раунда, которые гораздо легче предвидеть. Чистота - одна из них. Пандемия, безусловно, повысит наше внимание к гигиене. Новая одержимость чистотой, в частности, повлечет за собой создание новых форм упаковки. Нас попросят не трогать продукты, которые мы покупаем. Простые удовольствия, такие как запах дыни или сжатие фруктов, будут осуждены и даже могут стать делом прошлого.

Одно изменение отношения будет иметь множество различных ответвлений, каждое из которых оказывает определенное влияние на один конкретный аспект промышленности, но в конечном итоге оказывая влияние на множество различных отраслей посредством волновых эффектов. Следующий рисунок иллюстрирует этот момент только с одним изменением: проводить больше времени дома:

Рисунок 2: Возможные последствия проведения большего количества времени дома

Potential decrease
in behavior

Источник: Ривз, Мартин и др., «Определение и формирование эпохи после COVID», BCG. Институт Хендерсона, 3 апреля 2020 г., <https://www.bcg.com/publications/2020/8-ways-компании-могут-формировать-реальность-пост-covid-19.aspx>

Горячие дебаты о том, будем ли мы (и в какой степени) работать удаленно в будущем и, как следствие, проводить больше времени дома, ведутся с момента начала пандемии. Некоторые аналитики утверждают, что фундаментальная привлекательность городов (особенно самых крупных) как динамичных центров экономической активности, социальной жизни и творчества сохранится. Другие опасаются, что коронавирус вызвал фундаментальный сдвиг во взглядах. Они утверждают, что COVID-19 стал переломным моментом, и предсказывают, что во всем мире горожане всех возрастов, столкнувшиеся с недостатками городского загрязнения и недорогое жилье с завышенной ценой, решат переехать в места с большим количеством зелени и пространства, меньше загрязнения и более низкие цены. Еще рано говорить, какой лагерь окажется правым, но несомненно, что даже относительно небольшой процент людей, уезжающих из крупнейших центров (таких как Нью-Йорк, САР Гонконг, Лондон или Сингапур), окажет огромное влияние на многие различные отрасли (прибыль всегда остается на пределе). Нигде эта реальность более очевидна, чем в сфере недвижимости и, в частности, в сфере коммерческой недвижимости.

Индустрия коммерческой недвижимости является важным двигателем глобального роста. Его общая рыночная стоимость превышает стоимость всех акций и облигаций во всем мире вместе взятых. До пандемического кризиса он уже страдал от избытка предложения. Если практика удаленной работы в чрезвычайных ситуациях станет установившейся и широко распространенной привычкой, трудно представить, какие компании (если таковые имеются) поглотят этот избыток предложения, поспешно сдавая в аренду лишние офисные помещения. Возможно, будет несколько инвестиционных фондов,

готовых сделать это, но они будут исключением, так как можно предположить, что падение коммерческой недвижимости еще предстоит. Пандемия сделает с коммерческой недвижимостью то же самое, что и многие другие проблемы (как макро, так и микро): она ускорит и усилит ранее существовавшую тенденцию. Сочетание увеличения числа «зомби» компаний (тех, которые используют заемные средства для финансирования большего объема долга и которые не накопили достаточно денег за последние несколько лет для покрытия своих процентных расходов), обанкротившихся, и увеличения числа людей удаленная работа означает, что арендаторов пустующих офисных зданий будет гораздо меньше. Девелоперы (для большей части самих себя с высокой долей заемных средств) затем начнут испытывать волну банкротств, при этом наиболее крупные и системно важные из них должны будут получать помощь от соответствующих правительств. Поэтому во многих крупных городах по всему миру цены на недвижимость будут падать в течение длительного периода времени, пробивая глобальный пузырь на рынке недвижимости, который создавался годами. В какой-то мере такая же логика применима и к жилой недвижимости в крупных городах. Если тенденция к удаленной работе наберет обороты, сочетание того, что поездки на работу больше не рассматриваются, и отсутствие роста рабочих мест означает, что молодое поколение больше не будет выбирать себе аренду жилья или покупку в дорогих городах. Тогда цены неизбежно упадут. К тому же,

Возможность работать удаленно означает, что крупнейшие центры, которые извлекли выгоду из более высокого экономического роста, чем другие города или регионы в их окрестностях, могут начать терять рабочих в следующем уровне растущих городов. Это явление, в свою очередь, может вызвать волну восходящих звезд городов или регионов, привлекающих людей, ищущих лучшего качества жизни благодаря большему пространству по более доступным ценам.

Несмотря на все вышесказанное, возможно, представление о том, что широко распространенная удаленная работа становится нормой, слишком надумано, чтобы иметь какое-либо значение. Разве мы не слышали так часто, что оптимизация «умственной работы» (на самом деле самый простой сектор для удаленного доступа) зависит от тщательно спроектированной офисной среды? Технологическая индустрия, которая так долго сопротивлялась такому шагу, массово инвестируя в современные университетские городки, теперь меняет свое мнение в свете опыта изоляции. Twitter был первой компанией, взявшей курс на удаленную работу. В мае его генеральный директор Джек Дорси сообщил сотрудникам, что многим из них будет разрешено работать из дома даже после стихания пандемии COVID-19, другими словами - навсегда удаленно. Пандемия сделала возможным то, что еще несколько месяцев назад казалось невообразимым в таких масштабах.

Может ли что-то подобное и столь же разрушительное произойти с высшим образованием? Можно ли представить себе мир, в котором гораздо меньше студентов будут получать образование в университетском городке? В мае или июне 2020 года, в разгар карантина, студенты были вынуждены учиться и получать высшее образование удаленно, и многие в конце семестра задавались вопросом, вернутся ли они физически в свой кампус в сентябре. В то же время университеты начали урезать свои бюджеты, размышляя о том, что эта беспрецедентная ситуация может повлечь за собой для их бизнес-модели. Должны ли они выходить в Интернет или нет? В предпандемическую эпоху большинство университетов предлагали некоторые онлайн-курсы, но всегда воздерживались от полного использования онлайн-образования. Самые известные университеты отказались предлагать виртуальные степени, опасаясь, что это может ослабить их эксклюзивное предложение. делают часть своих преподавателей избыточной и даже угрожают самому существованию физического университетского городка. В постпандемическую эпоху это изменится.

Большинству университетов - особенно дорогим в англосаксонском мире - придется изменить свою бизнес-модель или обанкротиться, потому что COVID-19 сделал ее устаревшей. Если бы онлайн-обучение продолжилось в сентябре (и, возможно, позже), многие студенты не потерпели бы платить такую же высокую плату за виртуальное образование, требуя снижения платы или отсрочки их зачисления. Кроме того, многие потенциальные студенты будут сомневаться в уместности непомерно высоких затрат на высшее образование в мире, омраченном высоким уровнем безработицы. Потенциальное решение может заключаться в гибридной модели. После этого университеты значительно расширили бы онлайн-образование, сохраняя при этом присутствие на кампусе для другой группы студентов. В некоторых случаях это уже было успешно выполнено, особенно в Технологическом институте Джорджии для получения степени магистра компьютерных наук онлайн.^[140] Выбрав этот гибридный путь, университеты расширили бы доступ при одновременном снижении затрат. Однако вопрос в том, является ли эта гибридная модель масштабируемой и воспроизводимой для университетов, у которых нет ресурсов для инвестирования в технологии и эксклюзивную библиотеку первоклассного контента. Но гибридный характер онлайн-образования может также принимать другую форму, объединяя очное и онлайн-обучение в рамках одной учебной программы через онлайн-чаты и использование приложений для обучения и других

форм поддержки и помощи. Это имеет то преимущество, что упрощает процесс обучения, но недостатком является стирание большого аспекта социальной жизни и личных взаимодействий в университетском городке. Летом 2020 года направление тенденции кажется очевидным: мир образования, как и многие другие отрасли, станет частично виртуальным.

2.2.3. Устойчивость

Влияние на крупные технологии, здоровье и благополучие, банковское дело и страхование, автомобильную промышленность, электричество

Во время пандемии качество устойчивости или способность процветать в трудных обстоятельствах приобрело обязательную силу и стало модным словом - везде! Понятно. Для тех, кому посчастливилось оказаться в отраслях, «естественно» устойчивых к пандемии, кризис был не только более терпимым, но и даже источником выгодных возможностей в трудные времена для большинства. Три отрасли, в частности, будут процветать (в совокупности) в постпандемическую эпоху: высокие технологии, здоровье и благополучие. В других отраслях, которые сильно пострадали от кризиса, доказательство устойчивости - это то, что будет иметь значение между восстановлением после внезапного экзогенного шока COVID-19 или падением его жертвой. Банковское дело,

По большому счету, крупные технологии были по преимуществу устойчивой отраслью, поскольку они вышли из этого периода радикальных изменений как самые большие выгоды. Во время пандемии, когда компании и их клиенты были вынуждены перейти на цифровые технологии, ускорить онлайн-планы, освоить новые сетевые инструменты и начать работать из дома, технологии стали абсолютной необходимостью даже для традиционно неохотных клиентов. По этой причине совокупная рыночная стоимость ведущих технологических компаний во время блокировок была рекордной за рекордной и даже снова поднялась выше уровней до начала вспышки. По причинам, раскрытым в других частях этой книги, это явление вряд ли утихнет в ближайшее время, как раз наоборот.

Устойчивость, как и вся передовая практика, начинается дома с нами, поэтому мы можем справедливо предположить, что в постпандемическую эпоху мы коллективно станем лучше осознавать важность нашей собственной физической и психической устойчивости. Желание, движимое большей необходимостью, чувствовать себя физически и психически здоровым, а также необходимость укреплять нашу иммунную систему означают, что благополучие и те секторы оздоровительной индустрии, которые могут помочь в их достижении, станут сильными победителями. Кроме того, роль общественного здравоохранения будет развиваться и расширяться. К благополучию нужно подходить комплексно; мы не можем быть здоровыми индивидуально в нездоровом мире. Следовательно, планетарный уход будет так же важен, как и личный уход, эквивалент, который решительно поддерживает продвижение принципов, которые мы ранее обсуждали, таких как капитализм заинтересованных сторон, круговая экономика и стратегии ESG. На уровне компании, где последствия ухудшения состояния окружающей среды для здоровья становятся все более очевидными, первостепенное значение приобретают такие вопросы, как загрязнение воздуха, управление водными ресурсами и уважение биоразнообразия. Быть «чистым» будет императивом отрасли, а также настоятельной необходимостью, навязанной потребителем.

Как и в любой другой отрасли, цифровые технологии будут играть важную роль в формировании благополучия в будущем. Комбинация ИИ, Интернета вещей, датчиков и носимых технологий позволит по-новому взглянуть на личное благополучие. Они будут следить за тем, как мы себя чувствуем и как мы себя чувствуем, и будут постепенно стирать границы между системами общественного здравоохранения и персонализированными системами создания здоровья - различие, которое в конечном итоге исчезнет. Потоки данных во многих отдельных областях, от нашей окружающей среды до наших личных условий, дадут нам гораздо больший контроль над нашим собственным здоровьем и благополучием. В мире после COVID-19 точная информация о наших углеродных следах, нашем влиянии на биоразнообразие, на токсичность всех ингредиентов, которые мы потребляем, а также на окружающую среду или пространственные контексты, в которых мы развиваемся, приведет к значительному прогрессу с точки зрения нашего понимания коллективного и индивидуального благополучия. Отрасли промышленности должны будут принять к сведению.

Коллективное стремление к устойчивости также способствует развитию спортивной индустрии, тесно связанной с благополучием. Поскольку в настоящее время хорошо известно, что физическая активность в значительной степени способствует здоровью, спорт будет все больше признаваться недорогим инструментом для более здорового общества. Поэтому правительства будут поощрять их занятия, признавая дополнительную выгоду, заключающуюся в том, что спорт является одним из лучших доступных инструментов для инклюзивности и социальной интеграции. Какое-то время социальное

дистанцирование может ограничивать занятия некоторыми видами спорта, что, в свою очередь, пойдет на пользу все более мощному распространению киберспорта. Технологии и цифровые технологии всегда рядом!

Четыре отрасли, которые столкнулись с целым рядом особых проблем, связанных с пандемическим кризисом, иллюстрируют разнообразный характер устойчивости. В банковском деле речь идет о подготовке к цифровой трансформации. В страховании речь идет о подготовке к предстоящим судебным разбирательствам. В автомобилестроении речь идет о готовности к грядущему сокращению цепочек поставок. В электроэнергетическом секторе речь идет о подготовке к неизбежному энергетическому переходу. Проблемы одинаковы в каждой отрасли, и только самые устойчивые и лучше подготовленные компании в каждой из них смогут «спроектировать» успешный результат.

В силу характера своей деятельности, когда случается экономический кризис, банки, как правило, оказываются в эпицентре бури. С COVID-19 риск увеличился вдвое. Во-первых, банки должны подготовиться к тому, что кризис потребительской ликвидности перерастет в серьезный кризис платежеспособности корпораций, и в этом случае их устойчивость будет подвергнута серьезным испытаниям. Во-вторых, они должны приспособиться к тому, как пандемия бросает вызов традиционным банковским привычкам - другой форме устойчивости, которая требует дополнительных возможностей адаптации. Первый риск относится к категории «традиционных» финансовых рисков, к которым у банков были годы, чтобы подготовиться. С этим справляются с помощью буферов капитала и ликвидности, которые должны быть достаточно прочными, чтобы выдержать серьезный шок. В случае кризиса COVID-19, испытание на устойчивость наступит, когда объем неработающих кредитов начнет расти. Совершенно иная ситуация для второй категории рисков. Практически сразу же розничные, коммерческие и инвестиционные банки столкнулись с (часто) неожиданной ситуацией с переходом в интернет. Невозможность лично встретиться с коллегами, клиентами или другими трейдерами, необходимость использовать бесконтактные платежи и призывы регулирующих органов использовать онлайн-банкинг и онлайн-торговлю в условиях удаленной работы - все это означало, что вся банковская отрасль должна была перейти к цифровому банкингу на ролл-перо. COVID-19 вынудил все банки ускорить цифровую трансформацию, которая теперь должна остаться, и которая усилила риски кибербезопасности (которые, в свою очередь, могут вызвать последствия для системной стабильности, если они не будут должным образом смягчены). Тем, кто отстал и пропустил высокоскоростной цифровой поезд, будет очень трудно адаптироваться и выжить.

В сфере страхования было подано множество различных претензий, связанных с COVID-19, в рамках различных видов домашнего и коммерческого страхования, которые включают коммерческое имущество и прерывание бизнеса, поездки, жизнь, здоровье и ответственность (например, компенсация работникам и ответственность за трудовую деятельность). Пандемия представляет особый риск для страховой отрасли, поскольку ее существование и функционирование основаны на принципе диверсификации рисков, который был эффективно подавлен, когда правительства решили ввести изоляцию. По этой причине сотни тысяч предприятий по всему миру не смогли успешно подать иски и столкнулись либо с месяцами (если не годами) судебных разбирательств, либо разорением. В мае 2020 года страховая отрасль оценила, что пандемия потенциально может стоить более 200 миллиардов долларов. что делает его одним из самых дорогостоящих событий в истории страховой отрасли (затраты вырастут, если блокировки выйдут за пределы периода, рассматриваемого, когда был сделан прогноз). Перед страховой отраслью задача после COVID-19 заключается в удовлетворении растущих потребностей клиентов в защите за счет повышения устойчивости к широкому спектру потенциально «не подлежащих страхованию» катастрофических потрясений, таких как пандемии, экстремальные погодные явления, кибератаки и терроризм. Он должен делать это, ориентируясь в среде чрезвычайно низких процентных ставок, одновременно готовясь к ожидаемому судебному разбирательству и возможности беспрецедентных требований и убытков. Задача после COVID-19 заключается в удовлетворении растущих потребностей клиентов в защите за счет повышения устойчивости к широкому спектру потенциально «незастрахованных» катастрофических потрясений, таких как пандемии, экстремальные погодные явления, кибератаки и терроризм. Он должен делать это, ориентируясь в среде чрезвычайно низких процентных ставок, одновременно готовясь к ожидаемому судебному разбирательству и возможности беспрецедентных требований и убытков. Задача после COVID-19 заключается в удовлетворении растущих потребностей клиентов в защите за счет повышения устойчивости к широкому спектру потенциально «незастрахованных» катастрофических потрясений, таких как пандемии, экстремальные погодные явления, кибератаки и терроризм. Он должен делать это, ориентируясь в среде чрезвычайно низких процентных ставок, одновременно готовясь к ожидаемому судебному разбирательству и возможности беспрецедентных требований и убытков.

В последние несколько лет автомобильная промышленность была охвачена нарастающим штормом вызовов, начиная от торговли и геополитической неопределенности, снижения продаж и выбросов CO₂

штрафы к постоянно меняющемуся потребительскому спросу и многогранному характеру растущей конкуренции в области мобильности (электромобили, автономные автомобили, совместная мобильность). Пандемия усугубила эти проблемы, добавив значительной неопределенности, с которой сталкивается отрасль, особенно в отношении цепочек поставок. На ранних этапах вспышки нехватка китайских компонентов пагубно сказалась на мировом автомобильном производстве. В ближайшие месяцы и годы отрасли придется переосмыслить всю свою организацию и методы работы на фоне сокращения цепочек поставок и вероятного падения продаж автомобилей.

На протяжении последовательных стадий пандемии, и в частности во время блокировок, электроэнергетический сектор играл важную роль в обеспечении работы большей части мира в цифровом формате, больницах и всех основных отраслях промышленности в нормальном режиме. Несмотря на значительные проблемы, связанные с киберугрозами и изменениями в структуре спроса, электричество сохранилось, доказав свою устойчивость к потрясениям. Двигаясь вперед, электроэнергетический сектор должен принять вызов ускорения перехода к энергетике. Сочетание инвестиций в прогрессивную энергетическую инфраструктуру (например, в возобновляемые источники энергии,

Микро-сброс заставит каждую компанию в каждой отрасли экспериментировать с новыми способами ведения бизнеса, работы и работы. Те, кто пытается вернуться к старому образу жизни, потерпят неудачу. Те, кто адаптируется с ловкостью и воображением, в конечном итоге обратят кризис COVID-19 в свою пользу.

3. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СБРОС

Как и в случае макро- и микроэффектов, пандемия будет иметь глубокие и разнообразные последствия для всех нас в отдельности. Для многих это уже потрясло жизнь. На сегодняшний день COVID-19 вынудил большинство людей во всем мире самоизолировать от семей и друзей, привел в полный беспорядок личные и профессиональные планы и глубоко подорвал их чувство экономической, а иногда и психологической и физической безопасности. Нам всем напоминали о нашей врожденной человеческой хрупкости, наших слабостях и наших недостатках. Это осознание в сочетании со стрессом, порожденным ограничениями, и одновременным глубоким чувством неуверенности в том, что будет дальше, может, хотя и тайно, изменить нас и то, как мы относимся к другим людям и нашему миру. Для некоторых то, что начинается как изменение, может закончиться индивидуальным сбросом.

3.1. Переосмысление нашей человечности

3.1.1. Лучшие ангелы в нашей природе ... или нет

Психологи отмечают, что пандемия, как и большинство трансформирующих событий, может выявить в нас самое лучшее и худшее. Ангелы или дьяволы: каковы доказательства?

На первый взгляд кажется, что пандемия объединила людей. В марте 2020 года изображения из Италии, наиболее пострадавшей в то время страны, создавали впечатление, что коллективные «военные действия» были одним из немногих неожиданных плюсов катастрофы COVID-19, охватившей страну. Когда все население было закрыто дома, бесчисленные примеры показали, что в результате у людей не только было больше времени друг для друга, но и казалось, что они стали добрее друг к другу. Возможности этой повышенной коллективной восприимчивости варьировались от известных оперных певцов, выступающих перед соседями со своих балконов, до ночных ритуалов, когда население воспеваает дифирамбы медицинским работникам (явление, которое распространилось почти на всю Европу), а также различные акты взаимопомощи и поддержка нуждающихся. Италия в каком-то смысле шла впереди, и поскольку на протяжении всего периода заключения и во всем мире были сопоставимы широко распространенные примеры выдающейся личной и социальной солидарности. Повсюду простые поступки доброты, щедрости

и альтруизма становятся нормой. Что касается того, что мы ценим, на первый план вышли понятия сотрудничества, общинных идей, принесения в жертву личных интересов ради общего блага и заботы. И наоборот, проявления индивидуальной власти, популярности и престижа не одобрялись, даже затмевая привлекательность «богатых и знаменитых», которая исчезла по мере развития пандемии. Один комментатор заметил, что коронавирус быстро «разрушил культ знаменитости» - ключевую черту нашей современности, - отметив: «Мечта о классовой мобильности рассеивается, когда общество блокируется, экономика останавливается, число смертей растет, и будущее каждого замораживается в его собственной переполненной квартире или роскошном особняке. Разница между ними никогда не была более очевидной».^[141] Разнообразие таких наблюдений побудили не только социальных комментаторов, но и широкую общественность задуматься о том, удалось ли пандемии извлечь из нас все самое лучшее и тем самым вызвать поиск высших смыслов. Возникло много вопросов, таких как: может ли пандемия привести к лучшему и лучшему миру? За этим последует смена ценностей? Станем ли мы более склонными поддерживать наши человеческие связи и более целенаправленно поддерживать наши социальные связи? Проще говоря: станем ли мы более заботливыми и сострадательными?

Если судить по истории, стихийные бедствия, такие как ураганы и землетрясения, объединяют людей, а пандемии - наоборот: они разъединяют их. Причина может быть в следующем: столкнувшись с внезапным, жестоким и часто кратковременным стихийным бедствием, население объединяется и имеет тенденцию относительно быстро восстанавливаться. Напротив, пандемии - это продолжительные, продолжительные события, которые часто вызывают постоянное чувство недоверия (по отношению к другим), коренящееся в первичном страхе смерти. Психологически наиболее важным последствием пандемии является возникновение феноменальной неопределенности, которая часто становится источником беспокойства. Мы не знаем, что принесет нам завтрашний день (будет ли еще одна волна COVID-19? Повлияет ли это на людей, которых я люблю? Сохраню ли я свою работу?), и такое отсутствие уверенности вызывает у нас беспокойство и беспокойство. Как люди, мы жаждем уверенности, отсюда потребность в «когнитивном закрытии», во всем, что может помочь стереть неопределенность и двусмысленность, которые парализуют нашу способность функционировать «нормально». В контексте пандемии риски сложны, трудны для понимания и в значительной степени неизвестны. Столкнувшись с этим, мы с большей вероятностью откажемся от потребностей других, а не будем заботиться о них, как это обычно бывает при внезапных стихийных бедствиях (или нет) (и фактически вопреки преобладающим первым впечатлениям, передаваемым средствами массовой информации). Это, в свою очередь, становится источником глубокого стыда, ключевым чувством, которое определяет отношение и реакцию людей во время пандемий. Стыд - это моральное чувство, которое приравнивается к плохому самочувствию: чувство дискомфорта, в котором смешаны сожаление, ненависть к себе и смутное чувство «бесчестия» из-за того, что он не поступает «правильно». Стыд описывается и анализируется в бесчисленных романах и литературных текстах, написанных об исторических вспышках. Он может принимать форму радикальную и ужасающую, как родители, бросающие детей на произвол судьбы.

В начале «Декамерона», серии новелл, повествующих о группе мужчин и женщин, укрывшихся на вилле, когда Черная смерть опустошила Флоренцию в 1348 году, Боккаччо пишет, что «было обнаружено, что отцы и матери бросили своих собственных детей, без присмотра, без посещения, на свою судьбу». В том же ключе многочисленные литературные отчеты о прошлых пандемиях, от «Журнала чумного года» Дефо до «Обручника» Манцони, рассказывают, как часто страх смерти в конечном итоге преобладает над всеми другими человеческими эмоциями. В любой ситуации люди вынуждены принимать решения о спасении собственной жизни, что приводит к глубокому стыду из-за эгоизма их окончательного выбора. К счастью, всегда есть исключения, что наиболее остро мы видели во время COVID-19, например, среди медсестер и врачей, чьи многочисленные акты сострадания и мужества во многих случаях выходили далеко за рамки их профессионального долга. Но вроде бы они всего лишь исключения! В Большом гриппе,^[142] в книге, в которой анализируется влияние испанского гриппа на США в конце Первой мировой войны, историк Джон Барри рассказывает, что медицинские работники не могли найти достаточно добровольцев, чтобы помочь. Чем более опасным становился грипп, тем меньше людей желало работать волонтерами. Возникшее коллективное чувство стыда могло быть одной из причин того, почему наши общие знания о пандемии 1918-1919 гг. настолько скудны, несмотря на то, что только в США она убила в 12 раз больше людей, чем сама война. Это, возможно, также объясняет, почему на сегодняшний день об этом написано так мало книг или пьес.

Психологи говорят нам, что когнитивное закрытие часто требует черно-белого мышления и упрощенных решений.^[143] - территория, благоприятная для теорий заговора и распространения слухов, фальшивых новостей, неправды и других пагубных идей. В таком контексте мы ищем лидерство, авторитет и ясность, а это означает, что вопрос о том, кому мы доверяем (в нашем непосредственном сообществе и среди наших лидеров), становится критическим. Как следствие, то же самое и с противодействующим вопросом, кому

мы не доверяем. В условиях стресса привлекательность сплоченности и единства возрастает, что побуждает нас объединяться вокруг нашего клана или нашей группы, и в целом стать более общительным внутри нее, но не позади нее. Кажется вполне естественным, что наше чувство уязвимости и хрупкости возрастает, как и наша зависимость от окружающих, как для ребенка, так и для немощного человека. Наша привязанность к тем, кто нам близок, усиливается с новым чувством признательности ко всем, кого мы любим: семье и друзьям. Но у этого есть и более темная сторона. Это также вызывает рост патриотических и националистических настроений, а также тревожные религиозные и этнические соображения. В конце концов, эта токсичная смесь достает нам как социальной группе хуже всего. Орхан Памук (турецкий писатель, удостоенный Нобелевской премии по литературе в 2006 г., чей последний роман «Ночи чумы») должен быть опубликован в конце 2020 года) рассказывает о том, как люди всегда реагировали на эпидемии, распространяя слухи и ложную информацию и изображая болезнь как чужеродную и занесенную со злым умыслом. Такое отношение заставляет нас искать козла отпущения - общая черта всех вспышек на протяжении всей истории - и является причиной того, что «неожиданные и неконтролируемые вспышки насилия, слухов, паники и восстания обычны в описаниях эпидемий чумы начиная с эпохи Возрождения».^[144] Памук добавляет: «История и литература о язвах показывают нам, что интенсивность страданий, страха смерти, метафизического ужаса и чувства сверхъестественности, переживаемого пораженным населением, также будет определять глубину их гнева. и политическое недовольство».

Пандемия COVID-19 недвусмысленно показала всем нам, что мы живем в мире, который взаимосвязан и, тем не менее, в значительной степени лишен солидарности между странами, а часто даже внутри стран. На протяжении периодов заключения появлялись замечательные примеры личной солидарности, а также контрпримеры эгоистичного поведения. На глобальном уровне достоинство взаимопомощи проявляется в отсутствии - и это несмотря на антропологические доказательства того, что то, что отличает нас как людей, - это способность сотрудничать друг с другом и формировать в процессе нечто большее и большее, чем мы сами. Приведет ли COVID-19 к тому, что люди замкнутся в себе, или это будет питать их врожденное чувство сочувствия и сотрудничества, побуждая их к большей солидарности? Примеры прошлых пандемий не очень обнадеживают, но на этот раз есть фундаментальная разница: мы все коллективно осознаем, что без более тесного сотрудничества мы не сможем решить глобальные проблемы, с которыми мы все вместе сталкиваемся. Проще говоря: если мы, как люди, не будем сотрудничать, чтобы противостоять нашим экзистенциальным вызовам (среди прочего, окружающая среда и свободное падение глобального управления), мы обречены. Таким образом, у нас нет выбора, кроме как призвать лучших ангелов нашей природы.

3.1.2. Моральный выбор

Пандемия вынудила всех нас, граждан и лиц, определяющих политику, добровольно или нет, вступить в философскую дискуссию о том, как максимизировать общее благо наименее опасным способом. Прежде всего, это побудило нас более глубоко задуматься о том, что на самом деле означает общее благо. Общее благо - это то, что приносит пользу обществу в целом, но как нам коллективно решить, что лучше для нас как сообщества? Речь идет о сохранении роста ВВП и экономической активности любой ценой, чтобы попытаться предотвратить рост безработицы? Это о том, чтобы заботиться о самых уязвимых членах нашего сообщества и приносить жертвы друг другу? Это что-то среднее, и если да, то какие здесь компромиссы? Некоторые школы философской мысли, такие как либертарианство (для которого индивидуальная свобода имеет наибольшее значение) и утилитаризм (для которого стремление к наилучшему результату для наибольшего числа людей имеет больше смысла) могут даже оспаривать, что общее благо является делом, к которому стоит стремиться, но могут конфликтовать между конкурирующими моральными теориями. разрешиться? Пандемия довела их до кипения, вызвав яростные споры между противоборствующими лагерями. Многие решения, оформленные как «холодные» и рациональные, обусловленные исключительно экономическими, политическими и социальными соображениями, на самом деле находятся под глубоким влиянием моральной философии - попытки найти теорию, способную объяснить, что мы должны делать. Фактически, почти каждое решение, касающееся того, как лучше всего бороться с пандемией, можно было бы переформулировать как этический выбор, отражающий тот факт, что почти во всех случаях человеческая практика руководствуется моральными соображениями. Должен ли я давать тем, у кого ничего нет, и проявлять сочувствие к тем, чье мнение отличается от моего? Нормально ли лгать публике ради большего блага? Можно ли не помогать соседям,

инфицированным COVID-19? Должен ли я уволить несколько сотрудников в надежде сохранить свой бизнес на плаву для других? Можно ли сбежать в свой дом для отдыха из соображений безопасности и комфорта, или я должен предложить его кому-то, чьи потребности превышают мои? Должен ли я игнорировать приказ о заключении, чтобы помочь другу или члену семьи? Каждое отдельное решение, большое или маленькое, имеет этический компонент, и то, как мы отвечаем на все эти вопросы, в конечном итоге позволяет нам стремиться к лучшей жизни.

Как и все концепции моральной философии, идея общего блага неуловима и спорна. С момента начала пандемии она вызвала яростные споры о том, следует ли использовать утилитарный расчет при попытке укротить пандемию или придерживаться священного принципа святости жизни.

Ничто так не кристаллизует проблему этического выбора, как бурные во время первоначальных ограничений споры о компромиссе между общественным здоровьем и ударом по росту. Как мы уже говорили ранее, почти все экономисты развенчали миф о том, что принесение в жертву нескольких жизней спасет экономику, но, независимо от мнения этих экспертов, дебаты и аргументы продолжались. В частности, в США, но не исключительно, некоторые политики придерживались линии, что оправданно ценить экономику выше жизни, поддерживая политический выбор, который невозможно было вообразить в Азии или Европе, где такие заявления были бы равносильны обязательству политическое самоубийство. (Это осознание, вероятно, объясняет поспешный отход премьер-министра Великобритании Джонсона от первоначальной политики, защищающей коллективный иммунитет, часто изображается экспертами и СМИ как пример социального дарвинизма). Приоритет бизнеса по сравнению с жизнью имеет давнюю традицию: от купцов из Сиены во время Великой чумы до купцов Гамбурга, которые пытались скрыть вспышку холеры 1892 года. Однако кажется почти неуместным, что он остался жив сегодня, со всеми медицинскими знаниями и научными данными, которыми мы располагаем. Аргумент, выдвигаемый некоторыми группами, такими как «Американцы за процветание», состоит в том, что рецессии убивают людей. Это, несомненно, правда, но коренится в политике. кажется почти неуместным, что он остался бы живым сегодня со всеми медицинскими знаниями и научными данными, которыми мы располагаем. Аргумент, выдвигаемый некоторыми группами, такими как «Американцы за процветание», состоит в том, что рецессии убивают людей. Это, несомненно, правда, но коренится в политике. кажется почти неуместным, что он остался бы живым сегодня со всеми медицинскими знаниями и научными данными, которыми мы располагаем. Аргумент, выдвигаемый некоторыми группами, такими как «Американцы за процветание», состоит в том, что рецессии убивают людей. Это, несомненно, правда, но коренится в политике выбора, основанный на этических соображениях. В США рецессия действительно убивает множество людей, потому что отсутствие или ограниченный характер любой системы социальной защиты делает их опасными для жизни. Как? Когда люди теряют работу без государственной поддержки и без медицинской страховки, они, как правило, «умирают от отчаяния» из-за самоубийств, передозировок наркотиков и алкоголизма, как показали и подробно проанализировали Энн Кейс и Ангус Дитон.^[145] Экономический спад также вызывает смертельные случаи за пределами США, но выбор политики в отношении медицинского страхования и защиты работников может гарантировать, что их станет значительно меньше. В конечном итоге это моральный выбор: отдавать предпочтение качествам индивидуализма или тем, которые благоприятствуют судьбе сообщества. Это как индивидуальный, так и коллективный выбор (который может быть выражен через выборы), но пример пандемии показывает, что в высшей степени индивидуалистические общества не очень хорошо выражают солидарность.^[146]

В эпоху сразу после пандемии, после первой волны в начале 2020 года и в то время, когда многие экономики по всему миру скатываются в глубокую рецессию, перспектива более жестких блокировок кажется политически невыносимой. Даже самые богатые страны не могут «позволить» терпеть изоляцию бесконечно, даже год или около того. Последствия, особенно с точки зрения безработицы, будут ужасающими, приведя к драматическим последствиям для беднейших слоев общества и благосостояния людей в целом. Как сказал экономист и философ Амартия Сен: «Болезнь убивает людей, а отсутствие средств к существованию также убивает людей».^[147] Поэтому теперь, когда возможности тестирования и отслеживания контактов широко доступны, многие индивидуальные и коллективные решения неизбежно будут включать в себя комплексный анализ затрат и выгод и даже иногда «жестокий» утилитарный расчет. Каждое политическое решение станет чрезвычайно деликатным компромиссом между спасением как можно большего числа жизней и обеспечением максимально полного функционирования экономики. Биоэтики и философы-моралисты часто спорят между собой о подсчете потерянных или спасенных лет жизни, а не о количестве смертей, которые произошли или которых можно было избежать. Питер Сингер, профессор биоэтики и автор книги «Жизнь, которую вы можете спасти», является выдающимся голосом тех, кто придерживается теории о том, что нам следует учитывать количество потерянных лет жизни, а не только количество потерянных жизней. Он приводит следующий пример: в Италии средний возраст тех, кто умирает от COVID-19, составляет почти 80 лет, что может побудить нас задать следующий вопрос:

сколько лет жизни было потеряно в Италии, учитывая, что многие из людей умершие от вируса были не только пожилыми людьми, но и имели сопутствующие заболевания? По приблизительным оценкам некоторых экономистов, итальянцы потеряли в среднем три года жизни, что сильно отличается от 40 или 60 лет жизни, потерянных в результате гибели большого числа молодых людей в результате войны.

Цель этого примера такова: сегодня почти каждый во всем мире придерживается мнения о том, было ли изоляция в ее или его стране слишком серьезной или недостаточно жесткой, нужно ли ее сократить или расширить, правильно ли она была поставлена. на место или нет, независимо от того, было ли оно применено должным образом или нет, часто формулируя проблему как «объективный факт». В действительности, все эти суждения и заявления, которые мы постоянно делаем, определяются лежащими в основе этическими соображениями, которые носят исключительно личный характер. Проще говоря, то, что мы выставляем как факты или мнения, является моральным выбором, который обнажил пандемия. Они созданы во имя того, что мы считаем правильным или неправильным, и поэтому определяют нас такими, какие мы есть. Просто один простой пример, чтобы проиллюстрировать эту мысль: ВОЗ и большинство национальных органов здравоохранения рекомендуют носить маску в общественных местах. То, что было оформлено как эпидемиологическая необходимость и легкая мера снижения риска, превратилось в поле политической битвы. В США, а также, но в меньшей степени, в некоторых других странах решение носить маску или не носить ее стало политически мотивированным, поскольку это рассматривается как нарушение личной свободы. Но за политической декларацией отказ от ношения маски на публике - это моральный выбор, как и решение надеть ее. Говорит ли это нам что-нибудь о моральных принципах, лежащих в основе нашего выбора и решений? Вероятно, да. решение носить маску или не носить маску стало политически мотивированным, поскольку оно рассматривается как нарушение личной свободы. Но за политической декларацией отказ от ношения маски на публике - это моральный выбор, как и решение надеть ее. Говорит ли это нам что-нибудь о моральных принципах, лежащих в основе нашего выбора и решений? Вероятно, да. решение носить маску или не носить маску стало политически мотивированным, поскольку оно рассматривается как нарушение личной свободы. Но за политической декларацией отказ от ношения маски на публике - это моральный выбор, как и решение надеть ее. Говорит ли это нам что-нибудь о моральных принципах, лежащих в основе нашего выбора и решений? Вероятно, да.

Пандемия также вынудила нас (пере) задуматься о критической важности справедливости - очень субъективного понятия, но необходимого для социальной гармонии. Принятие во внимание справедливости напоминает нам, что некоторые из самых основных допущений, которые мы делаем в экономике, содержат моральный элемент. Следует ли, например, учитывать справедливость или справедливость при рассмотрении законов спроса и предложения? И что ответ говорит нам о нас самих? Эта квинтэссенция моральной проблемы вышла на первый план во время самой острой фазы пандемии в начале 2020 года, когда начала возникать нехватка некоторых предметов первой необходимости (например, масла и туалетной бумаги) и важнейших материалов для борьбы с COVID-19 (например, масок и аппаратов искусственной вентиляции легких). . Какой был правильный ответ? Позволить законам спроса и предложения творить чудеса, чтобы цены поднялись достаточно высоко и очистили рынок? Или, скорее, регулировать спрос или даже цены на какое-то время? В известной статье, написанной в 1986 году, Даниэль Канеман и Ричард Талер (которым впоследствии была присуждена Нобелевская премия по экономике) изучили этот вопрос и пришли к выводу, что рост цен в чрезвычайной ситуации просто неприемлем с социальной точки зрения, поскольку будет воспринят как несправедливый. Некоторые экономисты могут утверждать, что более высокие цены, вызванные спросом и предложением, эффективны постольку, поскольку они препятствуют паническому поведению, но большинство людей сочтут, что это проблема, которая имеет мало общего с экономикой, а больше связана с чувством справедливости, поэтому морального суждения. Большинство компаний понимают это: повышение цены на товар, который необходим в экстремальной ситуации, такой как пандемия, особенно если это маска или дезинфицирующее средство для рук, не только оскорбительно, но и бросает вызов тому, что считается морально и социально приемлемым. По этой причине, трудно сказать, представляют ли эти моральные соображения перезагрузку и окажут ли они долгосрочное посткоронавирусное воздействие на наше отношение и поведение. По крайней мере, мы можем предположить, что теперь мы более индивидуально осознаем тот факт, что наши решения основаны на ценностях и основаны на моральном выборе. Из этого может последовать, что, если (но это большое «если») в будущем мы откажемся от позиции личного интереса, который загрязняет так много наших социальных взаимодействий, мы сможем платить больше внимания к таким вопросам, как инклюзивность и справедливость. Оскар Уайльд уже подчеркивал эту проблему в 1892 году, изображая циника как «человека, который знает цену всему и ничего не ценит».

3.2. Психическое здоровье и благополучие

В течение многих лет большую часть мира охватила эпидемия психического здоровья. Пандемия уже усугубила ситуацию и будет продолжать ухудшаться. Большинство психологов (и, конечно же, все, с кем мы говорили), похоже, согласны с суждением, высказанным в мае 2020 года одним из их коллег: «Пандемия оказала разрушительное воздействие на психическое здоровье».[149]

В отличие от физического заболевания, у людей с проблемами психического здоровья часто есть раны, невидимые невооруженным глазом. Тем не менее, за последнее десятилетие специалисты по психическому здоровью сообщают о всплеске проблем с психическим здоровьем, начиная от депрессии и самоубийств и заканчивая психозами и аддиктивными расстройствами. В 2017 году около 350 миллионов человек во всем мире страдали от депрессии. В то время ВОЗ предсказывала, что депрессия станет второй основной причиной бремени болезней в мире к 2020 году и что к 2030 году она превзойдет ишемическую болезнь сердца в качестве основной причины бремени болезней. В США в 2017 году CDC подсчитал, что депрессия затронула более 26% взрослых. Примерно 1 из 20 сообщает о симптомах от умеренных до тяжелых. В это время,^[150] Подобные цифры (но, возможно, не такие серьезные) и тенденции существуют в большинстве стран мира. На рабочем месте проблема психического здоровья стала одним из основных вопросов в корпоративной среде. Эпидемия связанного с работой стресса, депрессии и тревоги, кажется, постоянно ухудшается. Показательным примером является то, что в 2017-2018 годах в Великобритании на стресс, депрессию и тревогу приходилось более половины (57%) общего количества рабочих дней, потерянных из-за плохого состояния здоровья.[151]

Для многих людей преодоление пандемии COVID-19 будет определено как переживание личной травмы. Нанесенные шрамы могут длиться годами. Начнем с того, что в первые месяцы вспышки было слишком легко стать жертвой предубеждений в отношении доступности и значимости. Эти два умственных ярлыка заставили нас заикаться и размышлять о пандемии и ее опасностях (доступность заставляет нас полагаться на непосредственные примеры, которые приходят в голову при оценке чего-либо, а значимость побуждает нас сосредоточиться на вещах, которые более заметны или эмоционально поразительны). В течение нескольких месяцев COVID-19 стал почти единственной новостью, которая неизбежно была почти исключительно плохой. Неустанные сообщения о смертельных случаях, инфекционных случаях и обо всех других вещах, которые могут пойти не так, вместе с эмоционально заряженными изображениями, позволили нашему коллективному воображению бунтовать с точки зрения беспокойства о себе и наших самых близких. Такая тревожная атмосфера пагубно сказалась на нашем психологическом благополучии. Кроме того, тревога, усиленная СМИ, может быть очень заразной. Все это превратилось в реальность, которая для многих стала личной трагедией,

Люди по своей природе социальные существа. Товарищеские отношения и социальное взаимодействие - жизненно важный компонент нашей человечности. Если их лишить, мы обнаружим, что наша жизнь перевернута с ног на голову. Социальные отношения в значительной степени уничтожаются ограничениями и физическим или социальным дистанцированием, и в случае карантина COVID-19 это произошло во время повышенной тревожности, когда мы больше всего в них нуждались. Ритуалы, присущие нашему человеческому состоянию - рукопожатия, объятия, поцелуи и многое другое были подавлены. Результатом стали одиночество и изоляция. На данный момент мы не знаем, сможем ли мы полностью вернуться к нашему прежнему образу жизни и когда это произойдет. На любой стадии пандемии, но особенно ближе к концу карантина, психологический дискомфорт остается риском, даже после того, как период острого стресса прошел, что психологи назвали «феноменом третьего квартала».^[152] в отношении людей, которые живут в изоляции в течение длительного периода времени (например, полярников или космонавтов): они, как правило, испытывают проблемы и напряженность к концу своей миссии. Подобно этим людям, но в планетарном масштабе, наше коллективное чувство психического благополучия сильно пострадало. Разобравшись с первой волной, мы теперь ожидаем другой, которая может прийти, а может и не наступить, и эта токсичная эмоциональная смесь рискует вызвать коллективное состояние тоски. Неспособность строить планы или заниматься определенной деятельностью, которая раньше была неотъемлемой частью нашей нормальной жизни и жизненно важными источниками удовольствия (например, посещение семьи и друзей за границей, предварительное планирование следующего семестра в университете, подача заявления на новую работу), потенциал оставить нас в замешательстве и деморализовать. Для многих людей напряжение и стресс, вызванный

непосредственными дилеммами, которые последовали за окончанием карантина, продлятся месяцами. Безопасно ли ехать в общественном транспорте? Слишком рискованно идти в любимый ресторан? Уместно ли навещать этого пожилого члена семьи или друга? Эти очень банальные решения еще долго будут омрачены чувством страха - особенно для тех, кто уязвим в силу своего возраста или состояния здоровья.

На момент написания (июнь 2020 г.) влияние пандемии на психическое здоровье не может быть количественно оценено или оценено в обобщенном виде, но общие контуры известны. В двух словах:

1) люди с ранее существовавшими психическими расстройствами, такими как депрессия, будут все чаще страдать от тревожных расстройств; 2) меры социального дистанцирования, даже после их отмены, ухудшат проблемы психического здоровья; 3) во многих семьях потеря дохода вслед за безработицей ввергает людей в феномен «смерти отчаяния»; 4) насилие в семье и жестокое обращение, особенно в отношении женщин и детей, будут расти, пока продолжается пандемия; и 5) «уязвимые» люди и дети - находящиеся под опекой, социально-экономически неблагополучные и инвалиды, нуждающиеся в поддержке выше среднего - будут особенно подвержены риску увеличения психических расстройств. Давайте рассмотрим ниже некоторые из них более подробно.

Для многих в первые месяцы пандемии произошел взрыв психических расстройств, которые продолжают прогрессировать в постпандемическую эпоху. В марте 2020 года (в начале пандемии) группа исследователей опубликовала исследование в *The Lancet*, в котором было обнаружено, что меры заключения приводят к ряду серьезных последствий для психического здоровья, таких как травмы, замешательство и гнев.^[153] Несмотря на то, что мы избегаем самых серьезных проблем с психическим здоровьем, большая часть населения мира неизбежно испытывала стресс различной степени. Прежде всего, именно среди тех, кто уже склонен к проблемам с психическим здоровьем, проблемы неотъемлемой реакции на коронавирус (блокировка, изоляция, страдания) будут усугубляться. Некоторые выдержат шторм, но для некоторых диагноз депрессии или беспокойства может перерасти в острый клинический эпизод. Есть также значительное количество людей, которые впервые проявили симптомы серьезного расстройства настроения, такие как мания, признаки депрессии и различные психотические переживания. Все они были вызваны событиями, прямо или косвенно связанными с пандемией и ограничениями, такими как изоляция и одиночество, страх заразиться болезнью, потеря работы, тяжелая утрата и беспокойство о членах семьи и друзьях. В мае 2020 г.^[154] Нет оснований полагать, что в других местах ситуация будет сильно отличаться.

Во время пандемии возросло количество случаев домашнего насилия. По-прежнему трудно измерить точный рост из-за большого количества случаев, о которых не сообщается, но, тем не менее, очевидно, что рост заболеваемости был вызван сочетанием беспокойства и экономической неопределенности. Благодаря блокировке соединились все необходимые ингредиенты для роста домашнего насилия: изоляция от друзей, семьи и работы, возможность для постоянного наблюдения и физическая близость к жестокому партнеру (часто сами подвергаются большему стрессу), а также ограниченные возможности или их отсутствие для побега. Условия изоляции усугубили существующее жестокое поведение, практически не оставляя передышки жертвам и их детям вне дома. Прогнозы Фонда Организации Объединенных Наций в области народонаселения показывают, что если насилие в семье возрастет на 20% в периоды изоляции, в 2020 году будет дополнительно 15 миллионов случаев насилия со стороны интимного партнера при средней продолжительности изоляции в три месяца, или 31 миллион случаев в среднем. Блокировка на шесть месяцев, 45 миллионов для средней блокировки на девять месяцев и 61 миллион, если средний период блокировки продлится один год. Это глобальные прогнозы, включающие все 193 государства-члена ООН, и уровни снижения характерных черт гендерного насилия. В общей сложности они составляют дополнительно 15 миллионов случаев гендерного насилия за каждые три месяца, в течение которых продолжается изоляция.^[155] Трудно предсказать, как насилие в семье будет развиваться в постпандемическую эпоху. Тяжелые условия сделают его более вероятным, но многое будет зависеть от того, как отдельные страны контролируют два пути, по которым происходит насилие в семье: 1) сокращение усилий по профилактике и защите, социальных услуг и ухода; и 2) сопутствующий рост числа случаев насилия.

Этот подраздел завершается моментом, который может показаться анекдотическим, но который приобрел некоторую актуальность в эпоху безжалостных онлайн-встреч, которые могут расширяться в обозримом будущем: являются ли видео-беседы и психическое благополучие плохими товарищами по постели? Во время карантина видео-разговоры были для многих личным и профессиональным спасением, позволяя нам поддерживать человеческие связи, отношения на расстоянии и связи с нашими коллегами. Но они также породили феномен умственного истощения, популярный как «усталость от масштабирования»: условие, применимое к любому видеointерфейсу. Во время изоляции экраны и видео так широко использовались для целей коммуникации, что это приравнивалось к новому масштабному социальному эксперименту. Вывод: наш мозг находит трудным, а иногда и тревожным, проводить виртуальные

взаимодействия, особенно если и когда такие взаимодействия составляют квази-тотальность наших профессиональных и личных обменов. Мы социальные животные, для которых множество второстепенных и часто невербальных сигналов, которые обычно возникают во время физических социальных взаимодействий, жизненно важны с точки зрения общения и взаимопонимания. Когда мы разговариваем с кем-то во плоти, мы не только концентрируемся на словах, которые он произносит, но также сосредотачиваемся на множестве инфра-языковых сигналов, которые помогают нам понять смысл происходящего между нами обмена: нижняя часть тела человека обращена к нам или повернута в сторону? Что делают их руки? Каков тон их общего языка тела? Как человек дышит? Видеозвонок делает невозможной интерпретацию этих невербальных сигналов, наполненных тонким смыслом, и заставляет нас концентрироваться исключительно на словах и выражениях лица, иногда изменяемых качеств видео. В виртуальном разговоре у нас нет ничего, кроме интенсивного, продолжительного зрительного контакта, который может легко стать пугающим или даже угрожающим, особенно когда существуют иерархические отношения. Эта проблема усугубляется просмотром «галереи», когда центральное видение нашего мозга рискует быть поставленным под сомнение огромным количеством людей на виду. Есть порог, за которым мы не можем расшифровать столько людей одновременно. Психологи называют это словом «постоянное частичное внимание». Это как если бы наш мозг пытался работать в многозадачном режиме, конечно, напрасно. В конце разговора постоянный поиск невербальных сигналов, которые невозможно найти, просто подавляет наш мозг. Мы чувствуем, что у нас иссякает энергия, и мы оставляем его с чувством глубокой неудовлетворенности. Это, в свою очередь, отрицательно сказывается на нашем чувстве психического благополучия.

Воздействие COVID-19 привело к более широкому и глубокому спектру проблем с психическим здоровьем, затронувшим большее количество населения, многие из которых могли бы быть спасены в ближайшем будущем, если бы не пандемия. С этой точки зрения коронавирус усилил, а не сбросил проблемы с психическим здоровьем. Однако то, чего достигла пандемия в отношении психического здоровья, как и во многих других областях, - это ускорение ранее существовавшей тенденции; вместе с тем возросло понимание общественностью серьезности проблемы. Психическое здоровье - наиболее значимый фактор, влияющий на уровень удовлетворенности людей своей жизнью,^[156] уже был на экране радаров политиков. В постпандемическую эпоху этим вопросам теперь может уделяться приоритетное внимание, которого они заслуживают. Это действительно будет жизненно важной перезагрузкой.

3.3. Смена приоритетов

Уже много написано о том, как пандемия может изменить нас - как мы думаем о вещах и как мы поступаем. Тем не менее, мы все еще находимся в самом начале (мы еще даже не знаем, позади ли нас пандемия), и в отсутствие данных и исследований все предположения о нашем будущем являются весьма спекулятивными. Тем не менее, мы можем предвидеть некоторые возможные изменения, которые совпадают с макро- и микро-проблемами, рассмотренными в этой книге. COVID-19 может заставить нас решать наши внутренние проблемы способами, о которых мы раньше не думали. Мы можем начать задавать себе некоторые фундаментальные вопросы, которые никогда бы не возникли без кризиса и ограничений, и тем самым сбросить нашу ментальную карту.

Экзистенциальные кризисы, такие как пандемия, сталкивают нас с нашими собственными страхами и тревогами и предоставляют большие возможности для самоанализа. Они заставляют нас задавать действительно важные вопросы, а также могут сделать наши ответы более творческими. История показывает, что новые формы индивидуальной и коллективной организации часто возникают после экономических и социальных депрессий. Мы уже приводили примеры прошлых пандемий, радикально изменивших ход истории. Во времена бедствий инновации часто процветают - необходимость давно признана матерью изобретений. Это может оказаться особенно актуальным для пандемии COVID-19, которая заставила многих из нас замедлиться и дала нам больше времени для размышлений, вдали от темпа и безумия нашего «нормального» мира (за очень важным исключением, конечно, из десятков миллионов героических работников здравоохранения, продуктовых магазинов и супермаркетов, а также родителей с маленькими детьми или людей, ухаживающих за престарелыми или родственниками-инвалидами, нуждающимися в постоянном внимании). Предлагая дары в виде большего количества времени, большей неподвижности, большего одиночества (даже если избыток последнего иногда приводил к одиночеству), пандемия дала возможность глубже задуматься о том, кто мы, что действительно важно и чего мы хотим, как индивидуально, так и в обществе. Этот период вынужденного коллективного размышления может привести к изменению поведения, которое, в свою очередь, вызовет более глубокое

переосмысление. большая тишина, больше одиночества (даже если избыток последнего иногда приводил к одиночеству), пандемия дала возможность глубже задуматься о том, кто мы, что действительно важно и чего мы хотим, как индивидуумы, так и общество. Этот период вынужденного коллективного размышления может привести к изменению поведения, которое, в свою очередь, вызовет более глубокое переосмысление. большая тишина, больше одиночества (даже если избыток последнего иногда приводил к одиночеству), пандемия дала возможность глубже задуматься о том, кто мы, что действительно важно и чего мы хотим, как индивидуумы, так и общество.

Этот период вынужденного коллективного размышления может привести к изменению поведения, которое, в свою очередь, вызовет более глубокое переосмысление наших убеждений. Это может привести к изменению наших приоритетов, что, в свою очередь, повлияет на наш подход ко многим аспектам нашей повседневной жизни: как мы общаемся, заботимся о членах семьи и друзьях, занимаемся спортом, поддерживаем свое здоровье, делаем покупки, обучаем наших детей и даже то, как мы видим свое положение в мире. Все чаще на первый план могут выходить очевидные вопросы, например: знаем ли мы, что важно? Мы слишком эгоистичны и чрезмерно сосредоточены на себе? Не уделяем ли мы слишком много внимания своей карьере и уделяем ей слишком много времени? Мы рабы консьюмеризма? В постпандемическую эпоху, благодаря паузе для размышлений, которую она дала некоторым из нас, наши реакции вполне могли эволюционировать по сравнению с тем, на что могли бы ответить наши предпандемические «я».

Давайте рассмотрим произвольным и неисключительным образом некоторые из этих потенциальных изменений, вероятность возникновения которых, как нам кажется, даже если и не очень высока, тем не менее выше, чем обычно предполагается.

3.3.1. Креативность

Сказать, что «то, что нас не убивает, делает нас сильнее», это может быть клише, но Фридрих Ницше был прав. Далеко не каждый, кто выживает после пандемии, выходит из нее сильнее. Тем не менее, некоторые люди поступают так, и их действия и достижения, которые в то время могут показаться незначительными, но задним числом, как видно, оказали огромное влияние. Творческий подход помогает. То же самое можно сказать о том, чтобы оказаться в нужном месте (например, в нужной отрасли) в нужное время. Например, нет никаких сомнений в том, что в ближайшие несколько лет мы станем свидетелями творческого взрыва стартапов и новых предприятий в цифровом и биотехнологическом пространствах. Пандемия ударила по обеим сторонам, предполагая, что мы увидим значительный прогресс и много инноваций со стороны наиболее творческих и оригинальных людей в этих секторах.

То же самое может произойти в области науки и искусства. Знаменитые прошлые серии подтверждают, что творческие персонажи преуспевают в изоляции. Исаак Ньютон, например, процветал во время чумы. Когда Кембриджский университет был закрыт летом 1665 года после вспышки болезни Ньютон вернулся в свой семейный дом в Линкольншире, где пробыл более года. В течение этого периода принудительной изоляции, описываемого как *annus mirabilis* («замечательный год»), у него было излияние творческой энергии, которое легло в основу его теорий гравитации и оптики и, в частности, развития закона обратных квадратов. гравитация (рядом с домом росла яблоня, и эта идея пришла ему в голову, когда он сравнил падение яблока с движением орбитальной луны). [157]

Подобный принцип творчества под принуждением применим к литературе и лежит в основе некоторых из самых известных литературных произведений в западном мире. Ученые утверждают, что закрытие театров в Лондоне, вызванное чумой 1593 года, помогло Шекспиру обратиться к поэзии. Именно тогда он опубликовал популярное стихотворение «Венера и Адонис», в котором богиня умоляет мальчика поцеловать его, «чтобы изгнать инфекцию из опасного года». Несколько лет спустя, в начале 17 века, театры в Лондоне чаще закрывались, чем открывались из-за бубонной чумы. Официальное правило гласило, что театральные представления должны быть отменены, когда смертность от чумы превысит 30 человек в неделю. В 1606 году Шекспир был очень плодовитым именно потому, что театры были закрыты эпидемией, а его труппа не могла играть.

[158] У русского писателя Александра Пушкина был подобный опыт. В 1830 году, после эпидемии холеры, достигшей Нижнего Новгорода, он оказался в карантине в провинциальном имении. Внезапно, после многих лет личных потрясений, он почувствовал облегчение, свободу и счастье. Три месяца, которые он провел в карантине, были самыми творческими и продуктивными в его жизни. Он закончил свой шедевр «Евгений Онегин» и написал серию этюдов, один из которых назывался «Пир во время чумы».

Мы приводим эти исторические примеры расцвета личного творчества некоторых из наших величайших художников во время чумы или пандемии не для того, чтобы свести к минимуму или отвлечь от

катастрофического финансового воздействия, которое кризис COVID-19 оказывает на мир культуры и развлечений, а для того, чтобы обеспечить проблеск надежды и источник вдохновения. Творчество наиболее полно присутствует в культурном и художественном секторах наших обществ, и история показывает, что именно это творчество может оказаться важным источником устойчивости.

Таких примеров множество. Это необычная форма сброса, но она не должна нас удивлять. Когда случаются разрушительные вещи, творчество и изобретательность часто процветают.

3.3.2. Время

В романе Джошуа Ферриса (2007) «Тогда мы подошли к концу» один персонаж замечает: «Некоторые дни кажутся длиннее, чем другие. Иногда казалось, что целых два дня». Это произошло в мировом масштабе в результате пандемии: это изменило наше чувство времени. В разгар своих соответствующих изоляций многие люди ссылались на тот факт, что дни в заточении, казалось, длились вечность, и тем не менее недели пролетели на удивление быстро. Опять же, за принципиальным исключением тех, кто был в «окопах» (всех основных рабочих, о которых мы уже упоминали), многие люди, находящиеся в изоляции, чувствовали однообразие дней, когда каждый день был похож на предыдущий и следующий, и почти нет разницы между рабочими днями и выходными. Как будто время стало аморфным и недифференцированным, без всех маркеров и нормальных делений. Заключение, столкнувшись с наиболее суровыми и радикальными формами заключения, подтверждают это в принципиально ином контексте, но с аналогичным опытом. «Дни текут, а потом просыпаешься, прошел месяц и думаешь: «Куда это делось, черт возьми?», - сказал Виктор Серж, русский революционер, который неоднократно попадал в тюрьму: «Есть быстрые часы и очень долгие секунды».^[159]

Могут ли эти наблюдения заставить некоторых из нас пересмотреть наши отношения со временем, лучше понять, насколько оно драгоценно, и не упустить его незамеченным? Мы живем в эпоху экстремальных скоростей, когда все идет намного быстрее, чем когда-либо, потому что технологии создали культуру мгновенности. В этом обществе «реального времени», где все нужно и нужно сразу, мы постоянно чувствуем нехватку времени и нас мучит чувство, что темп жизни постоянно увеличивается. Может ли измениться опыт изоляции из-за этого? Можем ли мы испытать на собственном индивидуальном уровне эквивалент того, что цепочки поставок «точно в срок» будут делать в постпандемическую эпоху - подавление ускорения времени в интересах большей устойчивости и душевного спокойствия? Может ли необходимость стать более психологически стойкими заставлять нас замедляться и внимательнее относиться к уходящему времени? Может быть. Это может быть одним из неожиданных плюсов COVID-19 и карантина. Это сделало нас более осведомленными и чуткими в отношении великих маркеров времени: драгоценных моментов, проведенных с друзьями и нашими семьями, времен года и природы, множества мелких вещей, требующих немного времени (например, разговора с незнакомцем, прослушивания птицы или любования произведением искусства), но это способствует благополучию. Перегрузка: в постпандемическую эпоху мы можем по-другому оценивать время.^[160]

3.3.3. Потребление

С тех пор, как началась пандемия, многие столбцы и анализы были посвящены влиянию COVID-19 на наши модели потребления. Значительное количество из них заявляет, что в постпандемическую эпоху мы станем более осознавать последствия нашего выбора и привычек и решим подавить некоторые формы потребления. На другом конце спектра несколько аналитиков прогнозируют «потребление мести», которое примет форму резкого роста расходов после окончания карантина, предсказывая сильное возрождение нашего животного духа и возвращение к ситуации, которая преобладала до пандемии. Потребление мести еще не произошло. Возможно, этого вообще не произойдет, если сначала проявится чувство сдержанности.

Основополагающий аргумент, поддерживающий эту гипотезу, - это тот, на который мы ссылались в главе об экологической перегрузке: пандемия стала драматическим откровением для широкой общественности в отношении серьезности рисков, связанных с деградацией окружающей среды и изменением климата.

Повышенное осознание неравенства и острая озабоченность по поводу него в сочетании с осознанием того, что угроза социальных волнений реальна, непосредственна и близка к нашему порогу, могут иметь

такой же эффект.

Когда наступает переломный момент, крайнее неравенство начинает разрушать общественный договор и все чаще приводит к антиобщественному (даже преступному) поведению, часто направленному против собственности. В ответ следует увидеть, что модели потребления меняются. Как это может закончиться? Заметное потребление может упасть в немилость. Наличие последней, самой современной модели чего бы то ни было больше не будет признаком статуса, а в лучшем случае будет восприниматься как оторванное, а в худшем - совершенно непристойное. Позиционная сигнализация будет перевернута. Рассказывать о себе через покупку и выставление напоказ дорогие «вещи» может просто стать устаревшим. Проще говоря, в постпандемическом мире, охваченном безработицей, невыносимым неравенством и тревогой за окружающую среду, демонстративная демонстрация богатства больше не будет приемлема.

Путь вперед может быть вдохновлен примером Японии вместе с некоторыми другими странами. Экономисты постоянно беспокоятся о возможной японификации мира (о которой мы говорили в разделе, посвященном макроэкономике), но есть гораздо более позитивная история японификации, которая дает нам представление о том, куда мы можем стремиться в отношении потребления. Япония обладает двумя взаимосвязанными отличительными чертами: в ней один из самых низких уровней неравенства среди стран с высоким уровнем дохода, и с момента взрыва спекулятивного пузыря в конце 80-х годов прошлого века уровень заметного потребления был ниже, что отличает ее от других. Сегодня положительная ценность минимализма (ставшего вирусным благодаря серии Мари Кондо), Пожизненное стремление к поиску смысла и цели в жизни (икигай), важность природы и практика лесных купаний (сирин-ёку) копируются во многих частях мира, хотя все они придерживаются относительно более «бережливого» подхода. Японский образ жизни по сравнению с более потребительскими обществами. Подобный феномен можно наблюдать в странах Северной Европы, где демонстративное потребление осуждается и подавляется. Но ничто из этого не делает их менее счастливыми, как раз наоборот.^[161] Как постоянно напоминают нам психологи и бихевиористы, чрезмерное потребление не означает счастье. Это может быть еще одна личная перезагрузка: понимание того, что явное потребление или чрезмерное потребление любого рода не является хорошим ни для нас, ни для нашей планеты, и последующее осознание того, что чувство личной реализации и удовлетворения не обязательно должно зависеть от безжалостного потребления - возможно, как раз наоборот.

3.3.4. Природа и благополучие

Пандемия оказалась упражнением в реальном времени в том, как управлять своим беспокойством и страхами в период чрезвычайного замешательства и неопределенности. Отсюда вытекает одно ясное сообщение: природа - грозное противоядие от многих сегодняшних болезней. Недавние многочисленные исследования неопровержимо объясняют, почему это так. Нейробиологи, психологи, врачи, биологи и микробиологи, специалисты по физической работоспособности, экономисты, социологи: все в своих областях теперь могут объяснить, почему природа заставляет нас чувствовать себя хорошо, как она облегчает физическую и психологическую боль и почему она связана с этим. множество преимуществ с точки зрения физического и психического благополучия. И наоборот, они также могут показать, почему отделение от природы во всем ее богатстве и разнообразии - дикой природе, деревьями, животными и растениями - отрицательно влияет на наш разум, наши тела,^[162]

COVID-19 и постоянные напоминания органов здравоохранения о ежедневных прогулках или физических упражнениях, чтобы поддерживать форму, ставят эти соображения в центр внимания. То же самое и с мириадами индивидуальных свидетельств во время карантина, показывающих, как много людей в городах жаждут зелени: леса, парка, сада или просто дерева. Даже в странах с самыми строгими режимами изоляции, такими как Франция, органы здравоохранения настаивали на необходимости проводить какое-то время на улице каждый день. В постпандемическую эпоху гораздо меньше людей будут игнорировать центральное место и важную роль природы в своей жизни. Пандемия сделала это осознание возможным в больших масштабах (поскольку теперь об этом знают почти все в мире). Это создаст более глубокие и личные связи на индивидуальном уровне с макро-пунктами, которые мы высказали ранее о сохранении наших экосистем и необходимости производить и потреблять таким образом, чтобы бережно относиться к окружающей среде. Теперь мы знаем, что без доступа к природе и всему, что она может предложить с точки зрения биоразнообразия, наш потенциал физического и психического благополучия серьезно ограничен.

На протяжении всей пандемии нам напоминали, что правила социального дистанцирования, мытья рук и ношения масок (плюс самоизоляция для наиболее уязвимых людей) являются стандартными средствами защиты от COVID-19. Тем не менее, два других существенных фактора, которые сильно зависят от нашего

воздействия на природу, также играют жизненно важную роль в нашей физической устойчивости к вирусу: иммунитет и воспаление. Оба способствуют защите нас, но с возрастом иммунитет снижается, а воспаление усиливается. Чтобы повысить наши шансы противостоять вирусу, необходимо повысить иммунитет и подавить воспаление. Какую роль в этом сценарии играет природа? Теперь наука говорит нам, что она главная леди! Низкий уровень постоянного воспаления, который испытывает наш организм, приводит к разного рода заболеваниям и расстройствам, от сердечно-сосудистых заболеваний до депрессии и снижения иммунных способностей. Это остаточное воспаление чаще встречается у людей, живущих в городах, городских районах и промышленных районах. В настоящее время установлено, что отсутствие связи с природой является фактором, способствующим усилению воспаления, и исследования показывают, что всего два часа, проведенные в лесу, могут облегчить воспаление за счет снижения уровня цитокинов (маркера воспаления).[163]

Все сводится к выбору образа жизни: не только время, которое мы проводим на природе, но и то, что мы едим, как спим, сколько упражняемся. Это выбор, который указывает на обнадеживающее наблюдение: возраст не обязательно должен быть фатальным. Обширные исследования показывают, что вместе с природой диета и физические упражнения могут замедлить, а иногда даже обратить вспять, наш биологический упадок. В этом нет ничего фаталистического! Упражнения, природа, необработанная пища... Все они обладают двойным преимуществом: повышают иммунитет и подавляют воспаления.^[164] Это согласуется с тем, что мы только что сделали о привычках потребления. Было бы удивительно, если бы все эти недавно обнаруженные доказательства не привели к повышению осведомленности об ответственном потреблении. По крайней мере, направление тенденции - меньше хищничества, больше устойчивости - кажется ясным.

Перезагрузка для людей: пандемия привлекла наше внимание к важности природы. В дальнейшем уделять больше внимания нашим природным богатствам будет постепенно приобретать первостепенное значение.

Заключение

В июне 2020 года, всего через шесть месяцев с начала пандемии, мир окажется в другом месте. В течение этого короткого периода времени COVID-19 не только вызвал важные изменения, но и усилил линии разлома, которые уже окружают нашу экономику и общество. Растущее неравенство, широко распространенное чувство несправедливости, углубление геополитических разногласий, политическая поляризация, рост государственного дефицита и высокого уровня долга, неэффективное или несуществующее глобальное управление, чрезмерная финансиализация, ухудшение состояния окружающей среды: вот некоторые из основных проблем, существовавших до пандемии. Кризис короны усугубил их всех. Может ли катастрофа COVID-19 быть молнией перед громом? Может ли он вызвать серию глубоких изменений? Мы не можем знать, каким будет мир через 10 месяцев, даже меньше того, на что он будет напоминать через 10 лет, но мы точно знаем, что, если мы не сделаем что-то для перезагрузки сегодняшнего мира, завтрашний день будет глубоко поражен. В «Хрониках предсказанной смерти» Габриэля Гарсиа Маркеса целая деревня предвидит надвигающуюся катастрофу, и все же ни один из жителей, похоже, не может или не желает действовать, чтобы предотвратить ее, пока не станет слишком поздно. Мы не хотим быть той деревней. Чтобы избежать такой участи, мы должны незамедлительно начать Великую перезагрузку. Это не «изюминка», а абсолютная необходимость. Неспособность устранить и исправить глубоко укоренившиеся недуги наших обществ и экономик может повысить риск того, что, как и на протяжении всей истории, в конечном итоге перезагрузка будет вызвана сильными потрясениями, такими как конфликты и даже революции. Мы обязаны взять быка за рога. Пандемия дает нам такой шанс: [165] глубокий кризис, спровоцированный пандемией, дал нам множество возможностей поразмышлять о том, как работают наши экономики и общества, и о том, как они не работают. Вердикт кажется ясным: нам нужно меняться; мы должны измениться. Но можем ли мы? Мы узнаем из ошибок, которые мы сделали в прошлом? Откроет ли пандемия дверь в лучшее будущее? Наведем ли мы порядок в нашем глобальном доме? Проще говоря, приведем ли мы в действие Великую перезагрузку? Сброс - амбициозная задача, возможно, слишком амбициозная, но у нас нет другого выбора, кроме как сделать все возможное для ее достижения. Речь идет о том, чтобы сделать мир менее вызывающим разногласия, менее загрязняющим, менее разрушительным, более инклюзивным, более равноправным и справедливым, чем мы оставили его в предпандемическую эпоху. Ничего не делать или делать слишком мало - значит идти лунатизмом к еще большему социальному неравенству, экономическому дисбалансу, несправедливости и ухудшению

состояния окружающей среды. Неспособность действовать означало бы позволить нашему миру стать более злым, более разделенным, более опасным, более эгоистичным и просто невыносимым для больших слоев населения земного шара. Ничего не делать - не лучший вариант.

Тем не менее, Великая перезагрузка далека от завершения. Некоторые могут сопротивляться необходимости заниматься этим, опасаясь масштабов задачи и надеясь, что ощущение срочности утихнет и ситуация скоро вернется к «нормальной». Аргумент в пользу пассивности звучит так: мы уже пережили аналогичные потрясения - пандемии, резкие рецессии, геополитический раскол и социальную напряженность - прежде, и мы пройдем через них снова. Как всегда, общества будут перестраиваться, и наша экономика тоже. Жизнь продолжается! Обоснование отказа от сброса также основывается на убеждении, что состояние мира не так уж и плохо, и что нам просто нужно исправить кое-что по краям, чтобы сделать его лучше. Верно то, что состояние мира сегодня в среднем значительно лучше, чем в прошлом. Мы должны признать, что как люди у нас никогда не было так хорошо. Почти все ключевые показатели, которые измеряют наше коллективное благосостояние (например, количество людей, живущих в бедности или умирающих в результате конфликтов, ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни или уровень грамотности, и даже количество смертей, вызванных пандемиями), постоянно улучшаются. прошедших столетий, что особенно заметно в последние несколько десятилетий. Но они улучшаются «в среднем» - статистическая реальность, которая не имеет смысла для тех, кто чувствует себя (а так часто оказывается) исключенным. Следовательно, убежденность в том, что сегодняшний мир лучше, чем когда-либо, хотя и верна, не может служить оправданием для утешения в существующем статус-кво и неспособности исправить многие недуги, которые продолжают его поражать. ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни или уровень грамотности и даже количество смертей, вызванных пандемиями, постоянно улучшались на протяжении прошлых веков, что особенно заметно в последние несколько десятилетий. Но они улучшаются «в среднем» - статистическая реальность, которая не имеет смысла для тех, кто чувствует себя (а так часто оказывается) исключенным. Следовательно, убежденность в том, что сегодняшний мир лучше, чем когда-либо, хотя и верна, не может служить оправданием для утешения в существующем статус-кво и неспособности исправить многие недуги, которые продолжают его поражать.

ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни или уровень грамотности и даже количество смертей, вызванных пандемиями, постоянно улучшались на протяжении прошлых веков, что особенно заметно в последние несколько десятилетий. Но они улучшаются «в среднем» - статистическая реальность, которая не имеет смысла для тех, кто чувствует себя (а так часто оказывается) исключенным. Следовательно, убежденность в том, что сегодняшний мир лучше, чем когда-либо, хотя и верна, не может служить оправданием для утешения в существующем статус-кво и неспособности исправить многие недуги, которые продолжают его поражать. Но они улучшаются «в среднем» - статистическая реальность, которая не имеет смысла для тех, кто чувствует себя (а так часто оказывается) исключенным. Следовательно, убежденность в том, что сегодняшний мир лучше, чем когда-либо, хотя и верна, не может служить оправданием для утешения в существующем статус-кво и неспособности исправить многие недуги, которые продолжают его поражать. Но они улучшаются «в среднем» - статистическая реальность, которая не имеет смысла для тех, кто чувствует себя (а так часто оказывается) исключенным. Следовательно, убежденность в том, что сегодняшний мир лучше, чем когда-либо, хотя и верна, не может служить оправданием для утешения в существующем статус-кво и неспособности исправить многие недуги, которые продолжают его поражать.

Трагическая смерть Джорджа Флойда (афроамериканца, убитого полицейским в мае 2020 года) наглядно иллюстрирует этот момент. Это было первое домино или последняя капля, ознаменовавшая решающий переломный момент, когда накопившееся в афроамериканском сообществе США глубокое чувство несправедливости, наконец, вылилось в массовые протесты. Разве указание им на то, что в «среднем» их участь сегодня лучше, чем в прошлом, успокоило бы их гнев? Конечно, нет! Для афроамериканцев важно их положение сегодня, а не то, насколько их состояние «улучшилось» по сравнению с тем, что было 150 лет назад, когда многие из их предков жили в рабстве (оно было отменено в США в 1865 году), или даже 50 лет назад, когда они вступали в брак. белый американец был незаконным (межрасовые браки стали законными во всех штатах только в 1967 году). В этом отношении к Великой перезагрузке относятся два момента: 1) наши человеческие действия и реакции не основаны на статистических данных, а определяются эмоциями и настроениями - нарративы определяют наше поведение; и 2) по мере улучшения условий жизни людей наш уровень жизни повышается, а вместе с ним и наши ожидания лучшей и справедливой жизни.

В этом смысле широкомасштабные социальные протесты, произошедшие в июне 2020 года, отражают настоятельную необходимость начать Великую перезагрузку. Связав эпидемиологический риск (COVID-19) с социальным риском (протестами), они дали понять, что в современном мире именно системная взаимосвязь

между рисками, проблемами, проблемами, а также возможностями имеет значение и определяет будущее. Понятно, что в первые месяцы пандемии общественное внимание было сосредоточено на эпидемиологических последствиях COVID и его влиянии на здоровье.

Но по мере продвижения вперед наиболее серьезные проблемы заключаются в сочетании экономических, геополитических, социальных, экологических и технологических рисков, которые возникнут в результате пандемии, и их продолжающегося воздействия на компании и отдельных лиц.

Нельзя отрицать, что вирус COVID-19 чаще всего был личной катастрофой для миллионов, инфицированных им, а также для их семей и сообществ. Однако на глобальном уровне, если рассматривать его с точки зрения процента затронутого населения мира, коронакризис (пока) является одной из наименее смертоносных пандемий, которые мир пережил за последние 2000 лет. По всей вероятности, если пандемия не разовьется непредвиденным образом, последствия COVID-19 с точки зрения здоровья и смертности будут мягкими по сравнению с предыдущими пандемиями. В конце июня 2020 года (в то время, когда вспышка болезни все еще бушует в Латинской Америке, Южной Азии и большей части США), COVID-19 унес жизни менее 0,006% населения мира. Чтобы сопоставить этот низкий показатель с точки зрения летальности, испанский грипп убил 2,7% населения мира, а от ВИЧ / СПИДа - 0,6% (с 1981 года по сегодняшний день). Чума Юстиниана, начавшаяся в 541 году и окончательно исчезнувшая в 750 году, по разным оценкам убила почти треть населения Византии, а Черная смерть (1347-1351 гг.) Убила от 30% до 40% мирового населения в то время. Пандемия короны другая. Это не представляет собой экзистенциальной угрозы или шока, который оставит свой отпечаток на населении мира на десятилетия. Однако это влечет за собой тревожные перспективы по всем уже упомянутым причинам; в сегодняшнем взаимозависимом мире риски сливаются друг с другом, усиливая свои взаимные эффекты и усиливая свои последствия. Многие из того, что нас ждет впереди, неизвестно, но мы можем быть уверены в следующем: в постпандемическом мире на первый план выйдут вопросы справедливости, начиная от стагнации реальных доходов подавляющего большинства до пересмотра наших социальных контрактов. Точно так же глубокая озабоченность по поводу окружающей среды или вопросы о том, как технологии могут быть развернуты и управляться ими на благо общества, будут проложены в политической повестке дня. Все эти проблемы возникли до пандемии, но COVID-19 обнажил их для всеобщего обозрения и усилил их. Направление тенденций не изменилось, но после COVID-19 оно стало намного быстрее.

Абсолютной предпосылкой для правильной перезагрузки является более тесное сотрудничество и сотрудничество внутри и между странами. Сотрудничество - «в высшей степени человеческая когнитивная способность», которая вывела наш вид на его уникальную и экстраординарную траекторию, - можно охарактеризовать как «общую намеренность» действовать сообща для достижения общей цели.^[166] Без этого мы просто не можем развиваться. Будет ли постпандемия характеризоваться более или менее сотрудничеством? Существует вполне реальный риск того, что завтра мир станет еще более разделенным, националистическим и склонным к конфликтам, чем сегодня. Многие из тенденций, рассмотренных в макро-разделе, предполагают, что в будущем наш мир будет менее открытым и менее склонным к сотрудничеству, чем до пандемии. Но возможен альтернативный сценарий, при котором коллективные действия внутри сообществ и более тесное сотрудничество между странами позволят более быстро и мирно выйти из коронного кризиса. По мере перезапуска экономики появляется возможность обеспечить большее социальное равенство и устойчивость в процессе восстановления, ускоряя, а не замедляя прогресс в достижении Целей устойчивого развития на период до 2030 года и открывая новую эру процветания.^[167] Что могло сделать это возможным и повысить вероятность такого исхода?

Наблюдение за неудачами и линиями разломов в жестокое светлое дня, брошенном коронным кризисом, может заставить нас действовать быстрее, заменяя неудачные идеи, институты, процессы и правила новыми, более подходящими для текущих и будущих потребностей. В этом суть Великой перезагрузки. Может ли глобальный опыт пандемии помочь решить некоторые из проблем, с которыми мы столкнулись в начале кризиса? Может ли лучшее общество выйти из изоляции? Так думает лауреат Нобелевской премии по экономике Амартия Сен, считая, что: «Необходимость действовать сообща, безусловно, может вызвать понимание конструктивной роли общественных действий»,^[168] приводя в качестве доказательства некоторые примеры, такие как Вторая мировая война, которая заставила людей осознать важность международного сотрудничества, и убеждая такие страны, как Великобритания, в преимуществах более эффективного распределения продуктов питания и здравоохранения (и в конечном итоге создания государства всеобщего благосостояния). Джаред Даймонд, автор книги «Переворот: как нации справляются с кризисом и переменами», придерживается аналогичного мнения, надеясь, что коронный кризис заставит нас бороться с четырьмя экзистенциальными рисками, с которыми мы все вместе сталкиваемся: 1) ядерные угрозы; 2) изменение климата; 3) неустойчивое использование основных ресурсов, таких как леса, морепродукты, верхний слой почвы и пресная вода; и 4) последствия огромных различий в уровне жизни между народами мира: «Как ни странно, Успешное разрешение пандемического

кризиса может побудить нас заняться решением тех более серьезных проблем, с которыми мы до сих пор отказывались решать. Если пандемия, наконец, подготовит нас к борьбе с этими экзистенциальными угрозами, возможно быть серебряной подкладкой к черному облаку вируса. Среди последствий вируса он может оказаться самым серьезным, самым продолжительным и нашим большим поводом для надежды».

[169]

Эти выражения индивидуальной надежды подтверждаются множеством опросов, в которых делается вывод о том, что мы все коллективно желаем перемен. Они варьируются от опроса в Великобритании, показывающего, что большинство людей хотят коренным образом изменить экономику по мере ее восстановления, в отличие от одной четверти, желающих, чтобы она вернулась к тому состоянию, в котором она была.^[170] к международным исследованиям, показывающим, что подавляющее большинство граждан во всем мире хотят, чтобы восстановление экономики после коронного кризиса уделяло первоочередное внимание изменению климата^[171] и для поддержки зеленого восстановления.^[172] Во всем мире множатся движения, требующие «лучшего будущего» и призывающие к переходу к экономической системе, которая ставит во главу угла наше коллективное благополучие, а не простой рост ВВП.

Мы сейчас на перепутье. Один путь приведет нас к лучшему миру: более инклюзивному, более справедливому и более уважительному к Матери-природе. Другой перенесет нас в мир, похожий на тот, который мы только что оставили, но еще хуже и постоянно преследуемый неприятными сюрпризами. Поэтому мы должны сделать это правильно. Надвигающиеся вызовы могут иметь более серьезные последствия, чем мы до сих пор представляли, но наша способность к перезагрузке также может быть больше, чем мы ранее осмеливались надеяться.

Благодарности

Авторы хотели бы поблагодарить Мэри Энн Маллерет за ее неоценимый вклад в рукопись и за значительное улучшение ее общего стиля благодаря ее «ручке» и Хильде Шваб за ее критический взгляд на читателя. Они также хотели бы поблагодарить Камиллу Мартин из Monthly Barometer за помощь в исследованиях и Фабьен Стассен, которая редактировала книгу прилежно и внимательно, несмотря на очевидные временные ограничения. Спасибо также многим коллегам на Всемирном экономическом форуме, которые консультировали, читали, рецензировали, форматировали, создавали, публиковали и продвигали эту книгу. В их число входят коллеги из офисов в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Женеве, Пекине и Токио, а также специалисты в области экономики, общества, технологий, общественного здравоохранения и государственной политики. Особая благодарность Келли Оммундсен и Питеру Ванхэму из офиса Председателя.

Клаус Шваб и Тьерри Маллерет, Женева, июль 2020 г.

Сноски

СНОСКИ

[1] Сноуден, Фрэнк, Эпидемии и общество: от черной смерти до настоящего времени, Yale University Press, 2019.

[2] Тачман, Барбара, далекое зеркало - бедствие 14-го века, книги в мягкой обложке Random House Trade; Переиздание, 1987 г.

[3] Солана, Хавьер, «Наш звездный час», Project Syndicate, 28 Март 2020, <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-socioeconomic-landscape-after-covid19-pandemic-by-javier-solana-2020-03>.

[4] Камю, Альбер, Чума, перевод Стюарта Гилберта, Альфред А. Кнопф, Инс., 1948, стр. 80.

[5] Махбубани, Кишор, Великая конвергенция: Азия, Запад и логика единого мира, PublicAffairs, Perseus Books Group, 2013.

[6] Всемирный экономический форум, Отчет о глобальных рисках 2020, Отчет Insight, 15-е издание, http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf.

[7] Уортонский университет Пенсильвании, Центр управления рисками и процессов принятия решений, «Страусиный парадокс: почему мы не готовы к стихийным бедствиям», краткий обзор выпуска, май 2018 г., <https://riskcenter.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2019/03/Ostrich-Paradox-issue-ref.pdf>.

[8] Вагенаар, Уильям А. и Сабато Д. Сагария, «Неправильное восприятие экспоненциального роста», *Perception & Психофизика*, т. 18, 1975, стр. 416–422, <https://link.springer.com/article/10.3758/BF03204114>.

[9] CDC, «Сезон гриппа в США 2019–2020 гг. : предварительное бремя» Оценки », <https://www.cdc.gov/flu/about/burden/preterior-in-сезон-оценка.htm>

[10] Университет Джона Хопкинса и медицина, Ресурсный центр по коронавирусу, «Панель мониторинга COVID-19 от Центра Системные науки и инженерия (CSSE) в Университете Джона Хопкинса (JHU) », 24 июня 2020 г.

[11] Саймон, Герберт, «Архитектура сложности», Труды Американского философского общества, вып. 106, нет. 6, 1962, стр. 467-482.

[12] Маллере, Тьерри, Нарушение равновесия: мир вне килтера, BookBaby, 2012.

[13] В отличие от явлений белого лебедя, которые достоверны, события черного лебедя очень редки, их трудно предсказать (маловероятно) и они имеют огромные последствия. Их называют «черными лебедями» в связи с тем, что таких лебедей не существовало до тех пор, пока голландские исследователи не обнаружили их в Западной Австралии в конце 17 века.

[14] Уэбб, Ричард, «Квантовая физика», *New Scientist*, nd, <https://www.newscientist.com/term/quantum-physics/#>.

[15] Проект Гутенберг, «Журнал года чумы Даниэля Дефо», <http://www.gutenberg.org/ebooks/376>.

[16] Джордисон, Сэм, «Год чумы Дефо был написан в 1722 году, но ясно говорит о нашем времени», *The Guardian*, 5 мая 2020 г., <https://www.theguardian.com/books/booksblog/2020/may/05/defo-ea-journal-of-the-plague-year-1722-our-time>.

[17] Шама, Саймон, «Время чумы: Саймон Шама о том, что нам рассказывает история», *Financial Times*, 10 апреля 2020 г., <https://www.ft.com/content/279dee4a-740b-11ea-95fe-fcd274e920ca>.

[18] Жорда, Оскар, Санджай Р. Сингх и Алан М. Тейлор, «Долгосрочные экономические последствия пандемии», Федеральный резервный банк Сан-Франциско, Рабочий документ 2020-09, 2020, <https://www.frbsf.org/economic-research/files/wp2020-09.pdf>.

[19] Bloomberg, «Коронавирус, вероятно, станет сезонной инфекцией, такой как грипп, предупреждают ведущие китайские ученые», *Time*, 28 Апрель 2020, <https://time.com/5828325/coronavirus-covid19-сезонные-бессимптомные-носители>.

[20] Кристоф, Николас, «Давайте помнить, что коронавирус по-прежнему остается загадкой», *The New York Times*, 20 мая 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/05/20/opinion/us-coronavirus-reopening.html>.

[21] Драуланс, Дирк: «Наконец-то меня поразили вирус». Ученый, который боролся с Эболой и ВИЧ, размышляет о том, что ему грозит смерть от COVID-19 », *Наука*, 8 мая 2020, <https://www.sciencemag.org/news/2020/05/finally-virus-got-me-ученый-который-боролся-Эбола-и-ВИЧ-отражает-встречает-смерть-covid-19-#>.

[22] Мур, Кристин и др., COVID-19: точка зрения CIDRAP, Центр исследований и политики в области инфекционных заболеваний (CIDRAP), 2020 г., https://www.cidrap.umn.edu/sites/default/files/public/downloads/cidrap-covid19-viewpoint-part1_0.pdf.

[23] Черукупалли, Раджив и Том Фриден, «Только спасение жизней спасет средства к существованию», Министерство иностранных дел, 13 мая 2020 г., <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-13/только-спасение-жизней-спасет-средства-к-существованию>.

[24] Барсук, Эмили и Алисия Парлапиано, «Государственные заказы сами по себе не закрыли экономику. Вероятно, они не смогут его открыть снова », *The New York Times*, обновление от 9 мая 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/05/07/upshot/pandemic-economy-Government-orders.html>.

[25] Уайтон, Кейт, «Изоляция и закрытие школ в Европе, возможно, предотвратило 3,1 миллиона смертей», Имперский колледж Лондона, 8 Июнь 2020, <https://www.imperial.ac.uk/news/198074/lockdown-Заккрытие-школ-в-Европе-предотвратило>.

[26] Сян, Соломон и др., «Влияние широкомасштабной политики борьбы с инфекцией на пандемию COVID-19», журнал *Nature*, 8 июня 2020 г., <https://www.nature.com/articles/s41586-020-2404-8>.

[27] Гудман, Питер С., «Почему глобальная рецессия может длиться долго», *The New York Times*, 1 апреля 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/04/01/business/economy/coronavirus-recession.html>.

[28] Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), «Оценка первоначального воздействия сдерживания COVID-19. меры по экономической деятельности », 10 июня 2020 г., https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=126_126496-evgsi2gmj&title=Evaluating_the_initial_impact_of_COVID-19_containment_measures_on_economic_activity.

[29] CPB Нидерландское бюро анализа экономической политики, «Сценарии экономических последствий

коронного кризиса», CPB Сценарии, март 2020, <https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Сценарии-март-2020-сценарии-экономические-последствия-corona-cris.pdf>.

[30] Международный валютный фонд, «Перспективы развития мировой экономики». Обновление », июнь 2020 г., <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEO-ОбновлениеИюнь2020>.

[31] Полити, Джеймс, «Что нужно знать о недавно появившихся в Америке безработные », Financial Times, 21 мая 2020 г., <https://www.ft.com/content/5924441b-1cb6-4fbd-891b-0afb07e163d7>.

[32] Фрей, Карл Бенедикт, «Covid-19 только усилит беспокойство по поводу автоматизации», Financial Times, 21 апреля 2020 г., <https://www.ft.com/content/817228a2-82e1-11ea-b6e9-a94cfd1d9bf>.

[33] Джаймович, Нир и Генри Э. Сиу, «Поляризация рабочих мест и восстановление безработицы», Национальное бюро экономических исследований (NBER), Рабочий документ 18334, редакция от ноября 2018 г., <https://www.nber.org/papers/w18334.pdf>.

[34] Койл, Дайан и Бенджамин Митра-Хан, «За счет будущего», мимео, 2017.

[35] Боффи, Дэниел, «Амстердам будет использовать модель «пончика» для исправления посткоронавирусной экономики», The Guardian, 8 апреля 2020 г., <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/08/amsterdam-пончик-модель-исправить-пост-коронавирус-экономика>.

[36] Банерджи, Абхиджит В. и Эстер Дафло, Хорошая экономика в тяжелые времена, PublicAffairs, 2019.

[37] Там же.

[38] Комиссия по росту и развитию, Отчет о росте: стратегии устойчивого роста и инклюзивного развития, Всемирный банк, 2008 г. ; Холлуорд-Дримайер, Мэри и Гаурав Найяр, Проблемы в процессе создания? Будущее развития, управляемого производством, Группа Всемирного банка, 2018 г.

[39] Фонд Эллен Макартур, «Что такое циркуляр экономика? », 2017, <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/circular-экономика / концепция>.

[40] Как доказано Платформой ускорения круговой экономики (PACE), см. <https://pacecircular.org>.

[41] Международная конфедерация профсоюзов (ITCU), «Инвестиции в экономику ухода: путь к росту», 8 марта 2016 г., <https://www.ituc-csi.org/investing-in-the-care-economy-a>.

[42] Кэссиди, Джон, «Можем ли мы достичь процветания без роста?», The New Yorker, 3 февраля 2020 г., <https://www.newyorker.com/magazine/2020/02/10/can-we-have-процветание-без-роста>.

[43] Degrowth, «Degrowth: новые корни экономики», 2020 г., <https://www.degrowth.info/en/open-letter>.

[44] McAfee, Andrew, More from Less, Simon & Schuster, Inc., 2019.

[45] Бланшар, Оливье, «Разработка финансовых мер реагирования на пандемию COVID-19», Институт международной экономики Петерсона (PIIE), брифинг 20-1, 8 апреля 2020 г.

[46] Рейнхарт, Кармен М. и Кеннет Рогофф, «Долговая угроза коронавируса», The Wall Street Journal, 26 марта. 2020, <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-debt-threat-11585262515>.

[47] Рейнхарт, Кармен М., «На этот раз все по-другому», проект Syndicate, 23 марта 2020 г., <https://www.project-синдикат.org/commentary/covid19-crisis-has-no-economic-Preident-by-Carmen-Reinhart-2020-03>.

[48] Саез, Эммануэль и Габриэль Зукман, «Сохранение бизнеса: правительство заплатит», редакция от 16 марта 2020 г., <http://gabriel-zucman.eu/files/coronavirus2.pdf>.

[49] Эффективные глубоко отрицательные процентные ставки должны быть поддержаны мерами по предотвращению накопления денежных средств финансовыми компаниями, см. Рогофф, Кеннет, «Дело в пользу глубоко отрицательных процентных ставок», Project Syndicate, 4 мая 2020 г., <https://www.project-syndicate.org/commentary/advanced-экономика-потребности-глубоко-отрицательные-процентные-ставки-по-кеннету-rogoff-2020-05>.

[50] Бланшар, Оливье: «Есть ли дефляция или инфляция в нашей будущее? », VOX, 24 апреля 2020 г., <https://voxeu.org/article/there-дефляция-или-инфляция-наше-будущее>.

[51] Шарма, Ручир, «Элизабет Уоррен и Дональд Трамп ошибаются в одном и том же», The New York Times, 24 июня

2019, <https://www.nytimes.com/2019/06/24/opinion/elizabeth-Уоррен-Дональд-Трамп-доллар-девальвация.html>.

[52] Кумар, Адити и Эрик Розенбах, «Может ли цифровая валюта Китая обойти доллар?», Министерство иностранных дел, 20 мая 2020 г., <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-05-20/could-Китай-цифровая-валюта-не-сидеть-доллар>.

[53] Полсон-младший, Генри М., «Будущее доллара», Иностранная Дел, 19 мая 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-05-19 / фьючерс-доллар>.

[54] Эйхенгрин, Барри, Арно Мель и Ливия Киу, «Марс или Меркурий? Геополитика выбора международной валюты », VOX, 2 января 2018, <https://voxeu.org/article/geopolitics-international-выбор-валюты>.

[55] Киссинджер, Генри А., «Пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок», The Wall Street Journal, 3 апреля 2020, <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-навсегда-изменить-мир->

порядок-11585953005.

[56] Это выражение использовалось и опровергалось неоднократно. В качестве конкретного примера см. Джонс, Оуэн, «Коронавирус - не великий уравниватель: он прямо сейчас усугубляет неравенство», *The Guardian*, 9 апреля 2020 г., <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/09/coronavi-рус-неравенство-менеджеры-зум-уборщики-офисы>.

[57] Эль-Эриан, Мохамед А. и Майкл Спенс, «Великий Unequalizer », *Иностранные дела*, 1 июня 2020 г., <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-06-01/великий-неравноправный>.

[58] Дингел, Джонатан И. и Brent Нейман, «Сколько рабочих мест можно выполнить дома?», *Институт Беккера Фридмана, Белая книга, Июнь 2020*, https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/BFI_White-Paper_Dingel_Neiman_3.2020.pdf.

[59] Дитон, Ангус: «Не все мы равны в глазах коронавируса », *Financial Times*, 5 апреля 2020 г., <https://www.ft.com/content/0c8bbe82-6dff-11ea-89df-41bea055720b>.

[60] Миланович, Бранко, «Настоящая опасность пандемии - социальная» Крах », *Иностранные дела*, 19 марта 2020 г., <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-19/real-pandemic-опасность-социальный-крах>.

[61] По данным Global Protest Tracker Карнеги Фонд за международный мир, <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-трекер>.

[62] Милн, Ричард, «Лекарство от коронавируса может спровоцировать социальный кризис», *Financial Times*, 26 марта 2020 г., <https://www.ft.com/content/3b8ec9fe-6eb8-11ea-89df-41bea055720b>.

[63] Лонг, Хизер и Эндрю Ван Дам, «Экономический разрыв между черными и белыми так же широк, как и в 1968 году», *The Washington Post*, 4 июня 2020, <https://www.washingtonpost.com/business/2020/06/04/economic-разделить-чернокожих-домохозяйств>.

[64] Макадам, Дуг, «Вербовка для активистов с высоким риском: случай свободы летом», *Американский журнал социологии*, т. 92, нет. 1, июль 1986 г., стр. 64-90, <https://www.jstor.org/stable/2779717?seq=1>.

[65] Миклтуэйт, Джон и Адриан Вулдридж, «Вирус должен пробудить Запад», *Bloomberg*, 13 апреля 2020 г., <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-04-13/коронавирус-пандемия-это-звонок-будильник-призыв-изобретать-заново-государство>.

[66] Неллер, Герман, «Право налогообложения», *Marquette Law Review*, vol. 22, нет. 3 апреля 1938 г.

[67] Мерфи, Ричард, «Налоги и коронавирус: перспектива налоговой справедливости», *Tax Research UK*, 24 марта 2020 г., <https://www.taxresearch.org.uk/Blog/2020/03/24/tax-and-коронавирус-с-точки-зрения-налогового-правосудия>.

[68] Маццукато, Мариана, «Кризис Covid-19 - это шанс сделать капитализм по-другому», *The Guardian*, 18 марта 2020 г., <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/18/the-covid-19-кризис-это-шанс-сделать-капитализм-иначе>.

[69] Стиглиц, Джозеф Э., «Надежное средство от экономического кризиса, вызванного пандемией Covid-19», *The New York Review of Books*, 8 Апрель 2020, <https://www.nybooks.com/daily/2020/04/08/a-lasting-лекарство-от-пандемий-19-пандемий-экономический-кризис>.

[70] Это, в частности, показано в ежегодном Барометре доверия Эдельмана. <https://www.edelman.com/trustbarometer>.

[71] Два ярких примера взяты из работы Международной группы по социальному прогрессу «Переосмысление общества для XXI века». *Век*, 2018, <https://www.cambridge.org/gb/academic/subjects/politics-международные-отношения/политико-экономика/переосмысление-общества-21st-Век-отчет-международная-панель-социальный-прогресс>, и Мир Банк, *К новому общественному договору*, 2019, <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf>.

[72] Киссинджер, Генри А., «Пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок», *The Wall Street Journal*, 3 апреля 2020 г. <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-навсегда-изменить-мир-порядок-11585953005>.

[73] Ху, Кэтрин, «Я просто не думаю, что у нас есть роскошь мечтать больше», *The New York Times*, 24 марта 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/03/24/opinion/coronavirus-recession-gen-z.html>.

[74] Макналти, Дженнифер, «Молодежный активизм набирает обороты во всем мире, и взрослые должны обращать на это внимание, - говорит автор», *Калифорнийский университет в Санта Крус*, 17 сентября 2019 г., <https://news.ucsc.edu/2019/09/taft-youth.html>.

[75] Например, в сентябре 2019 года более 4 миллионов молодых людей одновременно в 150 странах вышли на демонстрацию с требованием принятия срочных мер по борьбе с изменением климата; см. Сенгупта, Сомини, «Протестуя против изменения климата, молодые люди выходят на улицы в рамках глобальной забастовки», *The New York Times*, 20 сентября 2019 г., <https://www.nytimes.com/2019/09/20/climate/global-climate-strike.html>.

[76] Для обсуждения текущих форм национализма см. Виммер, Андреас, «Почему национализм работает», *Foreign Affairs*, Март / апрель 2019, <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-02-12/why->

национализм-работает.

[77] Радд, Кевин, «Грядущая анархия после COVID», *Foreign Дел*, 6 мая 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-состояния / 2020-05-06 / приход-пост-ковид-анархия>.

[78] Родрик, Дэни, Парадокс глобализации, Oxford University Press, 2012.

[79] Пастор, Любос и Пьетро Веронези, «Рациональная реакция на глобализацию», *VOX*, 28 сентября 2018 г., <https://voxeu.org/article/rational-backlash-against-globalisation>.

[80] Хуан, Янчжун, «Зависимость США от фармацевтических продуктов из Китая», Совет по международным отношениям, запись в блоге, 14 августа 2019, <https://www.cfr.org/blog/us-dependence-Фармацевтические-продукты-Китай>.

[81] Ханна, Параг, «Постпандемия: добро пожаловать в многоскоростной мир региональных различий», *Global Geneva*, 26 апреля. 2020, <https://www.global-geneva.com/post-pandemic-welcome-to-мир-мульти-скорость-регионального-неравенства>.

[82] Глобальный бизнес-альянс, «Исследование входящих инвестиций», Май 2020, https://globalbusiness.org/dmfile/GlobalBusinessAlliance_Inbound-InvestmentSurveyFindings_May2020.pdf.

[83] Полсон, Генри, «Спасите глобализацию, чтобы обеспечить будущее», *Financial Times*, 17 апреля 2020, <https://www.ft.com/content/da1f38dc-7fbc-11ea-b0fb-13524ae1056b>.

[84] Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ), Комитет по политике в области развития, «Глобальное управление и глобальные правила развития в период после 2015 года», Политика

Примечание, 2014 г., https://www.un.org/en/development/desa/policy/cdp/cdp_publications / 2014cdppolicynote.pdf.

[85] Субраманиан, Арвинд, «Угроза ослабления великого. Полномочия », *Project Syndicate*, 6 мая 2020 г., <https://www.project-синдикат.org/commentary/covid19-will-weaken-united-states-Китай-и-Европа-Арвинд-субраманиан-2020-05>.

[86] Фукуяма, Фрэнсис, Политический порядок и политический распад: от промышленной революции до глобализации демократии, Фаррар, Страус и Жиру, 2014.

[87] Шившанкар Менон, бывший советник по национальной безопасности Индии, цитирует слова Крэбтри, Джеймс: «Как коронавирус выявил крах глобального лидерства», *Nikkei Asian Review*, 15 апреля 2020, <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Cover-Story/How-коронавирус-разоблачение-крах-глобального-лидерства>.

[88] Кабестан, Жан-Пьер, «Битва Китая с коронавирусом: возможные геополитические выгоды и реальные вызовы», *Aljazeera Центр исследований*, 19 апреля 2020 г., <https://studies.aljazeera.net/en/reports/china%E2%80%99s-battle-коронавирус-возможные-геополитические-достижения-и-реальные-проблемы>.

[89] Андерлини, Джамиль: «Почему Китай теряет коронавирус? повествование», *Financial Times*, 19 апреля 2020 г., <https://www.ft.com/content/8d7842fa-8082-11ea-82f6-150830b3b99a>.

[90] Кинге, Джеймс, Катрина Мэнсон и Джеймс Полити, «США и Китай: на пути к новому типу холодной войны?», *Financial Times*, 8 мая 2020, <https://www.ft.com/content/fe59abf8-cbb8-4931-b224-56030586fb9a>.

[91] Ли Сянь Лун, «Век Азии, находящийся под угрозой исчезновения», *Иностранные дела*, Июль / август 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-06-04/lee-hsien-находящийся-под-угрозой-исчезновения-азиатский-век>.

[92] Федрици, Алессандро и Массимилиано Проьетти, «Квантовая физика: наше исследование предполагает, что объективной реальности не существует», *Разговор*, 14 ноября 2019, <https://theconversation.com/quantum-physics-our-study-suggests-объективная-реальность-не-существует-126805>.

[93] Цзямин, Ли, «Каждый шаг по стигматизации Китая пробуждает нашу историческую память», *Global Times*, 19 апреля 2020 г., <https://www.globaltimes.cn/content/1186037.shtml>.

[94] Институт Билля о правах, «Основополагающие принципы и добродетели», nd, <https://billofrightsinstitute.org/founding-documents/founding-принципы>.

[95] Най-младший, Джозеф С., «Нет, коронавирус не изменит мировой порядок», *Внешняя политика*, 16 апреля 2020 г., <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-Соединенные-Штаты-власть-конкуренция>

[96] Последняя книга Махбубани «Китай победил? PublicAffairs - Китайский вызов американскому превосходству - вышел в марте 2020 года в разгар кризиса в области здравоохранения.

[97] Махбубани, Кишор, «Как Китай может победить мир, переживший коронавирус, и оставить США позади», *MarketWatch*, 18 14 апреля 2020, <https://www.marketwatch.com/story/how-china-может-победить-пост-коронавирусный-мир-и-оставить-нас-за-2020-04-14>.

[98] Шарма, Ручир, "Возвращение нации", "Иностранные дела", Май / июнь 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-состояния / 2020-03-31 / камбэк-нация>.

[99] Это подзаголовок уже цитированной статьи Кевина Радда: «Грядущая анархия после COVID:

пандемия грозит плохо как американской, так и китайской державе - и всему миру. Порядок", <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/> / приход-пост-ковид-анархия. Все цитаты в абзаце из этой статьи.

[100] Миямото, Такенори, «Интервью: США - беспорядок, но не Китай - решение: Найл Фергюсон», *Nikkei Asian Review*, 21 мая 2020, <https://asia.nikkei.com/Editor-s-Picks/Interview/US-is-a-bеспорядок-но-Китай-не-решение-Найл-Фергюсон>.

[101] Сигне, Ландри, «Необходим новый подход, чтобы победить COVID-19 и исправить нестабильные состояния», *Брукингс*, 21 апреля 2020 г., <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2020/04/21/a-новый-подход-необходим-чтобы-победить-covid-19-и-исправить-хрупкие-состояния>.

[102] Как сообщается в Ежемесячном барометре, июнь 2020 г.

[103] Миллер, Адам, «Звонок без ответа: обзор ответов на призыв ООН к глобальному прекращению огня», Проект данных о местонахождении вооруженного конфликта и данных о событиях (ACLED), 13 мая 2020 г., <https://acleddata.com/2020/05/13/call-unansealed-un-appeal>.

[104] Куаммен, Дэвид, «Мы сделали эпидемию коронавируса», *Нью-Йорк Таймс*, 28 января 2020, <https://www.nytimes.com/2020/01/28/opinion/coronavirus-china.html>.

[105] «Письмо о коронавирусе и дикой природе: пакет стимулов», 24 марта 2020, <https://www.documentcloud.org/documents/6819003-КоронавирусWildlifeLetterStimulusPackage.html>.

[106] Всемирный экономический форум, «COVID-19 - Food / Nature / Climate», внутренний документ, май 2020 г.

[107] Цуй, Ян и др., «Загрязнение воздуха и летальность от SARS в Китайской Народной Республике: экологическое исследование», *Environmental Здоровье*, т. 2, нет. 15, 2003 г., <https://ehjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/1476-069X-2-15>.

[108] Фридман, Лиза, «Новые исследования связывают загрязнение воздуха с более высоким уровнем смертности от коронавируса», *The New York Times*, 7 апреля 2020, <https://www.nytimes.com/2020/04/07/climate/air-pollution-коронавирус-covid.html>. Научная статья, опубликованная исследователи из Гарвардского университета - Ву, Сяо и др., «Воздействие загрязнения воздуха и смертность от COVID-19 в Соединенных Штатах: общенациональное перекрестное исследование», Гарвардская школа общественного здравоохранения TH Chan, обновление от 24 апреля 2020 г., <https://projects.iq.harvard.edu/covid-pm>.

[109] Международное энергетическое агентство (МЭА), *Global Energy Review 2020 г.*, Апрель 2020, <https://www.iea.org/reports/global-energy-обзор-2020>.

[110] Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), *Отчет о разрыве выбросов за 2019 год*, 2019, <https://www.unenvironment.org/interactive/emissions-gap-отчет / 2019>.

[111] S&P Global и RobecoSAM, Ежегодник устойчивого развития 2020 г., 2020, <https://www.robeco.com/docst/docu-robecosam-ежегодник-устойчивого-развития-2020.pdf>.

[112] Международное энергетическое агентство (МЭА), «Как переход на чистую энергию может помочь дать толчок экономике», 23 апреля 2020 г., <https://www.iea.org/commentaries/how-clean-energy-transitions-может-помочь-начать-экономику>.

[113] Хук, Лесли и Александра Вишневецкие, «Как коронавирус остановил динамику изменения климата», *Financial Times*, 14 апреля 2020, <https://www.ft.com/content/052923d2-78c2-11ea-af44-daa3def9ae03>.

[114] Ченовет, Эрика и др., «Глобальная пандемия породила новые формы активности - и они процветают», *Хранитель*, 20 апреля 2020, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/20/the-Глобальная-пандемия-породила-новые-формы-активности-и-они-процветающий>.

[115] KSTP: «BP получает убытки в размере 17,5 млрд долларов из-за ускорения пандемии. сокращение выбросов », 15 июня 2020 г., <https://kstp.com/business/bp-забирает-17-миллиардный-хит-как-коронавирус-пандемия-ускоряет-сокращение-выбросов / 5760005 />; Херст, Лора, «Супермаджоры» найти препятствия и возможности по мере затягивания пандемии », *Мир Нефть*, 16 июня 2020 г., <https://www.worldoil.com/news/2020/6/16/supermajors-find-препятствия-и-возможности-по-мере-того-как-пандемия-затягивается>.

[116] Европейская комиссия, «Зеленая сделка в Европе», https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en.

[117] Грей, Эмили и Крис Джексон: «Две трети граждан во всем мире согласны с тем, что изменение климата - это такой же серьезный кризис, как и Коронавирус », *Ipsos*, 22 апреля 2020 г., <https://www.ipsos.com/en/two-трети-граждан-всего-мира-согласны-с-серьезным-кризисом-изменения-климатакоронавирус>.

[118] Всемирный экономический форум, Обзор рисков COVID-19: предварительное картирование и его последствия, *Insight Report*, май 2020 г., http://www3.weforum.org/docs/WEF_COVID_19_Risks_Outlook_Special_Edition_Pages.pdf.

[119] Се Чжон, Ким, «Город Сеул реализует «Новый зеленый курс» для смягчения последствий

пандемии», The Korea Times, обновление от 4 июня 2020 г., https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/06/281_290628.ht мл.

[120] Systemiq и Всемирный экономический форум, «Построение благоприятного для природы будущего - рекомендации для политиков по перезагрузке экономики с помощью природного капитала», июль 2020 г.

[121] Клаус Шваб, Четвертая промышленная революция, Всемирный экономический форум, 2016 г., стр. 9.

[122] Обе цитируются в книге Уотерса, Ричарда: «Из-за блокировки цифровое будущее продвинулось вперед, но вернемся ли мы назад?», Financial Times, 1 мая 2020, <https://www.ft.com/content/f1bf5ba5-1029-4252-9150-b4440478a2e7>.

[123] Фрей, Карл Бенедикт и Майкл А. Осборн, «Будущее занятости: насколько рабочие места подвержены компьютеризации?», Технологическое прогнозирование и социальные изменения, том. 114, январь 2017, стр. 254-280, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162516302244>.

[124] Херик, Майкл и др., «Интеллектуальная автоматизация: побуждает сотрудников использовать ботов», Bain & Company, 8 апреля 2020 г., <https://www.bain.com/insights/intelligent-automation-getting-sotrudniki-obnimajutsja-boty>.

[125] Чотинер, Исаак, «Коронавирус и будущее больших Tech », The New Yorker, 29 апреля 2020 г., <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/the-coronavirus-and-будущее-больших-технологий>.

[126] Холмс, Оливер и др., «По мнению экспертов, массовое наблюдение за коронавирусом может остаться надолго», The Guardian, 18 июня 2020 г., <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/18/coronavirus-массовое-наблюдение-может-здесь-остаться-отслеживание>.

[127] Харари, Юваль Ной, «Мир после коронавируса», Financial Times, 20 марта 2020, <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75>.

[128] Там же.

[129] Морозов, Евгений, «Технологические решения от коронавируса выводят слежку на новый уровень», The Guardian, 25 апреля 2020, <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/15/tech-коронавирус-наблюдение-состояние-цифровое-нарушение>.

[130] Торнхилл, Джон, «Как Covid-19 ускоряет переход от транспорта к телепорту», Financial Times, 30 марта 2020 г., <https://www.ft.com/content/050ea832-7268-11ea-95fe-fcd274e920ca>.

[131] Снидер, Кевин и Шубхам Сингхал, «От размышлений о следующей норме к ее работе: что останавливать, начинать и ускорять», McKinsey & Company, 15 мая 2020 г., <https://www.mckinsey.com/featured-insights/leadership/from-думать-о-следующем-нормальном-заставить-работать-что-то-остановить-старт-и-ускорение-#>.

[132] Этот анекдот появляется в статье Кулиша, Николаса и др. «США пытались построить новый парк вентиляторов. Миссия провалилась », The New York Times, обновление за 20 апреля 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/03/29/business/coronavirus-us-вентилятор-нехватка.html>.

[133] BlackRock, Устойчивое инвестирование: устойчивость на фоне неустойчивости, 2020, <https://www.blackrock.com/corporate/literature/investor-образование/устойчивое-инвестирование-устойчивость.pdf>.

[134] Тетт, Джиллиан, «Бизнес подвергается суровому испытанию ESG на фоне призывов «строить лучше»», Financial Times, 18 мая 2020 г., <https://www.ft.com/content/e97803b6-8eb4-11ea-af59-5283fc4c0cb0>.

[135] Стрин, Лео и Дороти Лунд, «Как восстановить силу и справедливость в нашей экономике» воспроизведены в «Как бизнес должен измениться после кризиса коронавируса», Нью-Йорк, 10 апреля 2020, <https://www.nytimes.com/2020/04/10/business/dealbook/coronavir-us-enterprise-management.html>.

[136] Шваб, Клаус: «Covid-19 - это лакмусовая бумажка для заинтересованных сторон. капитализм », Financial Times, 25 марта 2020 г., <https://www.ft.com/content/234d8fd6-6e29-11ea-89df-41bea055720b>.

[137] Мерчант, Брайан, «Google говорит, что не будет создавать собственный ИИ для добычи нефти и газа», OneZero, 19 мая 2020 г., <https://onezero.medium.com/google-says-it-will-not-build-custom-AI-для-добычи-нефти-и-газа-72d1f71f42c8>.

[138] Бэрд-Ремба, Ребекка, «Как пандемия стимулирует трудовую активность среди основных работников», Коммерческий обозреватель, 11 мая 2020, <https://commercialobserver.com/2020/05/how-the-пандемия-движущая-трудовая-активность-среди-основных-рабочих>.

[139] Гамильтон, Габриель, «Мой ресторан был моей жизнью на протяжении 20 лет. Нужна ли она миру больше? », The New York Times Журнал, Обновление 26 апреля 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/04/23/magazine/closing-prune-restaurant-covid.html>.

[140] Тапария, Ханс, «Будущее колледжа за Интернетом, и оно дешевле», The New York Times, 25 мая 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/05/25/opinion/online-college-coronavirus.html>.

[141] Хесс, Аманда, «Культура знаменитостей горит», The New York Таймс, 30 марта 2020, <https://www.nytimes.com/2020/03/30/arts/virus-celebrities.html>.

[142] Барри, Джон, Великий грипп: история самой смертоносной пандемии в истории, Penguin Books, 2005.

[143] Круглански, Арье, «Три способа, которыми пандемия коронавируса меняет нас», *The Conversation*, 20 марта 2020 г., <https://theconversation.com/3-ways-the-coronavirus-pandemic-is-изменение-кто-мы-133876>.

[144] Памук, Орхан, «Чему нас учат великие пандемические романы», *The New York Times*, 23 апреля 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/04/23/opinion/sunday/coronavirus-orhan-pamuk.html>.

[145] Кейс, Энн и Ангус Дитон, *Смерть отчаяния и будущее капитализма*, Princeton University Press, 2020, <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691190785/death-of-отчаяние-и-будущее-капитализма>.

[146] Фридман, Томас Л., «В поисках «общего блага» в пандемии», *The New York Times*, 24 марта 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/03/24/opinion/covid-ethics-policy.html>.

[147] Facebook, «Капсулы знаний: изоляция или нет изоляция», 26 апреля 2020 г., <https://m.facebook.com/KnowledgeCapsules1/posts/2374859852804537>.

[148] Базелон, Эмили, «Перезагрузка Америки означает, что люди умрут. И так, когда мы это сделаем?», Журнал «Нью-Йорк Таймс» 10 апреля 2020, <https://www.nytimes.com/2020/04/10/magazine/coronavirus-экономика-дебаты.html>.

[149] Твенге, Жан, «Новое исследование показывает ошеломляющее влияние пандемии коронавируса на психическое здоровье Америки», *Разговор*, 7 мая 2020, <https://theconversation.com/new-исследование-показывает-поражающий-эффект-пандемии-коронавируса-на-Америка-психическое-здоровье-137944>.

[150] Туччи, Вероника и Нидал Мукаддам, «Мы - пустые люди: всемирная эпидемия психических заболеваний, психиатрических и поведенческих чрезвычайных ситуаций и ее влияние на пациентов и поставщиков медицинских услуг», *Journal of Emergencies, Trauma and Shock*, vol. 10, 2017, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5316796>.

[151] Управление здравоохранения и безопасности (HSE), «Статистика стрессовой депрессии или тревожности, связанной с работой, в Великобритании, 2018», Ежегодник Статистика, 31 октября 2018 г., <http://greeningconsultants.co.uk/wp-content/uploads/2019/03/HSE-Stats-2018.pdf>.

[152] Бектел, Роберт Б. и Эми Бернинг, «Феномен третьей четверти: испытывают ли люди дискомфорт после того, как стресс прошел?», В А. А. Харрисон, Ю. А. Клируотер и С. П. Маккей (ред.), *От Антарктиды до космоса*, Springer, 1991, https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4612-3012-0_24.

[153] Брукс, Саманта К. и др., «Психологическое воздействие карантина и способы его снижения: быстрый обзор доказательств», *The Lancet*, vol. 395, нет. 10227, 14-20 марта 2020 г., стр. 912-920, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140673620304608>.

[154] Кэмпбелл, Денис, «Изоляция в Великобритании вызывает «серьезные психические заболевания у впервые обращающихся пациентов»», *The Guardian*, 15 мая 2020 г., <https://amp.theguardian.com/cdn.ampproject.org/c/s/amp.theguardian.com/society/2020/may/16/великобритания-блокировка-вызывающая-серьезное-психическое-заболевание-в-первый-раз-пациенты>.

[155] Фонд Организации Объединенных Наций в области народонаселения (ЮНФПА), «Влияние пандемии COVID-19 на планирование семьи и прекращение гендерного насилия, калечащих операций на женских половых органах и детских браков», Промежуточная техническая записка, 27 апреля 2020 г., https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/COVID-19_impact_brief_for_UNFPA_24_April_2020_1.pdf.

[156] Лейард, Ричард, «Новый приоритет психического здоровья», документ EA035, Центр экономической эффективности, Лондонская школа экономики и политологии, май 2015 г., <http://ser.lse.ac.uk/pubs/download/ea035.pdf>.

[157] Фальк, Дэн, «Должны ли мы все стать более творческими из-за пандемии?», *Scientific American*, 29 марта 2020 г., <https://blogs.scientificamerican.com/observations/must-we-all-стать-более-творческим-из-за-пандемии>.

[158] Поллак-Пельзнер, Дэниел, «Шекспир написал свои лучшие произведения во время чумы», *The Atlantic*, 14 марта 2020 г., <https://www.theatlantic.com/culture/archive/2020/03/broadway-Shutdown-could-be-good-theatre-coronavirus/607993>.

[159] Фридленд, Джонатан, «Настройте свои часы: изоляция приводит к тому, что время полностью теряет форму», *The Guardian*, 24 апреля 2020 г., <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/24/lockdown-time-coronavirus-заклученные>.

[160] Уилланс, Эшли, «Время для счастья», *Harvard Business Обзор*, Январь 2019, <https://hbr.org/cover-story/2019/01/time-к-счастью>.

[161] Хелливелл, Джон Ф., Ричард Лейард, Джеффри Сакс и Ян-Эммануэль Де Неве (редакторы), *Отчет о мировом счастье 2020, Сеть решений для устойчивого развития, 2020*, <https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2020/WHR20.pdf>.

[162] Это исследование подытожено в книге Джонс, Люси, *Теряя Эдем: зачем нашему разуму дикая природа*, Аллен Лейн, 2020.

[163] Им, Су Гын и др., «Сравнение влияния двухчасового воздействия лесной и городской среды на уровни цитокинов, антиоксидантов и стресса у молодых людей», *Международный журнал экологических*

исследований и общественного здравоохранения, том. 13, нет. 7, 2016, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4962166>.

[164] Ниман, Дэвид К. и Лорел М. Венц, «Неотъемлемая связь между физической активностью и защитной системой организма», *Journal of Sport and Health Science*, vol. 8, No. 3, 2019, pp. 201-217, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2095254618301005>.

[165] Клаус Шваб 3 марта 2020 г.; см. также Всемирный экономический форум, «Великая перезагрузка», 3 июня 2020 г., <https://www.facebook.com/worldeconomicforum/videos/189569908956561>.

[166] Макгоуэн, Кэт, «Сотрудничество - вот что делает нас людьми», *Наутилус*, 29 апреля 2013 г., <http://nautil.us/issue/1/what-makes-you-такой-особенный-сотрудничество-это-то-что-делает-нас-людьми>.

[167] Клири, Шон, «Восстановление после кризиса на трех столпах: справедливость, безопасность и устойчивость», *G20 Insights*, краткое изложение политики, 29 мая 2020, https://www.g20-insights.org/policy_briefs/rebuild-после-кризиса-на-трех-столпах-справедливости-безопасности-и-устойчивости.

[168] Сен, Амартия: «Лучшее общество может появиться из-за локдауна», *Financial Times*, 15 апреля 2020 г., <https://www.ft.com/content/5b41ffc2-7e5e-11ea-b0fb-13524ae1056b>.

[169] Даймонд, Джаред, «Уроки пандемии», *Financial Post*, 27 мая 2020, <https://www.ft.com/content/71ed9f88-9f5b-11ea-b65d-489c67b0d85d>.

[170] Харви, Фиона, «Британцы хотят, чтобы показатели качества жизни имели приоритет над экономикой», *The Guardian*, 10 мая 2020 г., <https://www.theguardian.com/society/2020/may/10/britons-want-приоритет-показателей-качества-жизни-над-экономикой-коронавирус>.

[171] Грей, Эмили и Крис Джексон: «Две трети граждан во всем мире согласны с тем, что изменение климата - это такой же серьезный кризис, как и Коронавирус», *Ipsos*, 22 апреля 2020 г., <https://www.ipsos.com/en/two-трети-граждан-всего-мира-согласны-с-серьезным-кризисом-изменения-климатакоронавирус>.

[172] Всемирный экономический форум, Обзор рисков COVID-19: предварительное картирование и его последствия, *Insight Report*, май 2020 г., http://www3.weforum.org/docs/WEF_COVID_19_Risks_Outlook_Special_Edition_Pages.pdf.